НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ 2007

ДОРИС ЛЕССИНГ

СИРИУС ЭКСПЕРИМЕНТИРУЕТ

КАНОПУС В АРГОСЕ: АРХИВЫ

издательство амфора

Сириус экспериментирует

Дорис Лессинг

Аннотация
От автора
Сириус экспериментирует
  Сириус и Канопус. Экскурс в историю
  Эксперимент с ломби и другие исследования
  Положение на канопианских территориях.
Другие эксперименты Сириуса
  Шаммат. Конец прежней Роанды
  Положение в Сирианской империи
  Канопус — Сириус. Клорати
  Карлики. Хоппе. Навахи
  Адаланталэнд
  «События»
  Ломби. Третья встреча с Клорати
  Коши
  Планета 3(1). Обитатели Планеты 9
  Гракконкранпатл
  Леланос
  Эксперименты в Леланосе
  Луна Роанды
  Кочевники
  Большая Пятерка

Тафта

Шаммат

Канопус

Директива Большой Четверки. Распространить на Сириусе и во всех колониях Сирианской империи

ПИСЬМО, АДРЕСОВАННОЕ СТАГРАК

Аннотация

Роман «Сириус экспериментирует» является третьей частью знаменитого «космического» цикла «Канопус в Аргосе: Архивы», в который входят пять произведений, повествующих о противоборстве крупнейших космических империй — Канопуса, Сириуса и Путтиоры.

Одно из лучших произведений Дорис Лессинг, лауреата Нобелевской премии в области литературы за 2007 год.

От автора

Отклики прессы и читателей на романы «Шикаста» и «Браки между Зонами Три, Четыре и Пять» побудили меня сказать пару слов в порядке разъяснения… Если я и создала целую космологию, это было сделано исключительно в литературных целях. Когда-то я была молода и легковерна во всем, шла ли речь о религии или политике, однако с годами во мне появилось куда больше скепсиса. Я стала меньше верить и чаще сомневаться… Теперь я подозреваю, что наши представления о самих себе как о биологическом виде ошибочны, и подобное видение мира может показаться тем, кто придет за нами, столь же странным, как нам — воззрения жителей Новой Гвинеи. Мы судим о себе превратно. Мы знаем о происходящем крайне мало. Есть масса вещей, о которых не оповещают рядовых граждан, и зачастую важные сведения остаются достоянием горстки избранных.

Литературное творчество позволяет мне размышлять об идеях, которые наша образовательная система считает абсурдными. Будь я

физиком, мне было бы куда проще! *Они* могут сколько хотят разглагольствовать о черных дырах, которые глотают звезды и позволяют перемещаться по виткам времени и пространства, с математической точностью попадая в миры, где не применимы законы нашей Вселенной. *Они* беззаботно болтают о существовании параллельных миров — зеркальном отражении нашей Вселенной, — где время течет в обратную сторону.

Думаю, не зря сейчас так часто цитируют знаменитое изречение Д. Б. С. Холдейна: «Я подозреваю, что на самом деле Вселенная не только гораздо более странная, чем мы себе представляем, но она и гораздо более странная, чем мы можем представить».

Мы живем в пугающую и непостижимую эпоху, которая все больше утрачивает определенность былых времен, и читатель страстно желает «уверовать» в стройную космологию и обрести опору в четкой, непротиворечивой системе мышления. Но я не хочу, чтобы меня осуждали за то, что я усугубляю неразбериху, разрушая приведенную в боевую готовность определенность.

Следует помнить, что инструмент писателя — его воображение. Мы — профессиональные

выдумщики. Сочинять — наше ремесло.

Однажды, когда я еще не написала ни одного фантастического романа, я прочла прелестную историю про умнейших, высокоразвитых жирафов, которые прилетели на Землю из другой солнечной системы, чтобы выяснить, как ведет себя наше Солнце. Не стало ли оно столь же беспощадным, каким с недавних пор сделалось их собственное светило. Я помню, как сказала себе: вряд ли читатели засыпают автора этой истории письмами, допытываясь, каково жирафу на космическом корабле.

Говорят, будто бы всё, что способен вообразить человек, существует где-то на ином уровне реальности. Вся наша литература, Священное Писание, мифы, легенды — любые свидетельства развития человеческого рода — повествуют о великой борьбе добра со злом. Все детективы, вестерны, любовные романы — даже рассчитанные на самый невзыскательный вкус — тоже отражают эту борьбу. Нет ни одной сказки, песни или пьесы, которая обошла бы эту тему.

Но что это за борьба? Между какими силами?

Разумеется, я не верю в существование планеты Шаммат, которая кишмя кишит космическими негодяями и дурно влияет на Землю, как не верю

и в то, что Земля действительно стала местом, где столкнулись две великие империи — Канопус и Сириус.

Но разве Канопус и Сириус не могли сыграть подобную роль в истории нашей Вселенной в далеком прошлом?

Что стоит за нашими представлениями о «добре» и «зле»?

Я не удивлюсь, если выяснится, что более высокоорганизованные существа использовали Землю как место для экспериментов… что форма и размеры зданий оказывают на нас влияние, о котором мы не догадываемся… что в прошлом существовала наука, о которой мы позабыли… что, находясь в подчинении у кого-то, мы и не подозреваем об этом… что нам помогают, но мы не ведаем этого… что наше ощущение времени имеет мало общего с реальностью, и поэтому старость всегда застигает нас врасплох, — скорей всего, продолжительность человеческой жизни в прошлом была иной, а поскольку с биологической точки зрения это было совсем недавно, психологически мы еще не смирились с происходящим… что различные предметы обладают неизвестными нам свойствами… что человечеству уготовано куда более славное будущее, чем

мы думаем… что…

Я не верю, что на Луне живут инопланетяне, — а впрочем, почему бы и нет?

Что касается НЛО, то как можно сомневаться в том, что своими глазами видело столько разумных, ответственных, здравомыслящих людей, в том числе ученых?

А что касается…

В этой книге я создала образ хладнокровной, деловитой чиновницы, исполненной чувства долга и знающей свое дело. Будучи умелым руководителем и специалистом в области общественных наук, она нередко заблуждается в отношении собственной натуры. Не могу сказать, что я безоговорочно симпатизирую своей героине, которая наделена моими собственными недостатками и предубеждениями. Ее мышление — так же, как и у каждого из нас — часть группового сознания, коллективного разума. Мы редко признаем это, считая себя независимыми созданиями, которые живут своим умом и свободно выбирают, что брать на веру. Собственные мысли кажутся нам оригинальными и неповторимыми, и хотя на нашей планете живут миллиарды людей, одни продолжают думать, что каждый из нас уникален, а другие считать, что если остальные — не

более чем точки в огромном рое, то уж он-то — самостоятелен и независим в своих суждениях. С годами это удивляет меня все больше. Откуда у нас такое представление о самих себе?

На мой взгляд, идеи, которыми увлекается человечество, подобны приливам и отливам.

Откуда они берутся?

Я буду рада, если мои читатели и критики будут рассматривать серию романов «Канопус в Аргосе: Архивы» как канву, которая позволяет рассказывать увлекательные — я надеюсь — истории, размышлять о разнообразных вопросах и анализировать различные идеи и возможности общества.

Я бы с удовольствием писала о красных и белых карликах, космических кораблях, влекомых силами антигравитации, адронах, глюонах, пионах, мюонах и очарованных кварках.

Но не всем дано быть физиками.

Дорис Лессинг

Сириус экспериментирует

Сириус и Канопус. Экскурс в историю

Меня зовут Амбиен Вторая, я член Большой Пятерки.

Я взялась написать отчет о наших экспериментах на Роанде, ныне известной Канопусу как Шикаста.

Я буду придерживаться традиционной хронологии, которую используют как на Сириусе, так и на Канопусе.

1. Период до первой вспышки излучения Андара.

2. Период между первой и второй вспышками излучения Андара.

3. Период от момента второй вспышки и до провала Смычки Канопуса и Роанды, известного как Катастрофа. (Этот период иногда называют Золотым веком.)

4. Период последующего упадка.

В моем отчете речь пойдет главным образом о четвертом периоде.

Я в двух словах расскажу об экспериментах, которые проводились до первой вспышки. Их исчерпывающее описание можно найти в учебнике зоологии. В тот первый период Роанда была сы-

рой и топкой. Ее покрывали мелководные моря, которые мало отличались от болот, и глубокие океаны, неизменно мутные из-за вулканической активности. Площадь суши была невелика. Мало было и наземных животных, при великом разнообразии водяных ящериц и рыб. Некоторые из них были неизвестны в других колониях и на Родной Планете, и нам удалось успешно адаптировать несколько видов к жизни в новых местах. Кроме того, мы ввозили на Роанду виды, обитающие на других планетах, чтобы посмотреть, что с ними произойдет. В этот период наши эксперименты были достаточно благоразумными и не отличались от исследований в других частях империи.

Теперь перейдем ко второму периоду. Первая вспышка излучения Андара была неожиданной. Она застигла врасплох и нас, и Канопус. Мы зорко следили за Роандой с тех пор, как закончилась война, которая положила конец нашей вражде. Изменившаяся ситуация заставила нас наблюдать за ней с удвоенным вниманием. Излучение мгновенно уничтожило несколько видов живых организмов и ускорило эволюцию. Условия на планете оставались удручающими — она попрежнему была сырой, болотистой, туманной,

однако новые виды появлялись один за другим, а существующие стремительно развивались. Не прошло и миллиона Р-лет, как на Роанде, помимо рыб и рептилий, уже обитали летающие животные и насекомые, неизвестные ранее. Повсюду кипела жизнь. Вскоре стало понятно, что грядет эпоха исполинов. В первую очередь это касалось ящериц: они были весьма разнообразны и теперь достигали размеров, в сотни раз больших, чем их предки в прошлом. Растительность стала буйной, а сами растения — огромными. Землю и воду заселили гигантские животные самых разных видов.

В этот период мы время от времени совещались с Канопусом, когда обе стороны считали это необходимым. Иногда инициатором таких переговоров выступал Канопус, иногда мы сами.

Мы всегда снабжали Канопус отчетами о том, чем занимаемся на этой планете, однако *тогда* он не слишком интересовался нашими исследованиями. К этому чрезвычайно важному моменту я вернусь позже. Канопус тоже исправно снабжал нас отчетами, но мы изучали их не особенно прилежно. Далее станет понятно, что это тоже весьма важное обстоятельство.

Во время второго периода Канопус создал на Роанде наблюдательный пункт. Мы продолжа-

ли проводить здесь свои эксперименты, но все они были связаны с бурным развитием видов, а поскольку эта планета в избытке поставляла нам материалы для наблюдений, мы почти не вмешивались в происходящее. Наши ученые не любили это место. Некогда наша Планета 13 отличалась таким же сырым климатом и атмосферой, наполненной ядовитыми испарениями, о чем у нас уже было собрано достаточно данных.

В течение примерно двухсот миллионов Р-лет сохранялось подобное положение дел. Как некогда, до первой вспышки, мы думали, что ситуация стабильна, так теперь казалось, что это сырое, неприглядное место, полное огромных, свирепых животных, останется таким навсегда. Затем произошла вторая вспышка излучения.

Последствия вновь оказались впечатляющими.

Налицо были все признаки катаклизма. Суша опустилась под воду и стала дном океана, морское дно — сушей, которая теперь занимала весьма обширное пространство, а местами даже образовались горы. Вулканическая активность не прекращалась на Роанде никогда, поскольку земная кора, покрывавшая жидкое ядро, была достаточно тонка, но теперь и вода, и суша

непрерывно содрогались в конвульсиях. Завесу облаков, из-за которой вся планета нередко надолго погружалась во мрак, теперь раздирали грозы и ураганные ветры.

Все крупные животные и растения были уничтожены. Гигантские ящеры погибли, а заросли исполинских папоротников полегли под дождем и ветром.

Внезапно началось похолодание. Когда земля перестала содрогаться, стало видно, что планета преобразилась. Вскоре большая часть воды сосредоточилась вокруг полюсов в виде льда и снега. Болотистые участки сохранились, но теперь земля была отделена от океана и появились засушливые зоны. Все это случилось задолго до того, как ось планеты отклонилась от вертикального положения и смена «времен года» сделала климатические условия весьма неустойчивыми. Вокруг полюсов было холодно. В экваториальной зоне жарко. В остальных частях планеты встречались территории с предсказуемыми, стабильными метеорологическими условиями.

В третий период, на который и мы, и Канопус возлагали большие надежды, условия были просто идеальными — лучшего не может желать ни одна планета. Однако он продолжался всего-на-

всего двадцать тысяч Р-лет.

В самом начале третьего периода Канопус пригласил нас на совещание, которое вошло в историю под названием Конференция.

Это совещание проводилось не на нашем родном Сириусе и не на Канопусе, а в Колонии 10, что было удобно для обеих сторон.

На Конференции царила атмосфера уверенности и оптимизма.

Теперь настало время рассказать подробнее об отношениях Сирианской империи с ее выдающимся другом и соперником.

Прежде всего нужно отметить, что Канопус был первопроходцем в создании ряда наук, и кое-кто считает, что он до сих пор намного опережает нас.

Полагаю, что долг историка — по возможности отражать истину… Не следует считать это замечание провокацией, хотя при настроениях, преобладающих в нашей империи, найдется немало тех, кто воспримет его именно так.

Слишком долго наши историки отказывались признать тот факт, что Канопус *первым* занялся исследованием Ускоренной Эволюции и начал нарабатывать соответствующие умения и навыки. Я не намерена спорить здесь с теми — боюсь,

все еще достаточно многочисленными — оппонентами, которые убеждены, что природу следует предоставить самой себе. Именно Канопус начал задумываться о том, как можно ускорить эволюцию отдельных видов и целых планет или изменить ее ход. Мы учились этому у Канопуса. Факт остается фактом. Мы были его учениками. Прилежными — и довольно способными — учениками трудолюбивого и щедрого учителя.

Именно поэтому, когда речь зашла о разделе Роанды, нам досталась не лучшая часть.

Критически настроенный читатель непременно спросит: к чему петь дифирамбы Канопусу, если всем известно, что история Роанды представляет собой сплошную череду несчастий?

Но если в этом и есть вина Канопуса, Сириус виновен ничуть не меньше. На Конференции в Колонии 10 все мы думали, что после двух весьма длительных периодов стабильности, каждый из которых продолжался много миллионов Р-лет, можно рассчитывать на то, что новый период тоже продлится миллионы лет. Однако существуют факторы, которые принято называть «космическими», — над ними мы не властны, и предугадать их невозможно. Планирование эволюции подчиняется внешним обстоятель-

ствам. Если мы, опасаясь космических сдвигов и катастроф, не позволим себе взяться за развитие планеты, которая пригодна для подобных целей или только что открыта, мы никогда и ничего не добьемся.

Канопус, как и мы, разочаровался в колонизации. Роанда была не единственной их неудачей. Впрочем, *они* избегают употреблять это слово. Ни для кого не секрет, что я всегда принадлежала к тем, кто считает канопианцев излишне сентиментальными. Порой до абсурда. Как еще можно назвать тех, кто руководствуется соображениями, не учитывающими экономической выгоды и влекущими за собой бессмысленные, с административной точки зрения, усилия?

Что еще? Теперь я понимаю, что можно смотреть на вещи по-разному. Я надеюсь на будущее… А пока могу сказать, что, с чисто практической точки зрения, Роанда была не просто неудачей, а настоящим провалом, и все же в этом не было вины канопианцев. Некоторые из нас торопятся обвинить Канопус, хотя мы стремились использовать Роанду не меньше, чем он, и предполагали, что в нашем распоряжении еще миллионы Р-лет.

Суша и моря в ту пору располагались пример-

но так же, как сейчас. Основной массив суши окаймляют мысы, полуострова и острова. Землю окружает огромный океан с множеством островов, причем некоторые из них достаточно велики. Существуют два континента, отделенные от основной части суши. Они соединены перешейком, который временами оказывается под водой. Сейчас их называют Южный Изолированный Континент (ЮИК) и Северный Изолированный Континент (СИК). Из-за периодического снижения уровня моря между Основным Материком (ОМ) и Северным Изолированным Континентом появлялись и исчезали многочисленные острова, один из которых был огромных размеров. Но порой здесь лишь плескался океан без всяких островов.

К югу от Основного Материка находится еще один континент, который сейчас называют Первым Южным Континентом (ПЮК) (Южный Изолированный Континент — это Второй Южный Континент (ВЮК)). Некоторые географы считают Первый Южный Континент частью Основного Материка, поскольку его северные зоны чутко реагируют на малейшие сдвиги и колебания этого массива суши. Однако южные территории имеют настолько непохожую историю, что их

часто рассматривают как отдельный континент. Сириус получил два южных континента Роанды, включая северные территории ПЮК, и право использовать любые острова, большие и маленькие, расположенные в океанах.

О самой Конференции следует рассказать подробнее.

Все считали, что она прошла с огромным успехом. Хотя конференций и совещаний, где обсуждались положение и проблемы в многочисленных колониях, проводилось великое множество, на этот раз все участники чувствовали, что наше сотрудничество выходит на новый уровень. И чем дальше это событие уходило в прошлое, тем лучше мы понимали, что оно было экстраординарным, и не только потому, что на Роанде неожиданно началась новая эпоха. Комиссии, конференции, совещания проводились тысячи лет, но мы всегда вспоминали именно эту Конференцию в Колонии 10, поскольку на ней царила оживленная, приподнятая атмосфера, которую нам ни разу впоследствии не удалось воссоздать.

И все же я намерена со всей ответственностью заявить, что Конференция, о которой идет речь, провалилась.

Сириус воспринял резолюции, соглашения и *устные заявления* совсем не так, как понимал их Канопус. Это выяснилось не сразу. Сказать по правде, прежде чем это выяснилось, прошло очень много времени. Даже сегодня это сознают очень немногие сириане.

Полагаю, теперь вам ясно, что данный отчет — это попытка интерпретировать историю с иной, новой точки зрения.

Подобная точка зрения все ещё остается непопулярной, а до недавнего времени была попросту невозможна.

Более того, еще недавно я сама была в рядах ее ярых противников, причем совершенно искренне: я не из тех, кто держал собственные (крамольные!) взгляды на историю в тайне из-за боязни быть жестоко наказанным. Дело обстоит совсем не так. Инакомыслящие, если бы таковые обнаружились, сочли бы меня безнадежным ортодоксом. Я не собираюсь оправдываться. Мы прозреваем лишь тогда, когда способны увидеть истину. Едва лишь мы становимся умнее, нас так и подмывает объявить тех, кто продолжает блуждать в потемках, отъявленными, закоснелыми глупцами.

Связывая свою судьбу с горсткой инакомысля-

щих — если таковые существуют, — я готова к самой суровой критике, но, надеюсь, не к более серьезным последствиям.

Теперь я перейду к тому, что считаю первопричиной проблемы: Великой войне Канопуса и Сириуса в далеком прошлом.

***

Эта война закончилась Великим Перемирием… Годовщину этого судьбоносного события мы отмечаем до сих пор. Ужасы тех времен, свидетельствующие о нашем героическом прошлом, отражены в легендах и летописях, на которых мы воспитываем нашу молодежь. Канопус выиграл войну, но хотя все ожидали, что он заставит Сириус расплачиваться за содеянное, унижая и обирая нас, победитель неожиданно предложил нашим — разбитым наголову — военачальникам вернуть наши бывшие колонии, уведомил, что мы должны оставаться в пределах своих прежних границ, и предложил дружбу и сотрудничество. Мало того, по инициативе Канопуса наше соглашение было названо не капитуляцией, а перемирием, чтобы мы могли сохранить репутацию в глазах дружественных государств и империй.

Совсем недавно я спросила своего друга Клорати, главу Колониальной Администрации Канопуса, как люди его круга относятся к столь великодушному поведению их властей сегодня. Ведь Сириус так и не воздал Канопусу должное. Напротив, мы сделали все, чтобы вычеркнуть из своей истории, книг и даже из памяти любые намеки на то, что Канопус сначала выиграл войну, а затем, одержав победу, повел себя так, как — насколько мне известно — никогда не вела себя ни одна империя. Клорати ответил, что «пока рано делать выводы», дав понять, что он «предпочел бы воздержаться от высказываний на эту тему».

Я воспроизвожу это типично канопианское высказывание дословно. Без комментариев. Во всяком случае здесь.

Я уже говорила, что Канопус не слишком интересовался результатами наших экспериментов на Роанде и на других планетах.

Так же как мы не понимали позицию Канопуса в конце Великой войны, так мы не понимали и до сих пор не понимаем их безразличия к нашей работе.

По-видимому, это объясняется тем, что Канопус ушел далеко вперед. Ему нечему у нас учиться. Однако мы неизменно считали такое поведение

лицемерием, а безразличие — притворством, за которым прячется гордыня. Мы были убеждены, что Канопус шпионит за нами исподтишка, собирает любую информацию, какую только можно добыть, и засылает на наши территории лазутчиков, чтобы втайне воспользоваться нашими достижениями.

Наш менталитет *постоянно* заставляет нас делать неверные выводы.

Приведу пример. Местом проведения пресловутой Конференция была выбрана Колония 10, и будущие переселенцы на Роанду оказались родом именно оттуда. Это было чистой воды совпадением, однако мы долго рассуждали о «хитрости» Канопуса, который позаботился, чтобы мы заранее познакомились с этими решительными, грубоватыми людьми, и это отбило у нас желание нарушать свои границы на Роанде. Именно такое убеждение сложилось на Конференции, — будучи одной из тех, кто лично виноват в этом, я признаю, что оно причинило впоследствии огромный вред, — и упрочилось во время нашего пребывания на этой планете, что имело массу разнообразных последствий. Так наша собственная подозрительность подтолкнула сириан к абсурдным умозаключениям, — ведь

провести Конференцию в Колонии 10 предложили мы сами.

Можно привести множество подобных примеров, но я хочу остановиться на двух основных вопросах, которые обсуждались на Конференции и были весьма важны для нас. Мы снабжали Канопус кратким описанием экспериментов, которые намеревались провести, но в то время не понимали — были не готовы понять! — до какой степени эти самые эксперименты подчиняются планам Канопуса.

Впереди у нас было двадцать тысяч лет, в течение которых мы рассчитывали извлекать выгоду из благоприятной ситуации на Роанде под покровительством Канопуса. Позднее Канопус решил форсировать реализацию своих планов, поскольку на канопианской Планете 8 произошли непредвиденные изменения и в ближайшее время она должна была прекратить свое существование. В то время Канопус рассчитывал, что у него в запасе есть пятьдесят тысяч, а не двадцать тысяч лет, и полагал, что за это время он успеет вывести жителей Колонии 10 на требуемый уровень. Канопианцы сообщили нам, что их план включает два этапа. Первый — развитие добровольцев, заселивших Колонию 10, до заданного

уровня и их социальная консолидация. (То, что речь шла о добровольцах, в то время казалось нам смешным, хотя вскоре мы тоже стали использовать подобную стратегию, вместо того чтобы объявлять мобилизацию.) Предполагалось, что *заданный уровень* — а на этот счет мы получили исчерпывающую информацию — ознаменует так называемую «Смычку», которая обеспечит гармоничное сосуществование Канопианской империи и Роанды, сделав их единым целым. Это была гармония особого рода.

Тогда это была первая из незнакомых нам тем. Рискну заявить, что она неведома нам и сейчас, — и когда мы произносим такие слова, как *гармония, добрососедские отношения, сотрудничество,* — а рассуждая о нашей империи, мы обожаем повторять их по любому поводу, — мы подразумеваем совсем не то, что имеет в виду Канопус. На Конференции говорилось, что Канопус намерен *заниматься развитием* добровольцев Колонии 10 и *укреплять их дух во имя прогресса* Канопианской империи. В то время мы полагали, что упомянутые развитие и прогресс возможны лишь на наших собственных территориях.

Вторым вопросом, обсуждавшимся на Конференции, были предложенные Канопусом методы

достижения этих дерзких целей. Причем нам предоставили возможность — которой мы так и не воспользовались — ознакомиться с любой интересующей нас информацией.

Мы отвергли упомянутое предложение, поскольку наши глаза застилала обида, и лишь всеобщая эйфория на Конференции помогла сирианам скрыть эти неуместные чувства. На северных территориях обитало несколько видов приматов. Отдельные виды уже ходили на задних лапах, держа тело вертикально, умели пользоваться оружием и различными инструментами и вели полуоседлый образ жизни. Животные, достигшие такого уровня развития, очень ценились — они годятся для обучения несложным задачам и являются прекрасным материалом для экспериментов. На Втором Южном Континенте таких видов не было и в помине, и хотя на Первом Южном Континенте тоже обитали обезьяны, уровень их развития был значительно ниже. Их можно было использовать для экспериментов, но никак не для работы.

Мы считали, что Канопус «как всегда» забирает себе все самое лучшее, и нам и в голову не приходило, что у него были все основания вообще не пускать нас на Роанду, потому что эту планету

открыли не мы.

Канопианцы объяснили, что «симбиоз» с обезьянами будет способствовать стремительному и успешному развитию поселенцев с Колонии 10 и что обезьянам такое соседство тоже пойдет на пользу. Мы полагали, что этот «симбиоз» означает, что привилегированные иммигранты освобождаются для выполнения более сложных задач, используя обезьян в качестве прислуги.

Короче говоря, мы истолковали две основные позиции плана Канопуса превратно, хотя от нас ничего не утаили. Вспоминая теперь все, что происходило на Конференции, я понимаю, что там не было ничего недосказанного, не растолкованного, не выясненного. Однако мы интерпретировали все услышанное на свой лад. Невозможно сейчас не задаваться вопросом, *почему* Канопус выстроил Конференцию таким образом. Чтобы его не упрекнули в скупости? Нет! Зная Канопус, можно твердо сказать, что дело было не в этом. Но, должно быть, канопианцы понимали, что мы не верим тому, что нам говорят, и перетолковываем все по-своему.

Почему они это делали? Лишь недавно у меня появился ответ на этот вопрос. Точнее, я начала догадываться, как на него ответить…

Завершение Конференции было отмечено всевозможными празднествами и увеселительными мероприятиями. Для нас устроили экскурсии в другие канопианские колонии, и в каждой из них неизменно говорили, что, если нам случится оказаться в этой части Галактики, мы можем гостить у них, сколько пожелаем, — и прочие дежурные любезности. Вернувшись домой, мы не стали терять время. Планеты, на которых складываются столь же благоприятные условия, как на Роанде, всегда были большой редкостью. Мы, сотрудники Колониальной Службы, были исполнены воодушевления и оптимизма. Между прочим, свое название Роанда получила именно на Конференции. Возможно, пока еще рано говорить о том, что, когда условия на этой планете изменились в худшую сторону и она стала уже не столь отрадным местом, хотя и сохранила плодородие, Канопус заменил название «Роанда» другим. Теперь канопианцы именуют планету «Шикаста». Это слово обозначает нечто сломанное или испорченное и, по нашему мнению, имеет излишне негативную коннотацию. Подобная смесь педантизма и склонности к поэтическим метафорам, характерная для Канопуса, всегда раздражала меня.

Наши космические корабли уже провели подробнейшую топографическую съемку обоих Южных Континентов независимо от Канопуса. Наши ученые обследовали отдельные зоны и дали соответствующие рекомендации. Было решено, что Первый Южный Континент станет использоваться главным образом для ведения сельского хозяйства. Незадолго до этого мы присоединили к империи Колонию 23 и обнаружили, что она пригодна для широкомасштабного заселения, если наладить снабжение поселенцев продуктами питания. Колония 23 находилась в одной солнечной системе с Роандой, совсем недалеко от нее, и мы сразу решили использовать один из южных континентов как агротехническую базу. ПЮК отличался плодородными почвами и прекрасным климатом. Здесь имелись три климатические зоны. Центральная, экваториальная, была слишком жаркой, но две другие — южная и северная — прекрасно подходили для выращивания самых разных культур. Мы завезли сюда несколько сортов зерновых из собственных колоний и из колоний Канопуса, а также усовершенствовали местные сорта травянистых, клубневых и листовых растений. Я не занималась этой работой лично. Те, кто заинтересуется ею, может взять

отчеты ПЮК за двадцать тысяч лет, где содержится соответствующая информация. Кроме того, в этот период на континенте функционировало несколько лабораторий, где проводились весьма содержательные исследования. Почти все они были связаны с сельским хозяйством и использованием местных и привозных видов животных. В этот период Колония 23 процветала. Ее обитатели, которые ранее жили на Сириусе, отбирались самым тщательным образом. Им не приходилось тревожиться о пропитании или тратить силы на то, чтобы прокормить себя, — все свободное время они могли посвятить интеллектуальной деятельности и размышлениям. Эти двадцать тысяч лет были для Колонии 23 Золотым веком, и именно в это время она приобрела статус Центра планирования империи. Тот факт, что это продолжалось недолго, не умаляет этого достижения.

Я не буду рассказывать об экспериментах на ПЮК подробно и не стану детально описывать исследовательскую работу на ВЮК. Интересующие их подробности читатели всегда могут найти в соответствующих архивных рубриках.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что задача данного отчета — изложить определенную точку зрения на отношения Сириуса с Канопусом. О

наших экспериментах на Роанде рассказывалось тысячи раз как в официальных, так и в иных источниках, но *нигде* эти эксперименты не рассматривались в контексте наших взаимоотношений. Я намерена сосредоточиться в первую очередь на этом вопросе. Поэтому я буду рассказывать о наших исследованиях, отбирая лишь тот материал, который связан с данной темой. Не исключено, что тем, кто оценивает эксперименты на Роанде в аспекте долгосрочных задач эволюции, расставленные здесь акценты покажутся неприемлемыми. Хотя данная эпоха в истории Роанды была коротка, как оказалось, она имела решающее значение для наших отношений с Канопусом не только на этой планете. Размышления о последствиях данного непродолжительного периода могут принести огромную пользу, поскольку он был важнее и продуктивнее эпох, длившихся миллионы лет, и маленькая планета из второстепенной солнечной системы повлияла на ход событий больше, чем огромные созвездия. Осмыслив этот феномен, мы поймем и то, почему Канопус ощутимо превосходит нас в определенных сферах деятельности.

Чтобы понять ход рассуждений нашей Колониальной Службы, необходимо дать общее

представление о том, что происходило в то время в Сирианской империи.

В тот период наше техническое развитие достигло апогея, и такое положение длилось достаточно долго, чтобы мы поняли, какие проблемы оно порождает. Главная проблема заключалась в том, что миллиардам людей было нечем заняться. У них не было иной цели, кроме как жить, а потом умереть. Эта проблема оказалась для нас неожиданной. Здесь я возьму на себя смелость заявить, что, как правило, важнейшие последствия развития непредсказуемы. Мы понимали, что, когда тяжелой, монотонной работе будет положен конец, это позволит людям не тревожиться о пропитании и удовлетворении базовых нужд. Из поколения в поколение мы тратили все силы и средства на то, чтобы решить две задачи — завоевать космос и создать приспособления, которые освободят нас от тяжелого труда.

И мы никак не ожидали, что не только на Сириусе, но и в колониях люди будут страдать от депрессии и отчаяния. Мы не понимали, что любому существу в Галактике нужна цель, к которой он будет стремиться, пытаясь превзойти самого себя. Если тебе говорят, что работать не нужно и стремиться больше не к чему, тебе остается лишь

одно — потреблять, а это равносильно смертному приговору. Лидеры, добившиеся блестящих успехов, даровали свободу миллионам несчастных — свободу от нужды, от страха, от необходимости *прилагать усилия*, — и последствием этого были все признаки массового психоза, от бессмысленной жестокости до эпидемии беспричинных неврозов. Данный период, известный на Сириусе как Смутное Время, широко освещается в соответствующих источниках, поэтому я остановлюсь лишь на тех аспектах, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме. Прежде всего, нужно упомянуть феномен «вымышленной полезности». Когда причина массовых недомоганий стала понятна, было предпринято немало попыток справиться с ситуацией. Работу, которую могли выполнять машины и технические приспособления, зачастую поручали людям, страдавшим от безделья. Приведу лишь один пример. Производство и поставки пищи и хозяйственных товаров были полностью автоматизированы, и все самые популярные продукты, потреблявшиеся на территории империи, были сосредоточены на огромных складах, каждый из которых обеспечивал миллионы жителей при полном отсутствии обслуживающего персонала.

Эти склады были расформированы, а им на смену пришли мелкие поставщики, зачастую узкой специализации, и в результате миллиарды тех, кто стал работать в этой искусственно созданной отрасли, стали заметно счастливее своих многочисленных собратьев, страдающих от безделья. Но это продолжалось недолго. Мы обнаружили новую закономерность. Оказалось, что, если для оказания услуги, выполнения задачи или удовлетворения потребности существует определенная технология, которая не используется из гуманитарных или иных соображений социального характера, люди быстро перестают получать удовлетворение от своей работы. Все они *знают*, что, даже если внедрение соответствующей технологии отложено — а порой они принимают такое решение сознательно, пытаясь обмануть самих себя, — их труд, *их жизнь* не имеют подлинной цели. И рано или поздно они начнут страдать теми же недугами, что и прочее население. Это не означает, что мы наотрез отказались от концепции «вымышленной полезности». Данный подход применялся и применяется до сих пор в отдельных контролируемых зонах, в частности, в оздоровительных целях. Далее я коротко расскажу об экспериментах такого рода.

Другой приметой Смутного Времени были так называемые «забавы богачей». В основном такие «забавы» представляли собой неквалифицированный сельскохозяйственный труд. Многие зажиточные граждане приобрели землю, на которой занимались земледелием по старинке. Миллионы людей в колониях отказались от отдыха и развлечений, чтобы вернуться в далекое прошлое и всей семьей обрабатывать иногда совсем крохотный клочок земли, полностью обеспечивая себя всем необходимым. Разумеется, при случае они использовали и отдельные достижения технического прогресса. Примером для подражания служило хозяйство древних времен, когда люди, животные и растения сосуществовали в тесной связи друг с другом. Некоторые «фермеры» не продавали плоды своих трудов, но потребляли все, что было выращено, сами. Другим удавалось не только наладить торговлю с соседями, но и поставлять свою продукцию в города, где она пользовалась огромным спросом — опять же, среди состоятельных слоев населения. Не стоит и говорить, что подобных «отщепенцев» громко осуждали и что им завидовали. В то время казалось, что во всей империи не найдется никого, кто не мечтал бы обзавестись собственным ключ-

ком земли, пусть даже преступными средствами, и вернуться к примитивному производству. Этот период породил богатейшую и довольно любопытную литературу. В период апогея это модное увлечение не ограничивалось отдельными регионами, оно распространялось стремительно, как пожар, и порой ажиотаж доходил до того, что целые планеты захватывались с одной-единственной целью. Колонии 19 и 22 на несколько тысячелетий превратились в настоящий сельскохозяйственный рай. Здесь не было ни одного города, а деревням не позволяли разрастаться за пределы рыночной площади, где происходил обмен товарами. Возникли массовые, в основном молодежные движения, участники которых стремились перебраться на подобные планеты или захватить новые. Такие движения имели все признаки «религий», от которых Роанда страдала в период упадка. Людям казалось, что, если «жить просто» и «вернуться к природе», можно решить все проблемы. Но и этот этап миновал, когда стало очевидно, что ухищрения такого рода не утоляют внутреннего стремления выйти за установленные пределы как в личном, так и в социальном плане. Подобные фермы и подобные идеи все еще существуют, но все давным-давно

убедились, что это не более чем жалкие попытки вернуться в прошлое.

В то время всем стало ясно, что необходимо резко сократить численность населения. Об этом свидетельствуют вопросы, которые нас тогда занимали. Разве мы не говорили, что условия жизни в империи всецело определяются экономическими факторами? Что судить о жизни следует исключительно по уровню технических достижений? Понятно, что при таком подходе численность населения и его образ жизни зависят в первую очередь от экономических факторов. Голод, наводнения, болезни исчезли, а на смену им пришли технический прогресс и его последствия. При этом нам твердили, что ничего не изменилось. Отпала необходимость терзаться вопросами о смысле жизни, ценности человеческой личности и тому подобном. Предавались ли мы мучительным размышлениям о последствиях стихийных бедствий? Да. Пошло ли это нам на пользу? Нет. Тогда зачем истязать себя из-за факторов, над которыми мы не властны так же, как не властны над силами природы?

Однако в этом-то и была самая соль. Достигнув высот технического прогресса, мы вообразили, что способны контролировать ситуацию и делать

выбор. Мы думали, что научились обуздывать хаос, предотвращать случайную смерть и сознательно управлять миром.

Однако каким бы взвешенным и осмотрительным ни было наше решение сократить численность населения, сказать про него — *таков был наш выбор* — значит покривить душой. Пойти на это нас вынудил экономический рост.

На протяжении всего Смутного Времени, когда мы активно занимались повсеместным сокращением численности населения, дебаты на данную тему не прекращались. Эти споры в той или иной форме ведутся до сих пор.

Таким образом, технологические достижения дали понять нам и другим империям, что решение о том, родиться человеку или нет, зависит от наличия работы. Или ее отсутствия. А если работы не будет? Придется ли нам отказать в праве на жизнь еще большему количеству людей? Безусловно, это было нелепостью, абсурдом. Нам были нужны специалисты по сельскому хозяйству, без которых мы никогда не сможем обойтись. Нам были необходимы специалисты по производству синтетических материалов, пищевых продуктов и хозяйственных товаров. Нам требовалось некоторое количество ква-

лифицированных рабочих и совсем немного административного и управленческого персонала. По предварительным оценкам, чтобы удовлетворить потребности Сириуса, нам бы вполне хватило полмиллиона человек. При этом на пике численности население нашей планеты составляло два миллиарда.

Нам следовало понять и признать, что мы не властны над тем, что творим. И что наши социальные программы всегда были результатом компромиссов, уступок или попыток примирить противоборствующие силы. У нас не было выбора, если в данном случае вообще можно говорить о «выборе».

Понимание этого далось нашему руководству нелегко и вызвало у многих должностных лиц депрессии и психические расстройства.

Сокращение численности населения на всех наших планетах осуществлялось при тщательном соблюдении мер предосторожности. Философские же аспекты данной проблемы были временно отданы на откуп интеллигенции.

Мероприятия по сокращению численности населения растянулись на весьма длительный период. При этом масса людей не знала, чем им заняться, и приходилось придумывать для них

работу. Этот факт очень важен в свете того, о чем пойдет речь далее.

Между тем повсюду наблюдались странные коллизии.

Мы — я имею в виду не только жителей Сириуса, но и население колоний — считали, что достигли такого уровня развития, который не позволяет людям браться за определенные виды работ.

Я не буду перечислять те виды тяжелого физического труда, которые до сих пор нельзя было перепоручить машинам.

Заставить людей выполнять такую работу можно было только силой. В добрые старые времена, когда мы легко преодолевали любые препятствия, один за другим упраздняя различные виды неприятной, унизительной работы — именно так мы о ней отзывались, — пропаганда настраивала умы людей соответствующим образом. Когда же власти дали задний ход и были готовы внести поправки в свою позицию, было слишком поздно. Умелому руководителю нетрудно изменить образ мышления населения, но сделать это быстро и при этом избежать каких бы то ни было социальных потрясений невозможно. Сложилась парадоксальная ситуация — нас окружали сотни

миллионов «лишних» людей, но мы не могли найти нескольких чернорабочих.

Высокий уровень развития не позволял нам прибегнуть к силе: здесь мы следовали путем, который открыл для нас Канопус. Я имею в виду принудительный труд большого количества людей, выполняющих неприятную работу. Это не мешало нам мобилизовать население для выполнения задач, которые все считали интересными — например, для работы в аппарате Колониальной Службы. Но наши принципы не позволяли нам просто собрать столько людей, сколько требовалось для работы на стройках, в шахтах и каменоломнях, и превратить их в заключенных, которые выполняют грязную работу для общества.

Выше я лишь мельком упомянула о стремлении Сириуса завоевать космическое пространство. Однако именно эта задача была нашей основной целью и важнейшим стимулом технического развития империи.

С самого начала в нашем распоряжении имелась стратегия, позволяющая преодолеть кризис. Для этого следовало, наращивая космический флот и численность персонала, занятого освоением космоса, воплощать в жизнь планы

завоевания других планет. Ситуация все время менялась, и нельзя сказать, что мы варились в собственном соку. Впрочем, нам приходилось учитывать и определенные сдерживающие факторы: война с Канопусом тоже началась из-за того, что мы безудержно рвались дальше в космос. Эта война разорила империю и привела к гибели огромного количества людей, и тем самым решила ряд проблем или помогла отложить их решение. Теперь я говорю об этом спокойно, не давая воли чувствам, — мы не собирались избавляться от избытка населения таким путем, но нужный результат был налицо. Мы не планировали превращать в руины целые планеты — ведь на их восстановление требовалось немало сил, — но дело закончилось именно этим. Таковы были *факты.* Однако продуктивность и ресурсы нашей империи позволили быстро и почти безболезненно — в масштабах долгосрочной перспективы — ликвидировать последствия причиненного ущерба. Война дала нам урок: мы не вправе посягать на канопианские территории. Некоторые части Галактики были для нас под запретом. Количество планет, доступных при нашем уровне технического развития, было ограничено — все эти планеты мы уже завоева-

ли или успели обследовать. Чтобы продолжать завоевание Галактики, нам требовалось усовершенствовать космическую технологию. Именно это и произошло в дальнейшем, но мой рассказ не об этом. Я останавливаюсь лишь на тех аспектах, которые позволяют представить общую ситуацию — глубокий, затяжной кризис, вызванный техническим прогрессом, и политику космической экспансии как стратегию его преодоления.

Такая вот сложилась историческая обстановка в тот период, когда мы проводили исследования на Роанде, — разумеется, последняя была лишь одной из целого ряда планет, которые использовались подобным образом.

По большей части биосоциологические эксперименты представляют собой наблюдения за естественным ходом развития. Однако по не зависящим от нас обстоятельствам самый первый эксперимент на Роанде стал исключением из этого правила. Он относился к категории исследований, в ходе которых испытуемых помещают в новые условия и наблюдают за последующими изменениями.

Эксперимент с ломби имел для Роанды далеко идущие последствия, и поэтому я начну именно с него.

Эксперимент с ломби и другие исследования

Колонию 23 нужно было подготовить к прибытию Мыслителей… В этой фразе читатель может почувствовать иронию, однако в мои намерения не входит подробно останавливаться на социальных конфликтах тех давних времен. Очень многие не одобряли идею создания планеты, которая выполняет одну-единственную функцию, но это не повлияло на результат. Колония 23 была засушливой планетой с бесплодными песчаными почвами, сплошь покрытая скалами и потухшими вулканами. Мы давно научились существовать на подобных планетах. Мы создавали автономные структуры с собственным климатом и атмосферой. Впоследствии подобные социумы практически не нуждались в поддержке извне. Съедобные растения выращивались с помощью гидропоники и прочих методов, хотя, надо сказать, последние имели определенные недостатки. В частности, они не позволяли получить достаточное количество зерновых. Были и другие продукты питания, наладить производ-

ство которых в подобных условиях не удавалось. Кроме того, было установлено, что, хотя растения, выращенные на воде, годятся для поддержания жизни, в них не хватает элемента, который мы выделили значительно позднее. Впрочем, по этой теме было достаточно публикаций, не имеющих отношения к нашей истории. Поскольку Колония 23 находилась недалеко от чрезвычайно плодородной Роанды, мы решили, что нет смысла переводить ее на внутреннее обеспечение продовольствием. Поэтому здесь не планировалось возводить столь же грандиозные сооружения, как на других планетах такого типа, и все же они были достаточно заметными, чтобы сверху, из космического корабля, казалось, что земля сплошь покрыта серебристыми сверкающими пузырями, — так выглядели купола, которые позволяли создать искусственную атмосферу.

Для строительства требовалось много рабочих. Им предстояло заниматься не только сборкой куполов — модульные элементы для них производились в Колонии 3, которая специализировалась на изготовлении продукции такого рода, — но и расчисткой территории, а при столь неровном рельефе и каменистой почве это была весьма трудоемкая задача, требующая использования

разнообразного оборудования. При этом, как я уже говорила, наше многочисленное и пестрое население привыкло считать, что подобная работа не для него, и ни за что не согласилось бы выполнять ее.

Эксперимент с ломби был тесно связан с самой серьезной проблемой нашей империи. Она заключалась в следующем: как только мы создавали колонию на новой, уже обитаемой планете, аборигены, даже если они своем развитии ненамного опережали обезьян, приходили к выводу, что их лишают *заслуженных* привилегий, на которые они вправе претендовать. Мы наблюдали эти метаморфозы вновь и вновь. Как только на очередной планете появлялась наша администрация, ее жителям, даже если они были форменными дикарями, очень быстро становилось ясно, что процесс стремительного социального развития начался. Он принимал самые разные формы и зачастую приводил к восстаниям и мятежам. Поначалу, еще не понимая причин происходящего, мы были вынуждены подавлять беспорядки силой. Тогда мы считали, что аборигены начинают бороться за свои права из зависти, поскольку видят в нас соперников, так что их поведение вызывало у нас неприязнь.

Лишь позднее мы поняли, что имеем дело с фактором роста, который сопутствует духовному развитию любого человека. Дело было вовсе не в желании «иметь хорошие вещи, которые есть у *них»*, а в развитии, которое невозможно остановить. Вскоре мы пришли к выводу, что, создавая колонии на самых диких планетах в надежде использовать местное население для решения проблем Сирианской империи, следует быть готовыми к тому, что не успеем мы и глазом моргнуть, как эти варвары начнут требовать — и могут беспрепятственно получить — все блага, которыми пользуемся мы сами. Наша империя превратилась в механизм, стимулирующий движение огромного количества планет, находящихся на разных стадиях развития, к завоеваниям цивилизации. А возможно — и к единообразию, нежелательному и ненужному. Но это уже совсем другой вопрос, хотя и чрезвычайно важный, но не имеющий отношения к нашей теме.

Когда в истории Роанды начался новый этап, мы размышляли о том, почему уже одно наше появление на планете запускает этот странный процесс. Мы считали его крайне нежелательным, поскольку он усложнял нашу работу. Нам

требовались люди с разным уровнем развития. У нас уже были миллиарды тех, кто имел доступ к благам технического прогресса. Нам не хотелось открывать и заселять одну за другой планеты, где жили дикие или полудикие племена, лишь для того, чтобы местное население почти сразу превращалось в полноправных привилегированных граждан. Нам требовался резерв трудовых ресурсов для выполнения тяжелой, неприятной работы, не требующей специального обучения.

Незадолго до описываемых событий мы открыли и обследовали Планету 24. Она находилась в солнечной системе, расположенной довольно далеко как от нас, так и от Роанды. Это мешало присоединить ее к Сирианской империи и поддерживать с ней тесную связь. Было понятно, что мы не сможем посещать ее достаточно часто и цели наших визитов будут исключительно деловыми. Однако планета эта была цветущей и плодородной, атмосферные условия оказались весьма благоприятными, а ее обитатели представляли собой довольно распространенный — и удобный в использовании — вид животных. Это были обезьяноподобные существа, которые могли передвигаться как на четырех, так и на двух конечностях. Среди них встречались траво-

ядные и плотоядные. И те и другие были сильны и энергичны. Их голова, плечи и спина были покрыты длинной, но не слишком густой шерстью, а грудь была почти безволосой. Приземистые и коренастые, с мощными плечами и руками, они оказались на редкость низкорослыми — их рост был примерно втрое меньше, чем у обитателей Сириуса. Их социальная организация отличалась разнообразием — одни объединялись в племена и небольшие группы, другие жили семьями и даже в одиночку. Обитатели этой планеты были знакомы с огнем, умели охотиться и начинали осваивать сельское хозяйство. Судя по всему, они отлично приспосабливались к внешним условиям.

Было решено, что для начала наши специалисты наладят с ними отношения, адаптируясь к их манере поведения. Мы решили, что в данном случае не стоит жестко придерживаться сирианских стандартов образа жизни. (Обычно соблюдение этих норм помогало поддерживать дисциплину и позволяло подавать пример местному населению.) Определенные трудности были связаны с физиологическими различиями. Мы отобрали несколько сотрудников Колониальной Службы с Планеты 22, которые благодаря опыту работы

в сельском хозяйстве архаического типа были до некоторой степени знакомы с условиями на Планете 24 и по счастливому совпадению оказались невысокими и коренастыми. Им приказали обращаться с ломби, не демонстрируя своего превосходства. Именно эти исследователи занимались сбором информации, которая позволила нам получить представление о ломби.

В этот момент разгорелись споры еще по одному вопросу. Раньше мы забирали с собой столько особей мужского или женского пола, сколько нам требовалось, при этом оставляя детей. Такая практика была признана бесчеловечной. Теперь нам пришлось критически переоценить свою практику в прошлом — использовать недавно завоеванные народы в ущерб их эмоциональному, психическому и физическому здоровью стало невозможно. Размещение на Планете 23, а затем на Роанде целых семей было сопряжено с дополнительными трудностями, однако делало эксперимент более содержательным. Наша фракция в Колониальной Службе одержала победу. Мы внесли компромиссное предложение — стерилизовать часть женщин и, вместо того чтобы набирать равное количество представителей каждого пола, взять две трети особей мужского

пола и одну треть женского. У такого подхода были свои преимущества — он позволял избежать неприятных неожиданностей.

Пятьдесят тысяч особей были перемещены на Планету 23, в совершенно новые природные условия, и принялись за сборку куполов. Надо сказать, что эту работу приходится выполнять в тяжелых скафандрах, и снять их можно лишь тогда, когда купол готов. Было довольно любопытно взять животных, которые умеют обжаривать мясо на вертеле, но пока не научились варить его в котле, одеть их в скафандры и посадить в машины космической эры. После непродолжительного обучения они быстро освоили и снаряжение, и оборудование.

Наши специалисты все время были рядом с ломби — ели ту же пищу, что и они, жили в тех же условиях и старались никоим образом не демонстрировать свое превосходство.

Специалистов продолжали набирать в Колонии 22. Это беспокоило остальных сотрудников Колониальной Службы, хотя они понимали, что такой отбор является необходимостью — только обитатели Планеты 22 были похожи на ломби. Участвовать в проведении подобных экспериментов издавна считалось престижным. Их всегда

не хватало, чтобы занять нашу вечно протестующую, идеалистически настроенную молодежь. Продолжительность участия в эксперименте была ограничена и составляла шесть Р-месяцев. У таких ограничений было две причины. Во-первых, это позволяло привлечь к участию в работе значительное количество молодежи, а во-вторых, мало кто был в состоянии выдержать более долгий срок. Тот, кто изо дня в день жил жизнью ломби, чувствовал, что деградирует, возвращаясь в прошлое, которое, как мы полагали, для наших планет осталось далеко позади.

В Колонии 23 на ломби не оказывали никакого давления. Какая бы то ни было идеологическая обработка тоже отсутствовала.

Раньше наш подход был таков: мы изучали структуру верований на планете, а затем использовали местных «богов» — независимо от их обличья — в соответствующих целях. К примеру, мы могли бы сказать ломби, что их «боги» хотят, чтобы они отправились на другую планету и выполняли там определенные обязанности. Однако, насколько мы успели понять, ломби еще не достигли той стадии развития, на которой у народа появляется религия.

Мы не говорили им ничего. Какое-то время

наши специалисты просто присутствовали среди них на Планете 24 без всяких объяснений — а дать объяснение происходящему было очень непросто — и общались с ними на их примитивном языке. Затем наши космические корабли совершили посадку в Колонии 24 и забрали пятьдесят тысяч особей из разных регионов, чтобы ломби могли сохранить свой социальный уклад. На Планете 23 им сказали, что нужно делать, надели на ломби скафандры и показали, где они должны принимать пищу и отдыхать. Когда были возведены первые купола, их научили пользоваться этими сооружениями. Вся информация носила сугубо утилитарный характер. Атмосфера под куполами строго контролировалась и была приближена к климатическим условиям на их родной планете. Ломби не испытывали никакого физического дискомфорта. Их питание на новом месте было организовано с учетом традиционных предпочтений.

Поскольку ломби тратили все силы на то, чтобы адаптироваться к новому образу жизни, время требовать «высшие ценности» для них еще не наступило. Пока они находились на вполне закономерном этапе развития, яростно соперничая между собой из-за особей женского пола и прояв-

ляя умеренную агрессивность.

Период пребывания ломби в Колонии 23 продолжался пять Р-лет. Все это время за ними присматривали специалисты с Планеты 22, которые занимались их обучением. Все эти сотрудники, сменяющие друг друга, жили той же жизнью, что и ломби, и объясняли своим подопечным, что с ними происходит.

Затем всех ломби с Планеты 23 переправили на Первый Южный Континент. Их задача оставалась прежней: создать условия для существования других видов. Но на Роанде не было необходимости возводить купола. Когда ломби прибыли на эту планету и вышли из космического корабля, за ними тайно следили наши наблюдатели.

Атмосфера Роанды очень похожа на атмосферу Колонии 24, но в ней содержится на пять процентов больше кислорода.

Нужно сказать, что, когда эти несчастные создания появились на влажных, заросших травой равнинах, наблюдатели, и я в том числе, почувствовали сильное волнение. На Планете 23 ломби проводили все время — а для них оно, должно быть, тянулось бесконечно — либо под куполами, либо снаружи, работая в неуклюжих скафандрах. Под куполами было небо, но не настоящее, и лом-

би знали это, поскольку смастерили его своими руками; там имелись растения, но лишь те, что посадили они сами; там была вода, но ее можно было включить или выключить. Теперь ломби стояли на земле, но под ногами у них были не песок и камни, а трава и плодородная почва, а над головой — настоящее небо. Вереницей спускаясь по трапу, они издавали хриплые крики изумления и восторга, потом упали в траву и принялись кататься по ней, после чего стали обниматься и хохотать. Мощные оптические приборы позволяли нам разглядеть выражение их широких, покрытых шерстью лиц, и мы увидели, что по щекам ломби катились слезы. Те, кто живет на нашем родном Сириусе, не умеют плакать, однако это свойственно некоторым видам нашего семейства. Мы не знали, что эти животные способны плакать, поскольку никто из тех, кто работал с ними, не упоминал об этом. А потом они принялись танцевать, медленно и чинно, подняв обезьяньи лица к небесам. Тысячи ломби радовались возвращению… к нормальной жизни? А может быть, им казалось, что они вернулись к себе на родину?

Выяснилось, что это и вправду было так. Ломби считали, что вернулись домой, потому что дома

их тоже окружали деревья, синее небо и трава. Там не было громоздких строительных машин и тяжелых скафандров. Некоторое время они не понимали, что это не их родина, а другая планета.

Когда ломби поняли это, у них не оставалось времени предаваться печали.

Мы дали им возможность порадоваться и потанцевать, издавая странное, ритмичное мычание, а когда они насладились свободой, их снова собрали вместе, разделили на группы и отправили работать. Первым делом нужно было вырубить лес, чтобы расчистить место для поселений будущих колонистов, и подготовить участки для посевов и строительства лабораторий. Когда работы в одном месте завершались — поля были расчищены, а лаборатории готовы функционировать, — трудовые ресурсы в полном составе перебрасывались на новый участок, все дальше на юг. После того как ломби перевели на новое место, с Сириуса прилетела первая группа специалистов по сельскому хозяйству. При этом мы строго следили за тем, чтобы ломби не сталкивались с созданиями более развитыми, чем они сами. Конкуренция оказалась столь жесткой, что людей для работы на Роанде пришлось отбирать с помощью жеребьевки — только так можно было

избежать обид.

На Первом Южном Континенте было создано десять агротехнических станций. Этого было достаточно, чтобы не только полностью обеспечить Планету 23, но и организовать поставки великолепных и весьма дорогих продуктов на Сириус. Такое обустройство заняло более сотни Р-лет.

Средняя продолжительность жизни ломби составляла двести Р-лет. При перемещении вида на другую планету важно помнить, что изменение условий жизни всегда отражается на ее продолжительности. Мы привыкли к тому, что поначалу этот срок подвержен сильным, неупорядоченным колебаниям, а впоследствии возможны непредвиденные изменения продолжительности жизни. Ломби были не исключением. За первые несколько лет многие из них умерли без видимых причин. (Некоторые этнопсихологи классифицируют смерть такого рода как *нарушение адаптации из-за разочарования в жизни.)* Однако молодые особи, которые родились позднее, судя по всему, должны были прожить более долгую жизнь. Кроме того, имело место непредвиденное увеличение роста и объема грудной клетки.

Когда ломби завершили работу на Первом Южном Континенте, их не вернули на родную

планету.

Это объяснялось тем, что к концу срока их пребывания в Колонии 23 была открыта еще одна планета, похожая на Колонию 24, но расположенная значительно ближе к Сириусу. Количество форм жизни на ней было весьма ограниченным, а эволюция шла очень медленно. Мы решили переселить ломби на эту планету — Колонию 25, — рассчитывая использовать как источник рабочей силы для тяжелого, неквалифицированного труда.

Иными словами, ломби не суждено было вернуться домой.

Но перебросить их на Планету 25 сразу оказалось невозможно, поскольку там планировалось провести ряд краткосрочных экспериментов, и присутствие ломби было нежелательным. Поэтому их временно переправили на Второй Южный Континент и передали на мое попечение.

В течение ста лет на ПЮК они находились в своеобразном социальном вакууме. Им не разрешалось даже мельком увидеть какие-либо атрибуты сирианской культуры. Их продолжали инструктировать — впрочем, все меньше и меньше, потому что ломби оказались способными учениками, — специалисты Колонии 22, которые

никогда не позволяли себе демонстрировать свое превосходство. Ломби не объясняли, почему они должны строить агротехнические станции, как не объясняли, что произошло на Планете 23 после того, как они ее покинули, и какая судьба им уготована. Некоторые считали, что ломби не способны ни задавать вопросы, ни понимать ответы на них. Были и те, кто придерживался иного мнения. Принимая к сведению подобные, зачастую противоречивые мнения, мы продолжали придерживаться избранного курса, не реагируя на критику со стороны тех, кто считал подобный эксперимент жестоким.

Мы пристально наблюдали за ломби, ожидая появления знакомых требований — большего, высшего, лучшего, — поскольку одной из целей их переселения на Планету 23, а затем на Роанду было наблюдение за их развитием. Между тем ломби отпустили на свободу в самой благодатной части ЮИК. Все это происходило до «Событий», во время которых угол наклона оси Роанды изменился, а сама планета отдалилась от Солнца. В период, о котором идет речь, на Роанде было значительно теплее, чем сейчас. Условия в южной части континента были просто идеальными, там был настоящий рай — мне до сих пор не доводи-

лось видеть второго столь же благодатного места. Условия здесь походили на те, к которым ломби привыкли на Планете 24, но гораздо лучше. Здесь было не так сыро, а рельеф был более ровный, без крайностей. Ломби выпустили на лесистой плодородной равнине, где протекала полноводная река со множеством притоков. Ломби запретили пересекать установленные границы и полностью предоставили их самим себе. Наблюдатели с Планеты 22 вернулись домой.

Я с группой персонала жила в горах, бродить по которым у ломби не было никаких причин. Им не сказали, что в это прекрасное место их привезли не навсегда и, возможно, очень скоро им придется его покинуть.

Впрочем, то время я была поглощена другими делами.

Одно из них заключалось в следующем: мы подумали, что, поскольку континент отличается прекрасным климатом, имеет смысл на время привозить сюда тех, кто страдает от психических расстройств, прежде всего от депрессии и меланхолии, которые в Смутное Время стали весьма распространенным явлением. Мы превратили континент в подобие лечебницы для душевнобольных. Условия здесь были так хороши, а для

обеспечения средств к существованию требовалось так мало усилий, что все, что нам оставалось сделать — это доставить тех, кто хотел приобрести подобный опыт, на ЮИК и разместить их здесь — разумеется, подальше от ломби. Прибывшие сами сооружали себе жилища из ветвей и травы. Пищу для них доставляли с Первого Южного Континента. Им запрещалось охотиться, но можно было сколько угодно ловить рыбу. Пребывание на Роанде позволяло людям вернуться к первобытной простоте и вкусить жизни, которую не было нужды изобретать заново, поскольку подобные фантазии, как и возвращение к древним формам сельского хозяйства, имеют свой фольклор и свои традиции. Это была своеобразная разновидность туризма, которая позволяла культурной, рафинированной публике не просто наблюдать за происходящим, но и приобрести новый опыт. Впрочем, материала для наблюдений тут тоже было предостаточно — масса незнакомых Сирианам животных и птиц и великолепные леса и реки. Эта программа пользовалась огромной популярностью. От желающих побывать на Роанде не было отбоя. Наши врачи были полны энтузиазма. В период максимального наплыва туристов на южных равнинах в общей сложно-

сти проживало около полумиллиона человек. Следует отметить, что в известном смысле наши ожидания не оправдались. На Роанду в основном отправляли тех, кто страдал определенными недомоганиями. Однако доктора, которые работали с данным контингентом, были вынуждены признать, что, хотя проявления меланхолии и апатии становились менее острыми, их сменяли беспокойство, возбуждение и неудовлетворенность происходящим. Программу признали ошибочной и закрыли. Всех, кто прибыл сюда в период ее реализации, должны были вывезти с континента, и по официальным сведениям именно так и произошло, однако мой опыт участия в подобных проектах говорил о том, что горстке чудаков и отшельников непременно удастся усыпить бдительность сопровождающих и сбежать, чтобы жить так, как им вздумается. Поэтому данный эксперимент тоже оказал некоторое, хотя и несущественное, влияние на Роанду.

Проводилось и много других экспериментов краткосрочного характера, и они поглощали большую часть нашего времени, не позволяя уделять много внимания ломби. Мы успевали следить лишь за тем, чтобы они не покидали отведенную им территорию.

Известие о том, что Планета 25 скоро освободится, оказалось для нас неожиданным, поскольку мы рассчитывали, что это произойдет позднее. Мы сразу попросили прислать нам в помощь две тысячи специалистов с Планеты 22. Проблема была очевидна — нам требовался персонал, который смог бы общаться с ломби на равных, но мы не знали, каков был уровень их развития спустя почти тысячу Р-лет. До прибытия специалистов с Планеты 22 мы много наблюдали за ломби в бинокли, а также из укрытий и убедились, что внешне они почти не изменились. Мы разместили специалистов с Планеты 22 неподалеку от Главного управления. Почти все они в свое время участвовали в перевозке ломби с Планеты 24 на Планету 23 и с Планеты 23 на Роанду или работали с ними на Планете 23. Ситуация не таила для них никаких неожиданностей. Однако когда первая разведывательная группа в составе пятисот человек отправилась в путь без одежды, пищи и оружия, было видно, что ее члены чувствуют себя неуютно. У людей с Планеты 22 полностью отсутствовал волосяной покров на теле, и они давно разучились передвигаться на четырех конечностях. По моим наблюдениям, когда какой-либо вид начинает носить одежду, пусть даже самую

примитивную, вроде набедренной повязки из листьев или коры растений, это знаменует переход на новую, более высокую ступень развития и представляет собой куда более важный шаг вперед, чем перемещение на двух конечностях. Это примета зарождающегося самосознания. Обитателям с Планеты 22 было нелегко снять с себя все до нитки, и им не хотелось, чтобы мы видели их нагими. Уважая их чувства, мы позволили им спуститься со скалистого плато, где размещалась станция, без сопровождения, хотя обычно вновь прибывших провожал кто-то из нас. И все же некоторое время нам пришлось понаблюдать за ними, поскольку это входило в наши обязанности. Кожа людей с Планеты 22 была желтоватой, значительно светлее, чем у ломби. Хотя, перед тем как отправиться на задание, они специально загорали в соляриях, их кожа так и не стала такой же коричневой, как у ломби. Крепкие и коренастые жители Планеты 22 спустились в предгорья и вскоре скрылись из виду. Несколько дней мы не получали от них никаких известий.

Гонцы, которые прибыли через несколько дней, чтобы рассказать о первых встречах с ломби, сообщили лишь, что опасности нет и основной контингент может присоединиться к разведыва-

тельной группе. В назначенный час остальные полторы тысячи человек, раздетые донага, отправились в путь.

Задача группы состояла в том, чтобы поселиться рядом с ломби и оценить изменения в их состоянии.

Далее я коротко изложу содержание нескольких отчетов группы.

Обнаружить ломби оказалось не так-то просто. Когда члены разведывательной группы увидели, как несколько ломби собирают растения на равнине, те, заметив, что за ними следят, пустились наутек и скрылись из виду. Чтобы отыскать их вновь, пришлось потратить несколько дней. Никто из ломби не помнил, как их увезли с родной планеты и что было потом. Однако с ними произошло чрезвычайно важное изменение — у них возникла коллективная память. Их речь стала гораздо более развитой. Теперь они не только обсуждали повседневные дела. У ломби появились песни и сказания, в которых была отражена вся их история.

Второе изменение заключалось в том, что у ломби появились празднества или пиры, которые устраивались во время полнолуния. На этих празднествах они исполняли свои песни и

рассказывали сказки. Эти сборища стали объединяющим началом для ломби. На родной планете все они жили разрозненными группами, иногда совсем небольшими, которые не поддерживали контактов между собой. Теперь все ломби, без исключения, ежемесячно отправлялись на празднество. Такие сборища происходили в разных местах, как правило, в густом лесу у реки, где можно было умыться и попить. Не только регулярные празднества, или «священные воспоминания» — так переводилось с языка ломби слово, обозначающее подобные мероприятия, — где исполнялись песни и рассказывались сказки, но и путь туда и обратно был превращен в ритуал. Все это сплачивало новый *народ* — а в их нынешнем состоянии мы относили ломби именно к этой категории.

Ломби постоянно пребывали в движении, они то и дело меняли места жительства, сбора растений и водопоя. Они стали неугомонными и весьма импульсивными созданиями. Это объяснялось тем, что теперь в их организм попадало больше кислорода, чем на Планете 24. Таково было основное изменение физиологического свойства.

Кроме того, имел место один парадокс, необъ-

яснимое противоречие. Оставаясь шумными и активными, ломби стали пугливыми и скрытными. Их ежемесячные ритуалы делали эту черту еще более выраженной, поскольку заставляли людей покидать свои жилища.

Увидев нашу разведывательную группу, ломби спрятались — ведь их легенды рассказывали о том, как среди них поселились «странники, спустившиеся с небес», которые, будучи дружелюбными на вид, похитили их и увезли неведомо куда. Однако именно «странники, спустившиеся с небес», должны были вернуться и спасти их… помочь им вернуться на свою «настоящую родину» на небесах.

Некогда на своей родной планете ломби использовали листья и шкуры, чтобы согреться или для украшения, но теперь любая одежда внушала им ужас и находилась под запретом, поскольку облачение в скафандры, которые им пришлось надевать в Колонии 23, было самым тягостным из их воспоминаний. Даже юную самку, которая игриво вешала себе на нос или за ухо веточку с ягодами, сооружала подобие пояса из листьев или заворачивала младенца в невыделанную шкуру, осыпали градом упреков — словно ее поведение могло возродить времена, когда ломби

носили ужасные скафандры, подобные крохотным тюрьмам.

На Планете 23 и во время строительства сельскохозяйственных поселений на ПЮК ломби снабжали простой пищей, в основном зерном и овощами. Некоторые из этих продуктов предварительно подвергались кулинарной обработке, и ломби твердо усвоили, что приготовленная пища — примета рабства.

Обратив внимание на эти два основных аспекта, мы обнаружили, что ломби наги, как все животные в Сирианской империи, а пищу употребляют в том виде, в каком она собрана или поймана. Раньше они жарили мясо на огне, но теперь это делалось лишь во время пиров, словно искушать судьбу и дразнить «небеса» в одиночку было слишком опасно.

Раньше ломби обустраивали места своего обитания по-разному и при этом были достаточно беспечны и небрежны, поскольку не боялись нападений и могли постоять за себя. Теперь они научились строить жилища из листьев и камней и занимались этим с великим тщанием, но не для того чтобы сделать их теплыми и уютными, а с одной-единственной целью — чтобы их жилища были как можно более незаметными. Именно

поэтому наши первые попытки обнаружить их потерпели неудачу.

Ломби постоянно перемещались с место на место и были деятельными и энергичными. Они устраивали шумные празднества, во время которых тысячи особей пели и танцевали, и в то же время панически боялись, что их увидят или будут за ними следить.

Веселые, общительные, доверчивые создания с Планеты 24 стали пугливыми и подозрительными.

Впрочем, одно из изменений нам удалось предугадать.

Из-за первоначальной диспропорции в численности особей разного пола, которая полностью исчезла лишь через пятьсот лет, женщины стали законодателями если не формально, то по крайней мере в собственных глазах. Роль мужчин заключалась в том, что они охотились, охраняли поселения и защищали своих соплеменников. Женщины, которые поначалу оказались объектом острейшей конкуренции, были чрезвычайно манерны и грациозны и при совокуплении держались так, словно преподносили себя в подарок. Ухаживание представляло собой целый ритуал, в ходе которого мужчины должны были изоб-

ражать борьбу за женщину, а она после долгих колебаний в конце концов «выбирала» одного их них. Эта традиция сохранилась и тогда, когда диспропорция в численности особей мужского и женского пола исчезла и нужда бороться за женщин отпала. Женщины относились к мужчинам свысока и обращались с ними как старшие сестры. Их движения были величественными и грациозными. Такой манере поведения матери учили своих дочерей. Хотя подобные последствия статистических сдвигов закономерны, это выглядело весьма забавно…

Однако у наших специалистов несчастные создания вызывали скорее сострадание, чем смех. Спустя несколько месяцев после того, как им удалось влиться в ряды ломби, к нам прибыла их делегация. Эти люди испытывали неловкость из-за того, чем им приходилось заниматься, — ведь воплощая в жизнь наши планы, они были вынуждены идти на обман. Мы были готовы к появлению делегации, — наблюдая за ломби, мы следили и за специалистами с Планеты 22. Нам нужно было знать, заслуживают ли они доверия и справятся ли со своей задачей — она состояла в том, чтобы переправить ломби, которые надеялись вернуться домой, на Планету 25 и

присматривать за ними на новом месте.

Наш опыт говорил о том, что если поселить рядом два разных вида, то, преодолев первоначальную неприязнь, они начинают учиться друг у друга. Если эти виды стоят на разных ступенях развития, среди представителей более развитого непременно найдутся те, кто будет сочувствовать своим соседям и пытаться облегчить условия их существования. Такое отношение, как правило, встречает одобрение и благодарность со стороны более отсталого вида.

Мы планировали добавить в состав группы наблюдателей жителей других планет, которые не имели контактов с ломби в прошлом и помогут поддерживать порядок при их переброске на новое место. В то же время мы отобрали ряд представителей Планеты 22 для дальнейшего обучения искусству оценки ситуации в долгосрочном аспекте. Они должны были учитывать два обстоятельства: условия на Роанде были лучше, чем на Планете 24; условия на Планете 25 были не идеальными, но и не ужасающими.

Вид, который обслуживает другие виды — а именно такая роль была уготована для ломби, — не испытывает обиды или негодования, пока не осознает свое подневольное положение. Если

это произойдет, по законам нашей империи, нам надлежит помочь ему выйти на новый уровень, соответствующий его развитию.

Безусловно, данный эксперимент был попыткой удержать целый вид в состоянии подчинения, однако то, что мы делали это впервые, свидетельствует о нашей безупречной репутации.

Представители Планеты 22 должны были понять, что они ведут себя сентиментально, вместо того чтобы проявить подлинное человеколюбие, — которое всегда предполагает всестороннее рассмотрение ситуации…

На это они вежливо, но с чувством собственного достоинства ответили, что считают наши доводы софистикой.

И обратили наше внимание на одно важное обстоятельство. Ломби были свободны на своей родной планете, где они могли жить и развиваться так, как свойственно таким видам. Теперь же у них появились все те черты, которые отличают рабов.

Мы спросили представителей Планеты 22, что, по их мнению, нам следует делать. Вернуть ломби на их родную планету, ответили они.

Несмотря на то что это возвращение разрушит жизнь их соплеменников, которые жили там все-

гда, эволюционируя в собственном темпе? Вряд ли обитатели Планеты 24 помнят о похищении малой толики себе подобных. И несомненно, если мы вдруг ни с того ни с сего высадим на Планете 24 этот ставший сплоченным и независимым народ, там вспыхнет кровопролитная война.

Неужели представители Планеты 22 в самом деле хотят этого? Если мы и совершили ошибку, ее уже не исправить. Разумеется, они это понимают.

Они понимали это.

Конечно же, мы знали, что может произойти, — в данных обстоятельствах это было вполне закономерным. То, что мы не предприняли ничего, дабы предотвратить это, объяснялось нашим предвзятым отношением к Канопусу, но тогда мы считали такое отношение совершенно нормальным. Теперь я твердо усвоила, что есть вещи, говорить о которых бесполезно. Если бы я понимала тогда то, что понимаю сейчас…

Далее я расскажу о том, как специалисты с Планеты 22 стали дезертирами.

Празднество ломби, во время которого прилетели космические корабли, чтобы переправить их на другую планету, было особенным.

На этот раз оно должно было состояться в из-

любленном месте ломби — в междуречье. Здесь находилась небольшая равнина, окруженная высоким и довольно густым лесом. На протяжении нескольких дней сюда тянулись ломби, которые группами размещались под деревьями. Обитатели Планеты 22 были с ними. В такие периоды поощрялось совокупление. Специалисты с Планеты 22 тоже не отказывали себе в этом удовольствии. Впрочем, мы и не требовали от них воздержания — скрещивание двух сильных, перспективных видов было частью наших планов.

Охотники принесли туши убитых животных для пира. Мужчины и женщины на равных копали ямы, разводили костры, устанавливали над ними вертела с тушами и следили за приготовлением мяса.

Когда зашло солнце и на небе появилась луна, начались песни и танцы.

Сначала ломби танцевали группами вокруг костров, затем стали водить хороводы. Они пели о своем далеком доме, о тоске по родине, о том, как их похитили сверкающие машины, о местах своего заточения, где для каждого была приготовлена «маленькая тюрьма», о том, что в больших сверкающих тюрьмах все было не настоящим, о том, как их взяли в плен во второй раз, и о том,

как они вновь смогли нормально дышать, оказавшись «на зеленой земле, среди поросших травой холмов», о том, как они трудились под чужим солнцем, строя «тюрьмы» для неведомых племен, которых они не видели, но чье присутствие ощущали, и о том, как сверкающие машины доставили их сюда, где все так напоминает их дом, и о том, как когда-нибудь — и этот день еще впереди — сверкающие машины вернутся, чтобы отвезти их домой, на «землю, которая их знает».

Всю ночь специалисты с Планеты 22 пировали, пели и танцевали вместе с ломби. Хотя они отличались от них цветом кожи, более хрупким сложением и отсутствием волос на теле, они не слишком выделялись среди темнокожих, могучих, обезьяноподобных созданий, которые танцевали и пели заунывные песни при полной луне.

Я сама наблюдала за происходящим из «сверкающей машины», которая по дороге сюда захватила меня из Главного управления, а потом должна была доставить на Сириус.

Внизу я видела тысячи лиц, с мольбой поднятых к небесам, и тысячи рук с обращенными вверх ладонями — этот жест я встречала на очень многих планетах! Я смотрела на ломби и думала

о том, что нам не удалось предугадать, какую форму может принять непреодолимая, врожденная потребность в «высших ценностях», которая у этих созданий превратилась в тоску по родине и в покорное ожидание «пришельцев, спускающихся с небес».

Когда космические корабли совершили посадку, ломби пели о сверкающих машинах. Как во сне они послушно направились к космическим кораблям и были переправлены в Колонию 25. Их дальнейшая судьба не имеет отношения к этой истории, но далее я расскажу о том, как навестила их в последний раз.

Однако не все ломби были на пиру в ту ночь.

На ЮИК доставили около десяти тысяч ломби, и столько же особей переправили впоследствии на Планету 25. Однако несмотря на неизбежную гибель тех, кто не сумел приспособиться к жизни на незнакомой, хотя и прекрасной планете, их численность немного возросла. Разумеется, специалисты с Планеты 22 знали, когда прибудут космические корабли. Кто-то из них уговорил небольшую группу ломби не ходить на пир, сказав, что сверкающие машины, которые совершат посадку, несут зло и хотят увезти их в скверное место. Мы недосчитались девяти специалистов

и примерно пятисот ломби. Это не слишком обеспокоило нас. Нам нужно было лишь одно — чтобы никто из них не остался на территории, которую мы намеревались использовать для других экспериментов. Поэтому мы заблаговременно проинформировали специалистов, что данная территория будет заражена возбудителями ряда заболеваний, так что желательно, чтобы они вместе с ломби перебрались в другое место. Мы сделали и кое-что еще. Понаблюдав за специалистами, мы выбрали среди них двоих, которые отличались особенно мятежным духом, и заявили, что нам известно об их намерениях остаться на Роанде, но мы не возражаем против этого и не собираемся никому мешать. Однако мы хотели бы, чтобы в дальнейшем они оказывали помощь Сириусу, который остается их другом и покровителем. Ведь именно Сириус помог им из животных, подобных ломби, превратиться в людей. Мы сказали, что не ждем от них никаких обещаний и не обещаем ничего со своей стороны. Мы объяснили, что не угрожаем им, но если впоследствии они сочтут возможным выполнить кое-какую работу, будем им благодарны, и они очень помогут нам в реализации наших планов.

Положение на канопианских территориях. Другие эксперименты Сириуса

Когда Канопус и Сириус поделили Роанду между собой, многое осталось недосказанным и лишь подразумевалось. К примеру, предполагалось, что мы будем информировать друг друга о том, чем занимаемся. Однако предоставить эти сведения в полном объеме нам мешала подозрительность, а Канопусу — то, что мы далеко не всегда были способны понять происходящее. Другое неписаное правило требовало не вмешиваться в дела друг друга, и Канопус строго соблюдал его. Я заявляю со всей ответственностью, что канопианцы вели себя *благородно* и *честно.* Я не зря выбрала именно эти слова.

Канопус всегда держит свое слово. Этот принцип, чуждый нам, — и это я тоже заявляю со всей ответственностью, поскольку сей факт весьма важен для моего повествования, — неотъемлемая часть канопианского мировоззрения. Если канопианцы что-то сказали, значит, это правда. Если Канопус что-то пообещал, он сдержит обещание, даже если это причинит ему ощутимые

неудобства или неприятности. Если Канопус дал слово, ему можно верить. Если Канопус предлагает помощь, он сделает все, что в его силах. *На Канопус всегда можно положиться.* Я намеренно подчеркиваю это обстоятельство, хотя догадываюсь, как отреагируют на подобное заявление некоторые из наших историков.

Многие из нас до сих пор не понимают этого и не представляют, как можно вести себя подобным образом.

Иными словами, все мы считали, что Канопус непременно будет вводить Сириус в заблуждение так же, как мы сами собирались вводить в заблуждение канопианцев. Речь шла не о жизненно важных вопросах или нанесении ущерба, а скорее о мальчишестве, этакой браваде юнца, которому кажется забавным провести своего товарища.

Мне очень хотелось знать, что происходит в канопианской части Роанды. Выяснить это я попросила Хоппе и Наваха. Для них это предприятие представлялось довольно рискованным, поскольку оба были невысокого роста и хрупкого сложения. Колонисты, которых Канопус доставил с Планеты 10, оказались примерно втрое крупнее. Хоппе и Навах были желтокожими, а колони-

сты Канопуса — смуглыми и черными. Остаться среди них незамеченным было невозможно. Приматы, которые обитали на северных территориях, — тоже крупные и волосатые — почти наверняка отнесутся к безволосым желтокожим людям враждебно. Но я знала, что Хоппе и Наваху по душе непростые задачи, и к тому же никто не заставлял их выполнять эту просьбу насильно.

Забегу немного вперед. Спустя двадцать Р-лет Хоппе вернулся один. Навах поселился в южной части Северного Изолированного Континента вместе с группой ломби. Хоппе все время шел на север, и это путешествие заняло у него пять лет, а ломби по дороге то парами, то группами покидали отряд, основывая поселения в приглянувшихся им местах.

При этом Хоппе и Навах не увидели ни одного канопианского поселения. Впоследствии мы узнали, что таковых попросту не существовало. Северный Континент не был раем, подобным ВЮК, но отличался жарким и сырым климатом. Двигаясь на север, Хоппе обнаружил на восточном побережье, что обезьяноподобные аборигены плавают на прибрежные острова на лодках, — в то время вокруг Основного Материка было множество островов всех размеров.

Хоппе позволил им взять себя в плен. Хотя аборигены смотрели на него как на диковинного зверя, обращались с чужеземцем неплохо.

На западе Основного Материка ему удалось выяснить следующее.

Рост колонистов с Планеты 10 и местных жителей начал увеличиваться. Это не было для меня неожиданностью, поскольку ломби за тысячу лет стали выше примерно на Р-пядь.

Другая новость заключалась в том, что, хотя срок жизни первых колонистов был значительно короче, чем у их предков, впоследствии продолжительность жизни колонистов и местных жителей начала расти. Это тоже не удивило меня, поскольку продолжительность жизни ломби изменялась подобным образом.

Однако Хоппе рассказал и еще кое-что, чему мы не могли поверить, хотя он уверял нас, что говорит правду.

Он утверждал, что колонисты живут отдельно от аборигенов. Их поселения представляют собой не укрытия, как попало выстроенные из подручных материалов, а настоящие дома, хотя и не такие совершенные, как в городах Колонии 10. Аборигены достигли стадии развития, которую и мы, и Канопус часто встречали на разных плане-

тах, — они только-только начали превращаться из животных в людей, научились пользоваться огнем, укрываться в пещерах и строить жилища из ветвей и травы, иногда прикрывая свое тело листьями или шкурами. Но при этом, сказал Хоппе, они живут в хорошо обустроенных поселениях, расположенных в продуманных местах, а колонисты обучают их разнообразным ремеслам. Колонисты не находились при аборигенах неотлучно, а посещали их время от времени и делились с ними разного рода информацией. Они периодически навещали своих подопечных, чтобы проверить, усвоили ли те полученные знания. Попыток поработить местное население не предпринималось. Ни разу. Хоппе клялся, что говорит правду.

Выяснив все это, он уговорил аборигенов позволить ему вернуться на Северный Изолированный Континент. Они были достаточно добродушными созданиями и не пытались угрожать Хоппе или причинить вред. Оказавшись на материке, он понял, что аборигены не согласятся расстаться с ним навсегда, и потихоньку сбежал однажды ночью. Он двинулся на юг, где ему удалось увидеть поселения ломби. Те встретили чужеземца весьма приветливо. Я была рада узнать, что Канопус

не стал создавать собственные колонии на СИК. В случае претензий со стороны Канопуса я решила заявить, что ломби сбежали в ходе одного из наших экспериментов, — и это была чистая правда.

Я не поверила рассказам Хоппе об отношениях колонистов и аборигенов. Хотя канопианцы и любили рассуждать о планах осмотрительного, контролируемого, научно обоснованного развития — так называемом «симбиозе», — эти рассуждения шли вразрез с моим личным опытом.

Хоппе считал, что он выполнил мое поручение, и был прав. Он вернулся на север, где присмотрел для себя место в одном из поселений. С тех пор я о нем не слышала. Продолжительность жизни людей с Планеты 22 невелика, и рассчитывать на то, что я увижу его вновь, не приходилось.

Однако рассказы Хоппе о том, что происходит на севере, возбудили мое любопытство. В этот период мы с Канопусом часто проводили совместные конференции на разных планетах — несколько раз это происходило на Планете 10, — но я считала, что информацию, которую нам предоставляют, нельзя считать исчерпывающей. Когда канопианцы рассказывали о стремительных темпах реализации своих планов, я не

верила их словам. *Мы* привыкли преувеличивать свои успехи и скрывать неудачи и считали, что Канопус поступает так же.

Мысли об это не давали мне покоя. Когда с Первого Южного Континента к нам в очередной раз прибыл транспортный корабль, я обратилась к начальнику службы доставки и попросила выделить мне небольшое космическое судно, вроде тех, что поддерживали связь между агротехническими станциями ПЮК. Я хотела осмотреть Основной Материк суши и убедиться, что канопианские колонисты и аборигены живут в разных поселениях, поодаль друг от друга. Это было рискованное предприятие. Меня не пугали репрессалии со стороны Канопуса — едва ли он бы пошел на подобные меры, — и все же такой шаг был явным нарушением наших договоренностей. Однако я решила, что в поселениях на периферии Основного Материка наверняка не представляют, как выглядят наши летательные аппараты, поскольку канопианцы старались бывать на Роанде как можно реже. Кроме того, чтобы разглядеть наши корабли, нужен был наметанный глаз, — они летали с огромной скоростью и были изготовлены из материалов, которые делали их почти неразличимыми в небе.

Я провела намеченное расследование. Экипаж корабля не просто облетел поселения, но и совершил посадку, чтобы понаблюдать за аборигенами и колонистами издали. Судя по всему, Хоппе не обманул нас. Колонисты не эксплуатировали аборигенов. Я подумала было, что аборигены оказались слишком отсталыми, чтобы выполнять порученную работу, но наши разведчики рассказывали совсем другое. Со времен визита Хоппе к аборигенам прошло сто лет, и было видно, что с тех пор уровень интеллекта аборигенов повысился еще больше, и они уверенно использовали навыки, которые приобрели с помощью колонистов.

Я крепко призадумалась. Оглядываясь назад, я должна была верить хотя бы самой себе. Но я решила, что стремительное развитие аборигенов объясняется особенностями атмосферы Роанды. И что мы зря остановили свой выбор на обитателях Планете 22 и ломби. Нам просто не повезло, — эти виды оказались невосприимчивыми к специфическому воздействию здешних условий. Когда, облетев агротехнические станции, транспортный корабль вернулся назад, я подробно расспросила экипаж о том, что происходит с персоналом этих станций. Там работали

люди из разных колоний Сирианской империи. Однако было незаметно, чтобы с кем-либо из них происходили изменения эволюционного характера позитивного или негативного свойства.

Тогда я решила, что, должно быть, благотворное влияние на развитие видов оказывают лишь северные территории. Наверняка Канопус скрыл от нас эту информацию, чтобы мы не возмущались, что он забрал лучшие земли себе.

Разозлившись, я приняла решение.

Следует напомнить, что на Втором Южном Континенте не было местных видов обезьян, а те, что обитали на ПЮК, оказались некрупными, и им было еще очень далеко до хождения на задних конечностях. Некоторое время мы успешно использовали ломби и обитателей Планеты 22, однако и те и другие были столь низкорослы, что по нашим меркам относились к карликам. Я принялась за исследование всех рас в империи, но потом решила, что это слишком хлопотное дело. Я приказала одной из групп оперативной связи провести рекогносцировку северо-западного побережья Основного Материка, а затем направила туда большегрузный корабль, чтобы похитить общину аборигенов в полном составе. Разумеется, это было сделано втайне от колонистов, которые

их обучали. Поскольку наши корабли были практически невидимы, колонисты могли доложить Канопусу лишь о том, что аборигены исчезли, — возможно, попросту решили сбежать, поскольку им надоело, что их опекают. В итоге мне доставили общину аборигенов, которая состояла из семидесяти человек — мужчин, женщин и детей. Обращались с ними мягко и доброжелательно. Мы поселили их не на равнине, где когда-то жили ломби, — она была слишком велика и могла пригодиться для других целей, — а на лесистом плато неподалеку от Главного управления. У нас не было причин скрывать от них свое присутствие — данный эксперимент был не похож на тот, участниками которого были ломби. Аборигены сразу выстроили для себя жилища, используя довольно прогрессивную технологию — глиняные кирпичи, обожженные на солнце, — и покрыли дома крышами из тростника. Они не проявляли ни малейшего беспокойства из-за внезапной перемены в их жизни, напротив, держались чрезвычайно дружелюбно и — благодаря опыту общения с канопианскими колонистами — были готовы учиться. Но хотя я, подражая канопианцам, запретила использовать их в качестве прислуги или рабочей силы, я не позволяла и

превращать их в домашних любимцев, в том числе впускать в наши жилища или обучать новым навыкам, поскольку считала, что эти люди еще не готовы применять знания, которые уже получили. К примеру, вновь прибывшие имели теоретические представления о выращивании зерновых и клубневых растений, которые можно употреблять в пищу, и о скотоводстве, которое позволяет обеспечить племя молоком и мясом, но оказались небрежны и беззаботны и по ряду признаков были пока не готовы заниматься сельским хозяйством. Поскольку на севере колонисты жили на отдалении от аборигенов и их контакты были редки, я решила последовать примеру канопианцев и не досаждать аборигенам мелочной опекой. В этот период аборигены были чуть ниже, чем мы сами. Их средний рост составлял семь — восемь Р-футов. Они полностью освоили прямохождение, никогда не передвигались на четырех конечностях, содержали свои жилища в чистоте, питались мясом, овощами и фруктами и умели доить оленей.

Эта небольшая колония оказала серьезное влияние на наши отношения с Канопусом и на дальнейшее развитие Роанды, но тогда мы не понимали этого. Подобное даже не приходило нам

в голову. Но мы не могли забыть об аборигенах, которые жили неподалеку, постоянно были на виду и проявляли живой интерес к нам самим и к нашим гостям. Они мало-помалу размножались и создавали новые поселения, однако им вполне хватало того места на холмах, которое было отведено для них изначально. Мы продолжали наблюдать за их развитием, поскольку оно имело непосредственное отношение к деятельности Канопуса, которая вызывала у нас острое любопытство. Но по прошествии нескольких тысяч лет на территориях Роанды было развернуто множество других экспериментов, которые заставили нас на время забыть про аборигенов.

Среди этих экспериментов следует упомянуть один, который впоследствии оказал косвенное влияние на развитие Роанды.

В соответствии с программой сокращения численности населения миллионам женщин в Сирианской империи запрещено рожать детей. Хотя многие из них страстно мечтают иметь ребенка, женщины подписывают обязательство не делать этого, сознавая важность подобных мер. Поэтому, когда мы проводили эксперименты по евгенике, у нас не было отбоя от добровольцев.

На равнину, где в свое время жили ломби, с по-

мощью космических кораблей были доставлены дома из модульных элементов, изготовленные на Планете 3. В этих домах жили оплодотворенные женщины с разных планет Сирианской империи. Отцы будущих детей тоже отбирались по всей империи. Мы хотели вывести расу, которая могла легко адаптироваться к любым условиям. Мы сами привыкли к условиям на родном Сириусе, и это ограничивало наши возможности, — мы могли полноценно использовать лишь планеты с определенными характеристиками атмосферы. Однако на Заре империи мы не представляли, насколько разнообразными могут быть условия на других планетах. Биологические виды обладают способностью адаптироваться, — но у одних это получается лучше, а у других хуже. Но наш опыт говорил о том, что, если представители определенного вида успешно адаптировались в одном месте, это еще не означает, что они столь же успешно приспособятся к жизни в другом. Мы хотели взрастить специалистов, которым не требуется длительного времени для адаптации или акклиматизации и которые смогут работать на разных планетах в разных атмосферных условиях. В удаленных частях империи потребность в специалистах широкого профиля, которые

обладают достаточной выносливостью, была очень острой.

На равнине, которую мы теперь называли Равниной ломби, поселилось пятьдесят тысяч женщин. Мы зорко следили за ними, чтобы предотвратить побеги и обеспечить качественную медицинскую помощь. Кроме того, требовалось наблюдать за развитием детей, проводя соответствующие анализы и тесты.

Эти женщины считали, что им невероятно повезло, и это вправду было так. Они отличались отменным здоровьем. Представители высшего руководства Колониальной Службы, которая пользовалась огромным авторитетом в Сирианской империи, выразили им благодарность за неоценимую помощь. И все же мы прекрасно понимали, что должны быть начеку: инстинкт продолжения рода, один из сильнейших инстинктов, может принимать — и *уже* принимал — самые неожиданные формы. Мы не хотели, чтобы кто-нибудь из испытуемых сбежал вместе с детьми, когда придет время расстаться с ними. Женщины знали, что такой момент неизбежно настанет, когда детям исполнится пять Р-лет.

Именно поэтому местом проведения эксперимента стала Роанда, которая находилась

достаточно далеко от нашей родной планеты. Сюда прилетали лишь космические корабли с Сириуса и Канопуса. (Во всяком случае, так мы считали в то время.) Женщины могли убежать отсюда, лишь тайком пробравшись на космический корабль или покинув Равнину ломби, окруженную охранниками, обученными отслеживать любые проявления материнского инстинкта, который способен подтолкнуть к безрассудным поступкам.

Эта отдаленная планета была выбрана для проведения эксперимента еще и потому, что подобные опыты всегда вызывали протесты. Этот феномен известен достаточно широко, поэтому я ограничусь его упоминанием. Даже когда женщины участвуют в подобном исследовании добровольно и оно позволяет добиться успеха и вывести новый вид, который полностью оправдывает возлагавшиеся на него надежды, вызывая всеобщее восхищение, — даже тогда подобные начинания подвергаются критике, причем критике определенного сорта, которую я уже научилась распознавать. Ее всегда отличают горькая нота, затаенная боль, отзвук *утраты* — и не только утраты личного свойства. Именно поэтому я всегда старалась не оставлять без внимания

протесты такого рода, которые выходят далеко за пределы личных переживаний. Я бы сказала, что, когда в Сирианской империи проводятся продуманные, контролируемые эксперименты по выведению новых видов с заданными характеристиками, наиболее ответственным и развитым членам нашего общества начинает казаться, что тем самым мы обкрадываем себя, лишаясь иных возможностей.

У них возникает ощущение, что случайность благотворна и может помочь достичь чего-то, еще неизведанного… Подчеркиваю, здесь я излагаю свои субъективные выводы, к которым пришла после длительных размышлений.

Это был крупнейший эксперимент по евгенике, который когда-либо проводился в Сирианской империи. Его успеху не в последнюю очередь способствовали атмосфера Роанды, отсутствие внешних воздействий и удаленность от центра. По истечении пятидесяти Р-лет, когда эксперимент завершился и соответствующие строения были демонтированы, мы поздравили друг друга с тем, что за этот период ни одна женщина не сбежала; на этот раз мы сделали все, чтобы в очередной раз не вносить свою лепту в видовое разнообразие Роанды.

На протяжении пяти тысяч Р-лет мы не интересовались тем, что происходит в северных землях, принадлежащих Канопусу, — не забывайте, тогда мы считали, что в нашем распоряжении есть несколько миллионов лет и условия на Роанде еще долго будут стабильными. Нам сообщили, что Канопус направил на Роанду миссию специального назначения, поскольку у канопианцев появились основания полагать, что реализация их планов идет еще более успешно, чем они рассчитывали. Мы получили отчет этой миссии, в котором настоятельно рекомендовалось немедленно осуществить так называемую «Смычку».

Следует еще раз подчеркнуть, что мы не понимали фундаментальных принципов работы канопианцев. Мы не знали, что такое «Смычка». Мы были в курсе, что Канопус поддерживает контакты с Роандой, но думали, будто это осуществляется с помощью электросвязи, которую активно использовали мы сами. Кроме того, канопианцы упоминали некую «дегенеративную болезнь», но не уточняли, в чем именно она заключается. Об этих двух понятиях мы не имели ни малейшего представления еще совсем недавно, впрочем, мы до сих пор не разобрались с ними до конца. Мы могли бы попросить Канопус

объяснить, о чем идет речь, — он всегда охотно откликался на подобные просьбы. Мы могли бы задать вопросы *самим себе* — ведь мы считали, что наши технологии являются столь же передовыми, как и технологии Канопуса. Но мы не сделали ни того, ни другого. Причина была одна — гордыня. Содержание отчета вызвало у нас недоверие и подозрение.

Уровень развития аборигенов, которые по-прежнему мирно жили неподалеку под нашим наблюдением, даже не приближался к тому, что был описан в отчете о состоянии дел в северном полушарии.

Мы решили не верить прочитанному, — но у меня остались определенные сомнения, и я решила провести еще одно расследование.

Случилось так, что в этот момент у меня гостил Амбиен Первый.

Давным-давно, когда мы были еще совсем молоды, нас совместили, чтобы мы могли произвести на свет потомство, — нам была выделена квота на четверых детей. Это случилось еще до утверждения программы сокращения численности населения. Когда наши дети подросли, Амбиен Первый решил совместиться с другой женщиной. Позднее, когда мы обе достигли оп-

тимального возраста, эта женщина вместе со мной участвовала в реализации ряда проектов. Восемь отпрысков, которые появились на свет в результате этих совмещений, продолжали поддерживать между собой связь, и мы все были удовлетворены своей жизнью в личном аспекте.

Амбиен Первый с самого начала входил в состав комитета, который планировал нашу деятельность на Роанде. Навестить меня его побудили отчасти старая дружба, а отчасти долг исследователя. Я сама не была на родном Сириусе тысячи лет, поскольку любила свою работу и была счастлива на Роанде. Мне было жаль покидать ее даже ради отпуска. Не зря сотрудники Колониальной Службы, и в том числе члены Большой Пятерки, навещали нас по любому поводу и всегда старались задержаться. Роанда в полном смысле слова стала моим домом.

Когда мы наговорились досыта — мы не виделись очень давно, и нам было о чем порасспросить друг друга, — я спросила, не желает ли Амбиен Первый отправиться на разведку в северные земли. Он с радостью согласился. Он не раз участвовал в открытии новых планет, и эта нелегкая работа всегда была ему по душе. Мы думали, что это предприятие не таит никаких

опасностей и будет прекрасной возможностью развеяться. Корабль сил связи доставил Амбиена Первого в самую южную точку Основного Материка. Оттуда он продолжил свой путь один. В общей сложности он отсутствовал десять Р-лет.

Он много путешествовал по Основному Материку, повсюду встречая поселения колонистов и аборигенов, расположенные неподалеку друг от друга. Он шел пешком, плыл на лодке, а иногда ехал верхом, используя подходящих животных. Мы с Амбиеном Первым принадлежим к разным подвидам одного вида. У него темная кожа и прямые черные волосы, он плотен и широкоплеч. Я, будучи хрупкой, светлокожей и светловолосой, не могла отправиться на север, поскольку слишком сильно отличалась от местных жителей. Хотя Амбиен Первый был не таким рослым, как колонисты — их рост быстро увеличивался, и теперь они были выше первых поселенцев с Планеты 10 почти в два раза, — он был значительно выше аборигенов и не мог сойти за одного из них. Сначала мой супруг избегал тесных контактов с ними, но видя, что иного пути получить нужную информацию нет, стал заглядывать в их поселения. Аборигены встречали чужака без тени враждебности, проявляя лишь любо-

пытство. Поначалу он объяснял это природным добродушием, благоприятными условиями существования и отсутствием врагов. Однако позднее Амбиен Первый понял, что им приходится иметь дело и с непрошеными гостями иного рода. Это были не колонисты, которых трудно перепутать с кем-то другим благодаря высокому росту. (Именно тогда канопианцы стали называть их гигантами, и я последую их примеру.) Кто же это мог быть? Возможно ли, что одна из карликовых рас Северного Изолированного Континента стала более рослой и перебралась через океан, переплывая с одного острова на другой? Позднее мы узнали, что это не так, однако чтобы проверить данное предположение, мой друг решил на обратном пути заглянуть на Северный Континент.

Все, что он увидел, путешествуя по Основному Материку, подтверждало отчет канопианцев. Местные жители за семь-восемь тысяч лет так продвинулись в своем развитии, что было трудно поверить, будто это тот же самый вид. Они освоили земледелие и скотоводство, планировка поселений была хорошо продуманной, а жилища стали не только прочными и удобными, но и нарядными: их внешний облик был продуман вплоть до цветовой гаммы. Кроме того,

аборигены начали носить одежду из тщательно выделанных и окрашенных материалов.

Однако в поселениях гигантов творилось что-то непонятное. Казалось, они ушли недалеко от аборигенов, хотя уровень их развития на Планете 10 был таков, что позволял им жить в современных городах.

Прежде чем вернуться назад, Амбиен Первый приказал кораблю сил связи облететь Северный Изолированный Континент, чтобы проверить, как поживают ломби и выходцы с Планеты 22. Однако обнаружить их ему не удалось. По рассказам Хоппе мы примерно представляли, где они должны находиться, но они словно провалились сквозь землю. Мы решили, что, возможно, все вымерли от какой-нибудь эпидемии, поскольку поселений гигантов и аборигенов на СИК тоже не было видно.

Нам пришлось примириться с тем, что на севере работают канопианцы. Плененные аборигены, которые счастливо и безмятежно жили на склонах холмов под нашим неусыпным наблюдением, не регрессировали, но и не развивались. Они оставили попытки заниматься скотоводством, хотя оставались хорошими охотниками. Они выращивали клубневые растения для упо-

требления в пищу, но так и не освоили зерновые. Они собирали листья диких растений, но не научились их выращивать. Они носили звериные шкуры, но не умели их выделывать. Их жилища по-прежнему были довольно примитивными.

Мы не понимали, почему уровень их развития столь разительно отличается от уровня их собратьев.

Я опять подумала, что условия на канопианских территориях лучше, чем наши, но Амбиен Первый напомнил мне, что там аборигенов обучали гиганты, а мы старались не вмешиваться в их жизнь.

Мы решили разделить наших аборигенов на две группы и создали новое поселение подальше от Главного управления, чтобы исключить контакты между членами групп. Затем мы начали обучать аборигенов из нового поселения различным практическим навыкам. За эту работу отвечал Амбиен Первый, у которого явно был талант педагога. В новой деревне он выстроил для себя хижину, чтобы жить рядом с аборигенами.

Однако эта попытка закончилась неудачей. Ему не удалось привить своим подопечным никаких прочных навыков. Он обучал их самым разным ремеслам, и хотя аборигены были довольно со-

образительными, они очень быстро забывали то, чему их учили. Амбиен Первый старался изо всех сил, но спустя некоторое время он был вынужден признать, что новое поселение ушло недалеко от старого.

Амбиен Первый не оставлял свои попытки на протяжении еще десяти тысяч лет — делать это его заставляли поразительные успехи канопианцев, — но все усилия оказались тщетными. Между тем он предпринял еще несколько вылазок на север, чтобы узнать, что происходит там. Он не только несколько раз побывал там сам, но и неоднократно направлял туда разведчиков, специально вызванных с Сириуса. Нам хотелось, чтобы они были как можно больше похожи на аборигенов, поскольку во всей империи нет расы столь же рослой, как гиганты. Вместе с этими специалистами Амбиен Первый обследовал северные территории вдоль и поперек. Все это время им удавалось оставаться незамеченными.

Поскольку мы то и дело отправляли на север своих разведчиков, мы не сомневались, что Канопус действует аналогичным образом. Поэтому Сириус предусмотрительно постарался распустить слухи о свирепом и воинственном характере жителей южного полушария.

Теперь у меня не укладывается в голове, что мы занимались подобными вещами, — так порой нам и самим не верится, что в незапамятные времена мы были способны на дикие и бесчеловечные поступки. В том, что мы тогда делали, не было ни малейшей необходимости. Все что нам было нужно — это оставить свои подозрения и предубеждения, внимательно прочесть материалы, которыми нас бесперебойно снабжали канопианцы, и расспросить их о том, что осталось непонятым. Однако что толку сокрушаться об уже сделанных ошибках?

На протяжении десяти тысяч лет в отчетах Амбиена Первого и других сириан появлялось все больше поразительных фактов. Повсюду строились города, которых не видывали на Сириусе. Канопианские города славились своей красотой, а мы всегда подражали канопианцам — такова реальность, которую мы не желаем признавать даже сегодня. Это были так называемые Математические города, которые имели вид геометрических фигур. Все они были разными. Теперь гиганты и аборигены селились вместе. Города различались не только внешним видом и размерами, у каждого были свои особенности. Амбиен Первый часто говорил, что ему

трудно описать свои ощущения. На больших и маленьких островах в океане между Северным Континентом и Основным Материком появилось множество городов, и уровень жизни там был куда выше, чем в Сирианской империи. Речь идет не только о гигантах — высокий уровень их развития был неудивителен, — но и об аборигенах, чьих соплеменников мы видели из окон своей цитадели: ленивые и добродушные, они копошились внизу, точно стая обезьян, от которых ушли очень недалеко.

Почему? Не стоит и говорить, что и Амбиену Первому, и мне, и другим специалистам не давали покоя успехи Канопуса. Пожалуй, я думала об этом больше других. Я лично не видела того, о чем мне рассказывали. Но однажды я настояла, чтобы мне позволили пролететь на одном из наших самых быстрых кораблей над островами в той части океана, которая отделяла Основной Материк от Северного Континента, и увидела огромный остров, а на нем — сказочный белый город, окруженный каналами и дамбами. В гаванях стояли великолепные корабли, такие красивые, что на Сириусе подобные суда использовали разве что для круизов. Такова была картина спустя всего пять тысяч лет после начала Смычки, которой

Канопус придавал огромное значение.

Не следует забывать, что данный отчет посвящен отношениям Сириуса и Канопуса, и я рассказываю главным образом об исследованиях, которые повлияли на эти отношения. Не следует заблуждаться, считая, что это повествование дает всестороннее представление о наших исследованиях. Могу лишь повторить, что в течение примерно тех восемнадцати тысяч лет, когда на Роанде наблюдались идеальные условия, лишь очень незначительная часть наших исследований имела долгосрочные последствия для этой планеты и для Канопуса. На протяжении десяти тысяч лет мы пристально следили за тем, что происходит на севере, но не упускали и других возможностей. Заслуживает упоминания один из наших проектов, реализация которого продолжалась более десяти тысяч лет. Это исследование охватывало почти всю территорию Второго Южного Континента, а в его проведении участвовали миллионы специалистов со всех уголков империи. При этом оно не имело ни малейшего отношения к нашим вылазкам на север или попыткам Амбиена Первого обучить аборигенов полезным навыкам.

Парадоксальная ситуация на Сириусе, которая

упоминалась выше, не изменилась. На давно заселенных планетах проживали миллионы людей, которые не имели работы и не надеялись ее получить. Они знали, что их смерть — которую мы ни в коем случае не собирались приближать, — станет облегчением для всех. При этом изобилие сделало их столь слабыми и изнеженными, что они были способны лишь на самую легкую работу. И хотя они успели истосковаться по физическому труду, который считался унизительным, но были бы попросту не в состоянии справиться с ним, если бы им предложили подобную работу. Было время, когда мы в Колониальной Службе делали все возможное, чтобы привлечь эту шумную и вечно недовольную публику к участию в широкомасштабных проектах. Однако такие попытки неизменно заканчивались неудачей. Хотя эти люди твердили, что готовы на «любую, даже самую черную работу», как только им поручали такую работу, они тотчас вспоминали о своем благородном происхождении и утонченной натуре, а безволие и привычка потакать собственным слабостям заставляли их быстро сдаваться или приводили к разнообразным психосоматическим расстройствам.

В течение примерно восьми тысяч лет у нас

были огромные лагеря по всему Второму Южному Континенту, где этих людей постепенно приучали к физическому труду, чтобы впоследствии использовать их для работы на планетах, которые мы недавно «открыли», — так говорилось на ранних этапах колонизации. Проблема заключалась в том, что в наши намерения не входило нарушать экологическое равновесие на Роанде сверх необходимого. Мы не хотели уничтожать растительность и животный мир или оставлять шрамы на поверхности земли. В нашем распоряжении имелось множество планет с благоприятными природными условиями, но лишь одна из них была такой щедрой, плодородной и прекрасной. ПЮК обеспечивал миллионы начинающих колонистов пищей — наши агротехнические станции оказались одним из самых успешных начинаний. Однако найти для такого количества людей *работу*, не нанося ущерба окружающей среде, было куда сложнее. Требовалось что-то придумать. По прибытии очередная группа, численность которой зачастую составляла сотни тысяч, принималась строить для себя дома и бытовые помещения из готовых модульных элементов. Однако этой работы хватало ненадолго. Уже это несложное занятие,

которое почти не требовало физических усилий, заставляло людей жаловаться и ворчать, что их «унижают». При этом все они были добровольцами и знали, что прибыли на Роанду не навсегда, а лишь для того, чтобы пройти обучение.

Я выскажу здесь мысль, которая пришла мне в голову еще тогда и которая до сих пор кажется мне правильной. Если какой-либо вид изнежен комфортом и убежден, что подобная жизнь — его неотъемлемое право, его можно приучить к определенным физическим усилиям, однако при этом можно говорить лишь о *физиологической* адаптации, поскольку в *душе* эти люди, за исключением самых гибких, считают такую жизнь невыносимой. Недуг, которым они страдают, известный под названием «жалость к себе», подтачивает их *волю*, а не плоть.

Как только мы создали такие лагеря и жизнь в них пошла своим чередом, возникла серьезная проблема.

Трудовое обучение колонистов включало задания двух типов. Первый был связан с животными Роанды. Используя местные породы оленей, мы также занимались выведением новых видов. Это позволяло волонтерам привыкнуть к идеям евгеники, широко распространенным по всей

империи, и научиться отбирать особи, которые годятся для употребления в пищу или могут стать рабочими животными. Разумеется, фауна Роанды была не знакома волонтерам, прибывшим с разных планет, и это помогало поддерживать в них заинтересованность и энтузиазм. Им быстро надоедало заниматься одним и тем же, и приходилось постоянно подыскивать всё новые и новые стимулы. Кроме того, чтобы люди проводили побольше времени на воздухе, мы поручали им классифицировать и описывать растительность Роанды. Мы отправляли их в длительные научные экспедиции, в ходе которых наши сотрудники строго следили, чтобы они не наносили вреда окружающей среде. Но хотя подобную работу трудно назвать тяжким трудом, для большинства из них она оказывалась непосильной. Именно такие выводы мы сделали на тот момент и не ошиблись. И все же до сих пор я не могу отделаться от одной мысли: возможно, недостаток энтузиазма колонистов объяснялся иначе, — они знали — все, что им поручают, уже сделано другими. И хотя им говорили, что это лишь подготовка к работе на других планетах, у них не было желания учиться. Они беспрерывно требовали, чтобы им дали «настоящую работу», ворчали, что

их недооценивают и поручают делать «всякую ерунду», и не использовали предоставленную им возможность приучить себя к трудностям. Словом, колонисты были ненадежными, ленивыми и неумелыми.

Дело кончилось тем, что их пришлось отправить обратно на планеты, с которых они прибыли, хотя у них был шанс на деле показать, что их амбиции не лишены оснований. Нам не хотелось усугублять их горькое разочарование, и мы всячески пытались смягчить аргументацию своего решения. Мы утешали неудачников как могли, уверяя, что спустя некоторое время найдем для них «настоящую работу». В целом было понятно, что подобные попытки не просто обречены на провал, но и приводят к весьма неприятным последствиям: когда миллионы незадачливых колонистов вернулись на родные планеты, их жалобы и недовольство спровоцировали массу беспорядков, которые представляли серьезную угрозу для империи. В итоге нам пришлось заняться укреплением своей военной мощи в тот самый момент, когда мы рассчитывали обеспечить стремительный рост благосостояния за счет долгожданного роспуска армии. Планеты, где волнения переросли в бесчинства, на неко-

торое время превратились в подобие огромных тюрем. И все же я могу со всей ответственностью заявить, что мы сделали все возможное, чтобы облегчить участь несчастных жертв технического прогресса.

Между тем проблема осталась нерешенной: миллионы неприспособленных к труду людей продолжали вырождаться, а нам по-прежнему не хватало умелых и энергичных кадров для работы на планетах, открытых благодаря все тому же техническому прогрессу.

В итоге нам пришлось использовать местные виды. Они еще не утратили природной силы и не были развращены комфортом — полагаю, читатель понимает, что мы были чрезвычайно осмотрительны, знакомя их с беззаботной жизнью и роскошью Сирианской империи, — и после соответствующей подготовки могли обучать новых колонистов. Мы отбирали на новых планетах племена и виды, которые годились для этой цели, и обучали их не там, где они родились, а на какой-нибудь другой планете. Какое-то время мы проводили такое обучение на Роанде, используя пустые селения и станции, покинутые персоналом после неудавшегося эксперимента. Работа, которую мы поручали этим крепким и энергич-

ным созданиям, была значительно тяжелее той, что выполняли изнеженные колонисты. Нам требовалось сохранить способность этих видов к физическому труду и в то же время сделать их инициативными и предприимчивыми. Мы объясняли, что их задача — изучить возможности развития флоры и фауны, не нанося ущерба окружающей среде. Результаты были обнадеживающими.

Помню, как в этот период я отправилась с группой персонала на Второй Южный Континент на корабле сил связи. Мы пролетели с севера на юг, затем облетели побережье и всю территорию континента. Внизу расстилались прекрасные лесистые равнины, по которым текли широкие, спокойные реки. И повсюду в этом раю, где паслись стада мирных животных, были видны поселения, созданные в ходе успешного эксперимента. Мы совершали посадку то тут, то там, и так день за днем, неделя за неделей. Представители разных племен и видов из наших бесчисленных колоний были очень разными, но находились примерно на одном уровне развития — все они только-только начали вставать на задние конечности и пользоваться руками. Покрытые шерстью и безволосые, с разным цветом кожи, с нависа-

ющими бровями и безбровые, с выступающими подбородками и вообще без них, обнаженные и в набедренных повязках из листьев и шкур, медлительные и расторопные, готовые учиться, но не способные ни к чему, кроме тяжкого труда… Такое путешествие по континенту позволяло подвести итоги: насколько расширилась Сирианская империя за последние годы. Удовольствие, которое мы получили, немного смягчило разочарование после неудачного эксперимента с плененными аборигенами.

Но когда все эти животные — надо сказать, что некоторых из них я видела впервые, — все эти виды, среди которых не было не способных к адаптации, вновь проходили перед нашим внутренним взором и мы вспоминали то, что нам рассказывали об экспериментах Канопуса на севере и о поразительном уровне развития аборигенов, было понятно: то, чего удалось добиться нам, не идет ни в какое сравнение с достижениями Канопуса. Мы понимали это. Мы думали об этом. Тогда мы говорили об этом открыто, хотя некоторое время спустя нас ослепила гордыня, которая не позволяла нам признать истинное положение дел.

Этот во всех отношениях успешный экспери-

мент на Роанде, в ходе которого нам удалось превратить такие разные виды в гибких, хорошо адаптирующихся колонистов, принес нам огромное удовлетворение и укрепил доверие к Колониальной Службе. И все же это было еще одно поражение. Мы отлично понимали, что едва ли виды, с которыми мы работали, будут стремительно развиваться в будущем, и если кто-то из них и сумеет добиться заметных успехов, это произойдет очень не скоро. Было очевидно, что не стоит рассчитывать ни на скачки в их развитии, ни на то, что через несколько тысяч лет они будут жить в городах столь же прекрасных, как на Сириусе, и изменятся настолько, что в них с трудом можно будет узнать милых, добродушных обезьяноподобных аборигенов, которые жили на склоне холма неподалеку от Главного управления и служили источником забавы для нас и наших гостей.

Канопианский эксперимент радикально изменил аборигенов. Они стали абсолютно другими.

Именно это и было главным.

Поскольку мы неплохо справлялись с изучением видов, с которыми работали, и примирились с их ограниченными возможностями, мы решили расширить масштабы разведывательных

операций на севере, хотя они и без того велись достаточно интенсивно. Повсеместно работали как целые группы, так и агенты-одиночки. Мы почти перестали маскироваться, — во-первых, от нас никто не прятался, во-вторых, в небе над южным полушарием постоянно сновали наши транспортные корабли, которые обеспечивали связь между Первым и Вторым Южными Континентами, и мы всегда могли объяснить свое появление необходимостью совершить вынужденную посадку. Кроме того, отсутствие маскировки было связано еще с одним обстоятельством.

Шаммат. Конец прежней Роанды

Нас посетили эмиссары Шаммат. Теперь в это трудно поверить, но в то время про Шаммат не слышал почти никто. Разумеется, мы не могли игнорировать Путтиору, империю, которая пользовалась чрезвычайно дурной репутацией. Однако это объяснялось лишь тем, что нам постоянно приходилось отражать ее набеги на наши территории. О Шаммат мы знали только то, что на эту планету, покрытую опаленными солнцем скалами, Путтиора выселяет преступные элементы. Так или иначе, ее обитателями были сплошь авантюристы и головорезы. Для них технологическая эра еще не наступила, — и об этом свидетельствовало то, что корабль, который приземлился на равнине неподалеку от Главного управления, оказался космическим челноком, украденным у Канопуса. По каменистой дороге поднималось четверо шамматян. Они держались уверенно, точно желанные гости, — подобная дерзость всегда отличала их поступки и поведение. По фенотипу они относились к разновидности 2, — волосы на голове, частичное оволосение тела, типичные для данного вида зубы, руки

хорошо развиты, ноги используются только для перемещения. В своем развитии они опережали почти все виды, которые мы готовили к работе на колонизированных планетах, но отставали от коренных жителей Роанды, с которыми работал Канопус. Принимая этих бесцеремонных и воинственных гостей, которые, судя по всему, были настоящими варварами, мы задумались, способен ли этот вид, распространенный в трех империях — на Канопусе, нашем родном Сириусе и в Путтиоре, — догнать северян при помощи гигантов. Незадолго до этого мы выдвинули гипотезу о том, что гиганты с Планеты 10 владели секретами быстрой эволюции низших видов.

Я не буду тратить время, описывая наши стычки с шамматянами. Их было предостаточно, потому что они не понимали слова «нет». Их не интересовали намерения других. Они хотели от нас следующего. Прослышав о сирианских экспериментах по селекции колонистов, они разузнали о нашей работе все. Нам пришлось примириться с тем, что на Шаммат за нами наблюдали так же пристально, как мы сами следили за происходящим на канопианской территории. Шамматяне хотели «избавить» нас от лишних особей женского пола. На их страшной планете

не хватало женщин, а те, что имелись в наличии, не могли «удовлетворить спрос». Именно так они выражались — вульгарно и грубо.

Хотя мы сразу ответили им отказом — вверить судьбу людей, находившихся на нашем попечении, дикарям с преступными наклонностями, было немыслимым, — шамматяне день за днем появлялись у наших дверей, точно мы не уведомили их накануне о своем окончательном решении. При этом мы постепенно выяснили об их деятельности почти все, и то, что мы узнали, не радовало.

Шамматяне уже успели обосноваться на Роанде и периодически присылали сюда свои космические корабли. Они создали здесь небольшую колонию и зорко следили за тем, что происходит в канопианских поселениях. Именно поэтому наши разведчики не вызвали тревоги у местного населения: мы были не первыми, кто появился среди гигантов и аборигенов. При этом шамматяне не выдавали своих намерений. Хотя они не умели скрывать свои чувства и мысли, они были хитры и коварны. Они досадовали — а вернее бесновались — из-за помех, которые чинил им Канопус. От Канопуса им были нужны не женщины, а нечто другое. Что именно, мы не знали

и не могли выяснить на протяжении тысяч лет! Как это ни прискорбно, мы понимали Канопус ничуть не лучше шамматян. Но шамматяне — так же как и Сириус — делали все возможное, чтобы понять канопианцев. *И им удалось то, что не получилось у нас.* Я заявляю открыто и прямо — хотя и предчувствую критику в свой адрес, — что Шаммат — это прибежище варваров, преступников и дикарей, планета, название которой с незапамятных времен олицетворяло все темное и скверное, именно Шаммат сумела выведать по крайней мере некоторые из канопианских секретов. Вполне достаточно, чтобы кое-что перенять. А Сириусу, нашей цивилизованной, высокоразвитой империи, это оказалось не под силу.

Вернемся к менее важным вопросам. Разумеется, нам было интересно, почему эти разбойники попросту не похитили женщин у Канопуса, ведь они украли несколько космических кораблей. По-видимому, обитатели Шаммат боялись канопианцев, как боялись они и нас, полагая, что наказание за похищение людей более вероятно, чем за кражу вещей. И они были правы. Однако шамматяне изо дня в день карабкались по горной дороге, ведущей к Главному управлению, — по той же причине, по которой мы все-таки вступи-

ли в переговоры: их живо интересовало, чем мы занимаемся.

Однажды мы поинтересовались, почему они просто не похитили несколько аборигенок. Мы старались вести беседу в привычном для шамматян тоне и, преодолевая отвращение, заговорщически перемигивались с ними, точно отлично понимаем друг друга. Шамматяне дали нам понять, что им нужны не примитивные животные, а особи, развитые физически и духовно, члены общества, похищать которых опасно, поскольку они живут в прекрасных современных городах рядом с гигантами. Они прятали глаза, содрогаясь от вожделения. Почему они не похищали самок других видов, которые в разные периоды населяли Южные Континенты? По той же самой причине. Все эти племена были *недостаточно хороши* для шамматян, нечистых на руку бродяг, которые сидели сейчас рядом с нами в красных куртках (бывшей униформе канопианских колонистов), старомодных зеленых брюках, какие когда-то носили на Путтиоре, и башмаках из шкур несчастных животных с неведомой планеты. И при этом им хотелось самого лучшего. Когда они говорили о прекрасных, здоровых женщинах, живших в великолепных городах

на севере, их глаза лихорадочно блестели. Облизывая губы, злодеи рассуждали о женщинах Канопуса: «Мы слышали, что у них светлые волосы и голубые глаза…» (На самом деле это было не так.) При этом шамматяне буквально пожирали меня глазами. Я буквально чувствовала, как их жадные пальцы трогают мои волосы и щупают мою бледную кожу.

Вскоре после того как неприятные визитеры перестали нам докучать и вернулись туда, откуда прибыли, — не на Шаммат, а в северные земли, — мы выяснили, что они наведывались к женщинам, которые участвовали в селекционной программе. Среди детей обнаружились их отпрыски, а кое-кто из женщин планировал сбежать с их помощью, прихватив с собой детей. Эти планы провалились. Но теперь нам предстояло выявить среди представителей новой расы, которой мы так гордились, потомков шамматян. Позднее мы узнали кое-что еще. Нескольким женщинам все же удалось сбежать. Шамматяне подменили их аборигенками, а беглянки, ценнейший генофонд Сириуса, отправились на Шаммат. Некоторые из этих женщин оказались родом с Планеты 7, жители которой были светловолосы и голубоглазы, — на Планете 7 родилась моя мать.

На Шаммат женщины такого типа пользовались огромной популярностью…

Далее я расскажу, чем закончился данный период в истории Роанды.

Спустя примерно десять тысяч лет после Смычки Канопуса и Роанды нас созвали на чрезвычайную конференцию. Канопус намеревался оповестить нас о надвигающейся катастрофе. Непредвиденные космические пертурбации… Провал Смычки, вынужденный отказ от дальнейшей работы по ускоренному развитию Роанды… упадок и хаос на этой планете неизбежны.

Нам сказали, что все виды, с которыми мы экспериментировали, начнут стремительно мутировать, и посоветовали приостановить исследования до тех пор, пока эти изменения не станут понятными и предсказуемыми.

Должна признать, поначалу мы решили, что это попросту отвлекающий маневр, хитрый тактический ход. В первую очередь потому, что у нас не было никаких сведений об активизации деятельности на севере, — в частности, о том, что визиты космических кораблей Канопуса участились. Такие визиты всегда были немногочисленны, и это укрепило наши подозрения в том, что под «контактами», о которых постоян-

но говорили канопианцы, понималось именно укрепление связей.

Мы слышали, что на Роанду прибыл эмиссар Канопуса и остановился в городе Круге, расположенном в зоне Внутренних морей. Это был Джохор, в ту пору младший агент. Вскоре наши разведчики доложили, что космический корабль забрал почти всех гигантов с севера, хотя нескольким удалось сбежать. При этом отчеты наших агентов были полны противоречий, невразумительных формулировок и даже полной нелепицы — и мы поняли, что, говоря об ожидаемых катаклизмах, Канопус не преувеличивал. Мы отозвали своих разведчиков, причем некоторые из них так и не вернулись, и вывезли оставшихся участников эксперимента. Спустя всего несколько лет продолжительность жизни этих видов начала быстро сокращаться, а сами они стали стремительно деградировать, возвращаясь в первобытное состояние. Впрочем, данный феномен так хорошо описан в курсе социальной патологии, что я не буду останавливаться на нем подробно. Этот случай стал классическим примером обратного хода эволюции.

Самым острым для нас вопросом была Колония 23, наш «мозговой центр». Она всецело зависела

от поставок с Первого Южного Континента. Мы решили сохранить свои агротехнические станции на Роанде. Однако для этого требовалось немедленно увеличить численность отрядов по обеспечению безопасности, поскольку работники, раньше достаточно надежные, начали совершать мелкие кражи, а затем и другие проступки. Мы все еще продолжали заниматься сельским хозяйством. Затем, неожиданно для нас, наши территории начали страдать от набегов. Захватчики, которые появились со стороны Внутренних морей, уничтожали все на своем пути. Разорив северные агротехнические станции, они продвигались все дальше на юг. Кем же были эти разбойники? Представьте, это оказались те самые аборигены, которые стремительно развивались под эгидой Канопуса и еще недавно были просвещенными и сознательными гражданами. Дело дошло до того, что нам пришлось разместить войска по всей территории Первого Южного Континента. Была созвана экстренная конференция на Сириусе. Наши военные ресурсы были на пределе из-за массовых беспорядков в колониях. Нам не оставалось ничего, кроме как покинуть Роанду. Мало того, требовалось срочно навести порядок в Колонии 23: недолгая эпоха

ее бурного расцвета завершилась, и Мыслителей переправили в другое место.

Я провела итоговое обследование ПЮК. Значительную часть этого благодатного континента — как и территории ВЮК — занимали наши сельскохозяйственные угодья. Вокруг каждой группы строений расстилались зеленые, желтые и коричневые поля, над которыми, поблескивая в ярком солнечном свете, парили военные и наблюдательные корабли. Реки переливались на солнце… Плантации были покрыты сочной растительностью всех оттенков зеленого… Ирригационные каналы тянулись на много миль… Прозрачные ангары для выращивания сельскохозяйственных культур с помощью гидропоники и проведения научных исследований стояли стройными рядами… Не могу сказать, что эта последняя поездка доставила мне удовольствие. Демонтаж станций был в самом разгаре, и большегрузные корабли Межколониальной транспортной службы, нагруженные разобранными конструкциями и остатками урожая, один за другим поднимались в воздух. Я пролетела над несколькими станциями, которые уже успели эвакуироваться. Наш принцип — наносить как можно меньше ущерба окружающей среде — принес свои плоды.

О нашем пребывании говорили лишь наспех убранные поля, которые вскоре порастут молодым лесом, да несколько лесозащитных полос из деревьев, произрастающих на Роанде. Вскоре от нашего вторжения на эту планету не останется и следа.

Мне было не по себе. Амбиен Первый тоже чувствовал себя неважно. Мы объясняли это разочарованием из-за пересмотра наших планов. Однако вскоре вся наша команда начала жаловаться на общее недомогание и плохое настроение. Кроме того, стало очевидным, что происходящее отражается на нашем интеллекте. У нас не оставалось выбора, и я отдала приказ немедленно покинуть Роанду.

Вскоре после этого Канопус снова созвал конференцию в Колонии 10. Одним из пунктов повестки дня была Роанда. Тогда нам еще казалось, что эта проблема не серьезнее прочих.

Я считала и продолжаю считать, что нет ничего сложнее переоценки прошедших событий.

Теперь, оглядываясь назад, я испытываю совсем иные чувства, нежели тогда. Но должны ли мы забывать свои еще не вполне зрелые чувства и мысли? Разумеется, нет.

В то время среди множества вопросов, которые

волновали Канопус и Сириус, особенно выделялся один. Гиганты из Колонии 10, которые вернулись на свою планету и ждали, когда им поручат новую работу, испытывали глубокие страдания. Теперь они были в два раза выше ростом своих соплеменников и значительно опережали их по уровню развития. Они уже не могли жить так, как жили прежде, а Колония 10 оказала им не слишком теплый прием, поскольку признать чужое превосходство всегда нелегко.

Среди канопианских колоний не было планет, где были бы рады гигантам. Во всяком случае на тот момент. Мы знали возможности гигантов и были убеждены, что им по силам почти мгновенно — в эволюционных масштабах — превратить обезьян в цивилизованную расу. Мы очень хотели, чтобы Канопус «одолжил» нам гигантов и те обучили наших колонистов «своим трюкам». Да-да, мы выражались именно так. Что толку стыдиться своих слов сейчас. Канопус отказал нам мягко, но непреклонно. Это невозможно, сказали канопианцы. Мы считали, что нам отказывают из жадности, из опасения, что Сириус превзойдет Канопус, — объяснений было множество, но все они оказались далеки от истины. Официальная просьба о таком «одолжении» стала главным

пунктом повестки дня на Конференции и основной темой разговоров в кулуарах. Как всегда, мы держались враждебно и чувствовали себя обиженными.

В целом настроение участников Конференции было подавленным. Канопианцы были удручены событиями на Роанде и не скрывали, что до глубины души расстроены катастрофой на Планете 8, спасти которую не удалось. Как раз во время Конференции они отзывали оттуда свой персонал. Сириане тоже были не в духе из-за Роанды. Атмосфера на Конференции была гнетущей, без единого проблеска воодушевления или оптимизма, которые порождает успех. И все же на заседаниях ставились новые цели и строились планы на будущее.

Для меня эта Конференция памятна тем, что именно там я познакомилась с Клорати, который возглавлял делегацию Канопуса. Он вносил в ситуацию оживление, которого ей так недоставало. Он сразу понравился мне. Он был — и остается — энергичным, резким, язвительным; Клорати всегда готов расшевелить других и помочь стряхнуть апатию и безразличие, которые нередки даже на самых удачных конференциях. Нас потянуло друг к другу еще и потому, что мы

оба находились на соответствующем жизненном этапе — стадия размножения у нас уже осталась позади. Он расположил к себе и Амбиена Первого, и все мы предвкушали множество интересных и полезных встреч втроем.

Именно на Клорати была возложена неприятная обязанность ответить отказом на нашу просьбу относительно гигантов, и я помню, как он с бесконечным терпением повторял: «Поймите, это невозможно...» — хотя мы не могли и не желали ничего понимать.

Чтобы проиллюстрировать разные точки зрения тогда и теперь, я перечислю основные пункты повестки дня, связанные с Роандой.

1. Отправная точка — Смычка Канопуса и Роанды провалилась.

2. Впереди вырождение и деградация, которые уже дают о себе знать.

3. Канопус намеревается и далее поддерживать связь с Роандой с помощью ограниченного контингента персонала.

4. Судя по всему, космические факторы, вызвавшие Катастрофу, будут действовать на протяжении сотен тысяч лет, по прошествии которых ничто не помешает Роанде вернуться в прежнее состояние и достичь нового расцвета.

5. Шаммат из Путтиоры — и это обстоятельство было для Канопуса чрезвычайно важным — понял природу связей между Канопусом и Роандой и сумел извлечь из этого выгоду, обеспечив собственное процветание.

Перечитывая эти строки сейчас и вспоминая, как я воспринимала их тогда, я поражаюсь собственной слепоте.

Повторяю, глаза нам застилала обида. Кроме того, сыграл свою роль страх: повсеместно велось много разговоров о «шпионах» Шаммат, про которых канопианцы, по их утверждениям, ничего не знали. Мы не верили этому, но опасались сами заниматься расследованиями, поскольку боялись, что нас уличат в шпионаже…

Из всего вышеизложенного ясно, что Конференция встревожила нас и не принесла удовлетворения. Когда ее участники разъехались, я поняла, что единственным светлым пятном была встреча с Клорати, но поскольку ему предстояло остаться в Колонии 10, чтобы помочь гигантам пережить нелегкий период ожидания, а мне нужно было возвращаться на Сириус, нам было не на что надеяться, во всяком случае в ближайшее время.

Сириус не отказался от мысли использовать Роанду для экспериментов, но было непонятно,

как продолжить работу и при этом не навредить самим себе. С этой целью на Конференции был сформирован Объединенный комитет Канопуса и Сириуса. По моей просьбе меня вновь откомандировали на Роанду. При этом я получила инструкции от канопианцев — и мы, и они назвали их *рекомендациями* — о том, как выжить в новых неблагоприятных условиях. Нам сказали, что, если мы будем строить свои поселения, строго соблюдая установленные правила (размеры и пропорции указывались с точностью до сотых): будем носить строго определенную одежду и есть строго определенную еду (для этого нам вручили пространные перечни с соответствующими предписаниями), мы сможем работать на этой злополучной планете, по крайней мере, в течение некоторых ограниченных отрезков времени.

Надо сказать, что поначалу мы относились к этим предписаниям довольно легкомысленно, что привело к печальным последствиям. Тогда мы стали строго соблюдать все рекомендации, и результаты превзошли наши ожидания.

В ту пору это повиновение было куда более незаурядным явлением, чем кажется теперь. В то время на наших территориях редко можно было услышать доброе слово в адрес Канопуса.

В лучшем случае в нашем тоне сквозило безразличие, но куда чаще — издевка. Мы следили за канопианцами, где и когда только могли. Мы старались превзойти их при любой возможности, даже если это было чистой воды ребячеством или делалось незаконно. Тот, кто сомневается в этом, найдет подтверждение моим словам в любой исторической хронике или мемуарах того времени. При этом мы не стыдились своего поведения. Напротив, мы неизменно подозревали Канопус в дурных намерениях, в нарушении своих обязательств. Мы всячески демонстрировали неуважение к его рекомендациям, насмехаясь над канопианцами в поисках дешевой популярности, однако при этом соблюдали их так неукоснительно, что это стало нашей второй натурой и мы почти забыли, откуда эти рекомендации взялись. Впоследствии мы — а точнее, большинство из нас — и впрямь забыли об этом и считали «Технику выживания на Роанде» нашим собственным изобретением.

На протяжении ста тысяч лет сириан на Роанде было больше, чем канопианцев. *Так мы полагали в то время.* Наши разведчики определяли специалистов с Канопуса по тем же приметам, которые позволяли опознать представителей Сириуса.

Тогда мы не знали, что канопианцы пользуются не только космическими кораблями — нередко они добирались до места, используя наземные средства передвижения. Мы не знали, что канопианские специалисты могут жить на Роанде — и на других планетах, — принимая обличье местных жителей, в любое время и в любом месте.

Долгое время мы даже не подозревали, что канопианцы работают на Роанде. Некоторые отказываются верить в это до сих пор.

Но кое-кто из сириан, работавших на Роанде, понял, что происходит. Я расскажу об этом подробнее в свое время.

Между тем меня по-прежнему занимали мысли о Канопусе, и, без сомнения, не меня одну. На то были свои причины.

Положение в Сирианской империи

Теперь пришла пора дать общее представление об истории Сириуса после Смутного Времени. Кто-то возразит, что нельзя рассказать в двух словах о событиях нескольких сотен тысяч лет. И все же все мы прекрасно справляемся с этим, когда речь идет о других государствах. Вспомните, как мы — включая самых авторитетных историков — говорим об Аликоне, многовековой культуре, которая предшествовала сирианской. «Аликон был жестко структурированным, воинственным государством, где правящая элита держала народ в подчинении с помощью религии, а девять десятых населения занимались неквалифицированным трудом и находились на положении рабов и слуг. Эта культура пришла в упадок, потому что…» Так мы описываем девяносто тысяч С-лет так называемой «предыстории». Возьмем другой пример. Колония 10, которой сейчас управляет Канопус, некогда именовалась Сендженом и была «раем на земле, миролюбивым, открытым матриархальным обществом. Это общество сформировалось благодаря мягкому климату и изобилию съедобных растений и жи-

вотных». Сенджен просуществовал двести тысяч лет, прежде чем Канопус решил, что это общество нуждается в усовершенствовании.

Трудно смотреть на свое собственное прошлое и будущее столь же беспристрастным, непредубежденным взглядом, как и на другие народы, чужую историю. И все же большинство обществ — культур — империй можно охарактеризовать очень кратко, останавливаясь в первую очередь на материальных и географических аспектах. Не исключено, что наше нежелание оценивать самих себя так же непредвзято, как других, объясняется просто: нам неприятно думать, будто наше существование ограничивается только материальной стороной.

С момента основания Сирианскую империю занимал один-единственный аспект реальности — технология и вопросы, с нею связанные. Ни одна империя не могла тягаться с нами в технических достижениях… Я пишу эти слова не потому, что теперь знаю то, чего не знала тогда. Так мы оценивали ситуацию вплоть до недавнего времени. Подобная точка зрения определялась нашим видением *технологии.* Изощренная, бесконечно разнообразная и зачастую незримая технология Канопуса была неведома для нас,

и на протяжении тысячелетий мы думали, что превзошли всех.

Теперь мы считаем, что Смутное Время закончилось в тот момент, когда «мы избавились от избытка населения». Таким грубовато-официальным языком это сформулировано в одной из исторических хроник. А это произошло тогда, когда «численность населения пришла в соответствие с потребностями». О да, есть сотни способов определения нашей основной проблемы! Но любая из формулировок — уклончивых или откровенных — лишь скрывает то, в чем у нас никогда не хватит духу признаться! Если охарактеризовать нашу культуру в двух словах, так же лаконично, как мы описываем другие цивилизации, можно сказать: «Сирианская империя, имея в своем распоряжении пятьдесят три колонии и несметные богатства, прекрасно обеспеченная, невероятно пестрая, при высочайшем уровне развития технологии никак не могла решить, какому количеству людей в ней позволено жить».

Вот я и добралась до самого главного. Я уже касалась этого вопроса ранее — его было не избежать. Невозможно рассказывать о Сириусе, не упоминая самую острую из наших проблем…

Когда Смутное Время осталось позади, мы стали

зорко следить за тем, чтобы численность населения не превышала минимум, необходимый для… *для* чего? Мы установили ограничения допустимой численности в пятидесяти трех колониях. Надо сказать, что они были недостаточно обоснованными и при этом весьма жесткими.

Что произошло с миллионами тех, кто оказался лишним? Их не истребляли. Их не притесняли. Напротив, как я уже писала, чтобы облегчить их трагическую участь, разрабатывались всевозможные программы и мероприятия. (Подробный рассказ о них не входит в мои задачи.) Они просто ушли из жизни — так это преподносится теперь, когда прошло достаточно времени и мы способны спокойно и трезво подвести итоги случившегося. А ведь речь идет о разбитых сердцах и сломленной воле. Они умирали, потому что их жизнь потеряла смысл, от болезней и эпидемий, вызванных непонятными причинами, и при вспышках массового безумия. Так или иначе, они умерли. Это заняло пятьдесят тысяч лет — и этот период был для нас очень нелегким, — но когда все закончилось и наши планеты снова опустели, мы могли ставить новые грандиозные цели и строить новые планы.

Однако на самом деле ничего не изменилось:

мы по-прежнему не знали, как относиться к самим себе. При нашем уровне развития технологии для обеспечения нужд Сирианской империи было достаточно десяти миллионов человек. Больше не требовалось. Причем нашей единственной целью было сохранить империю, и все делалось только ради этого…

Полагаю, я сказала достаточно. Некоторые сочтут, что я и без того рассказала слишком много; другие — что, отнесись я к нашей основной проблеме с должным пиететом, мне следовало бы посвятить ей не пару абзацев, а несколько томов.

Что ж, вышеназванной проблеме и без меня уже посвящены бесчисленные тома, а на ее обсуждение ушли сотни лет… В тот период, когда место было расчищено и опустевшая Сирианская империя замерла в ожидании новых драм, повсюду как грибы после дождя стали появляться бесчисленные философские школы, и вокруг были слышны лишь их бесконечные дискуссии и споры… «Во имя чего мы решаем *основную экзистенциальную проблему Сириуса?*» — вопрошали они.

Постепенно тон этих споров стал таким агрессивным и мрачным, что само упоминание так

называемой «экзистенциальной проблемы» было запрещено законом — и такое положение сохранялось тысячи лет. Разумеется, в этот период возникали всевозможные подпольные движения и секты, которые вели подрывную деятельность, посвящая себя «сохранению истины».

Затем, когда влияние и сила подобных группировок выросли до такой степени, что игнорировать их далее представлялось невозможным, было дано официальное разрешение обсуждать то, что поглощало все наши мысли. В этот период несколько наших планет, которые выполняли функции колледжей и университетов, получили задание заниматься исключительно обсуждением наших экзистенциальных проблем. Так появилась Планета Мыслителей, она же Колония 23.

Между тем численность населения Сирианской империи то росла, то уменьшалась, и эти колебания зависели не от того, сколько людей требовалось для обслуживания техники, но от изменений общественного мнения… При желании мы могли бы заселить свои планеты миллиардами особей — как уже было когда-то — или оставить их пустыми. В зависимости от наших потребностей на отдельных планетах поддер-

живалась очень высокая плотность населения, а другие оставались практически безлюдными.

В то время как наше отношение к главной экзистенциальной проблеме менялось, наш подход к освоению космоса обрел определенность. Мы поняли, что, как бы далеко мы ни добрались, сколько бы планет ни открыли, сколько бы территорий ни включили в свой генеральный план, наши проблемы — а точнее, *проблема* — никуда не денутся. Она останется с нами. Для чего нужны новые колонии? Каково их предназначение? Планета с благоприятными климатическими условиями может пригодиться для тех или иных целей. Если она богата полезными ископаемыми или новыми для нас минералами, их можно использовать. Но просто присоединять к Сирианской империи сотни и тысячи новых колоний… Зачем это нужно?

Этот вопрос задавали и об этом спорили наши философы.

Мы, администраторы, наблюдали за Канопусом и видели: он не увеличивает число своих колоний. Он работал с теми, что уже были. У канопианцев было меньше колоний, чем у нас, и они кропотливо трудились над их развитием и совершенствованием. Но тогда мы не понимали

этого, и я вынуждена признать, что мы презирали своего великого соседа и соперника за то, что он не стремится к дальнейшим завоеваниям, а его материальные потребности весьма скромны.

Далее я продолжу рассказ о наших наблюдениях за Канопусом.

Канопус — Сириус. Клорати

Когда Смутное Время подошло к концу (а это случилось вскоре после Катастрофы на Роанде), численность населения Канопуса была примерно равна нашей, однако он колонизировал меньше планет. Судя по всему, это обстоятельство не вызывало у канопианцев ни малейшего беспокойства. Однако уровень их технологии, которая немного отставала от нашей *по внешним признакам,* был достаточно высок, чтобы нас волновали одни и те же вопросы. Когда мы поднимали эти вопросы, заговаривая об «экзистенциальной проблеме», они не выказывали интереса. В те времена мы видели в этом очередное свидетельство их коварства. Когда канопианцев спрашивали, как они регулируют численность населения, они отвечали: «с учетом потребности» или «в соответствии с необходимостью» — и так продолжалось очень долго. Лишь недавно мы наконец *услышали,* что они говорят: «с учетом Потребности» или «в соответствии с Необходимостью».

Сириус знал о Канопусе куда меньше, чем Канопус о Сириусе. (При этом наши познания ограничивались лишь материальной сторо-

ной жизни канопианцев.) Я давно заметила — стоит упомянуть любую из наших планет, Канопус неизменно знает о ней все. Поэтому мы не уставали восхищаться тем, как работает у них разведка.

Мы всегда мечтали схватить наконец одного из канопианских шпионов и заявить: «А ведь вы нарушили наш договор, теперь вам тоже придется поделиться информацией». Но нам так и не удалось поймать ни одного канопианского шпиона. На самом деле их попросту не было.

А когда мы запрашивали информацию, Канопус предоставлял ее по первому требованию, но мы не верили тому, что нам говорят…

Вскоре после Конференции в Колонии 10, где оценивались последствия Катастрофы, меня вызвал к себе глава Колониальной Службы и попросил сблизиться с Клорати — наша взаимная симпатия не осталась незамеченной.

Разумеется, я выполнила его просьбу без колебаний. Ни тогда, ни теперь я не считаю, что использовать личные взаимоотношения с такой целью недопустимо. Прежде всего, я сирианка. Я горжусь тем, что служу Сирианской империи. Если бы мой долг перед Сириусом и Колониальной Службой вступил в противоречие с моими лич-

ными чувствами, я бы не колебалась ни минуты. А впрочем, откуда взяться подобным коллизиям? Для меня приоритетом всегда были *реальные* долгосрочные интересы Сириуса. И конечно, я считала само собой разумеющимся, что Клорати тоже рассказал про меня — и про Амбиена Первого — своему начальству.

Меня попросили вернуться на Роанду, куда вскоре должен был прибыть Клорати, — а это означало, что Канопус уведомил нас о своих намерениях. Этот факт, по нашему мнению, говорил о том, что Клорати получил аналогичное задание, так что и мы оба могли считать себя шпионами.

Я готовилась к встрече с Клорати, вкладывая в эти приготовления всю свою душу. Я не могу отделить в себе «личное» от «общественного» — это дается мне слишком тяжело. В жизни бывают такие моменты, когда каждое событие, каждый человек и даже чье-то случайное замечание становятся органичной частью единого целого. Истоки этих совпадений следует искать в прошлом, а их нити уходят в будущее. В тот момент в моей жизни наступила пустота, поскольку недавно умер мой хороший приятель. Мы, уроженцы Сириуса, занимающие высокие посты, редко думаем о смерти. Мы можем погибнуть

лишь от несчастного случая или редкой болезни. Но в моего старого друга попал метеорит, когда он выполнял поручение Межпланетной Службы. Хотя видеться нам удавалось нечасто — он работал в Колонии 3, — мы испытывали глубокую симпатию друг к другу, и наша дружба согревала нас обоих. Я искренне надеялась, что Клорати сможет заменить мне старого друга. Отчасти потому, что он был с Канопуса, — хотя примеры крепкой дружбы сириан и канопианцев были не слишком многочисленны, про них слагали легенды и эпические сказания. Такие произведения воодушевляли нашу молодежь и помогали воспитывать ее в духе новых веяний — ведь с недавних пор Канопус из заклятого врага превратился в нашего союзника.

Нечто в самом Канопусе неудержимо влекло меня… если только «влекло» — правильное слово. Нет, скорее мучило, преследуя как навязчивая идея. Впрочем, эти слова тоже не передают мои чувства. Моя жизнь была слишком насыщенной, чтобы меня могла увлечь игра в одни ворота. Размышляя о Канопусе, я чувствовала, что меня снедает любопытство, — нечто подобное можно ощущать по отношению к человеку, мотивы действий или образ жизни которого кажутся

далекими и чуждыми, — точно поняв его, ты откроешь в себе такие глубины, о существовании коих мог лишь догадываться. Они существуют, и ты знаешь об этом, но не можешь заглянуть в них, хотя те, кто сумел сделать это, поднялись на совершенно иной — более высокий — уровень. И ты всей душой мечтаешь не только приблизиться к ним, но и получить доступ в ту сферу своего «я», что позволяет обрести индивидуальность, которую обрели они. Все это порой заставляет нас годами размышлять о человеке, который остается для нас загадкой, открываясь лишь отчасти.

Далее станет понятно, что Клорати стал для меня не просто хорошим знакомым.

Амбиен Первый должен был сопровождать меня, и я была рада этому, поскольку он до некоторой степени разделял мои чувства к Канопусу.

Прежде чем направиться на север, мы совершили посадку у старого здания Главного управления, чтобы оценить возможность проведения экспериментов в будущем. Здесь мы обнаружили нечто весьма любопытное. В колонии аборигенов, которые обосновались на склоне холма, произошли изменения. Мы ожидали увидеть, что они стремительно вырождаются, но обнаружили нечто совсем иное, и это поначалу показалось нам

необъяснимым. Аборигены четко разделились на два разных вида. Некоторые внешне остались прежними, но стали более агрессивными и неуживчивыми. Они отделились от большого и дружного племени и селились маленькими семейными кланами или жили поодиночке. Каждый из них защищал свой клочок земли, места охоты, пещеру или примитивное жилище. Они перестали строить нормальные дома, выращивать зерно и заниматься скотоводством. Другой вид, обитавший на той же территории, охотился на первых — либо убивая и поедая их, либо похищая женщин и детей, которых в дальнейшем превращали в слуг. Этот вид представлял собой переходную ступень между разновидностями 2 и 3. Его представители ходили на задних конечностях — ногах, но иногда опирались на костяшки пальцев своих длинных рук. У них не имелось хвостов, голова и плечи были покрыты шерстью, но остальные части тела были безволосыми, что придавало им похотливый и вульгарный вид, — казалось, что ими движут исключительно коварство и жадность. Именно эта их черта заставила Амбиена Первого и меня в один голос воскликнуть: «Шаммат!» Произошло следующее — шпионы Шаммат совокуплялись с

аборигенами, и теперь мы видели результат. Мы с трудом отыскали несколько уцелевших бедняг-аборигенов — теперь они стали агрессивными и подозрительными, — а новая раса образовала большое, сплоченное племя, непревзойденное по сообразительности и силе. Прежние аборигены резко изменились: покорные, пугливые, скрытные, они явно были обречены на вымирание.

Мы отметили для себя, что новый вид, возможно, пригодится для экспериментов, и полетели на север. Пролетая над перешейком, который соединяет СИК и ЮИК, мы увидели, что узкая полоска суши скрылась под водой на протяжении примерно пятидесяти Р-миль. Этот природный мост в разные эпохи то погружался под воду, то вновь поднимался, а поскольку новые виды с Северного Континента не просочились на юг, он, по-видимому, опустился под воду уже давно.

Как и было условлено, мы встретили Клорати на плоскогорье из красноватого камня и песка, которое образовалось в результате недавних землетрясений. Внизу виднелись плодородные долины, не тронутые землетрясениями. Наши корабли летели бок о бок над опаленной солнцем пустыней. Мы держали связь по радио и одновременно совершили посадку в тени высокой горы,

поросшей лесом. Мы втроем уселись под раскидистым деревом, чтобы перекусить и побеседовать. Встреча была очень теплой. Мы достаточно откровенно обменялись мнениями о том, что произошло в Колонии 10, чтобы убедиться: наши впечатления были верны. Что касается меня, я была на седьмом небе от счастья. Клорати оказался таким же милым и оживленным, каким я его запомнила, к тому же мне было очень приятно пообщаться с представителем одной из высших рас нашей Галактики. Когда проводишь много времени с низшими расами, какой бы интересной ни была работа и какими бы дружелюбными и славными ни были эти создания, иногда очень хочется пообщаться с кем-то на равных.

Клорати был типичным представителем разновидности 1 главной планеты Канопианской империи. Высокий, худощавый, сильный, со светло-бронзовой кожей и темными глазами, он не слишком отличался от Амбиена Первого. Моя внешность была совершенно иной, и я чувствовала, что это доставляет удовольствие моим собеседникам.

Мы трое до сих пор еще не знали, зачем нас пригласили на эту встречу, хотя мы с Амбиеном Первым много думали об этом. У меня не выходи-

ли из головы так называемые Математические города, построенные в период, который предшествовал Катастрофе. «А может быть, мы их просто выдумали?» — размышляла я и просила Амбиена Первого вновь и вновь рассказывать мне о том, что он видел. Но он утверждал, что давным-давно уже не встречал ничего подобного. На его родном Канопусе не было ничего похожего на эти удивительные города. На последней конференции я спросила об этом Клорати, и он ответил, что «нет никакой необходимости» строить на Канопусе города или здания такого типа. Я поверила ему. Пока он был рядом, мне казалось, что он говорит правду. Однако в его отсутствие все переменилось, и я не понимала, почему этот человек солгал. Теперь, когда мы снова встретились и вместе сидели под деревом на мягкой душистой траве, мне было достаточно взглянуть на Клорати, чтобы понять: если он говорит, что на Канопусе строят совсем другие города, значит, дело обстоит именно так. Он рассказал нам про канопианские города, которые по описанию не отличались от сирианских. Удобные, хорошо обустроенные, засаженные красивыми и полезными деревьями и кустарниками, они позволяли горожанам жить в здоровье и достатке. Но они

не имели правильной геометрической формы — круга, звезды или шестиугольника, как города, которые некогда возводились на Роанде.

— Но почему, почему, Клорати?

— Видишь ли, города и здания на любой планете проектируются с учетом необходимости, именно она определяет их вид и местоположение.

«Что ж, это ясно и так», — подумала я.

Я была разочарована и чувствовала себя обманутой. До встречи с Клорати я беспрерывно думала, как скажется на нашем общении то, что всецело занимало мой разум — появление отвратительных звероподобных людей на Втором Южном Континенте. В свое время мы многое скрыли от Канопуса: что к нам прилетали шаммматяне; что мы похитили группу аборигенов с канопианских территорий; что несколько специалистов из Колонии 22 бежали вместе с ломби; что мы шпионим за канопианцами, регулярно прочесывая их территории, и что Шаммат делает то же самое… Когда по прибытии на Роанду мы устроили импровизированный пикник, мне казалось, что, вместо того чтобы открыться новому другу, как делают те, кто хочет сблизиться, я обнесла свою душу забором: не подходи, держись

подальше… Были моменты, когда мне было тяжело видеть спокойное, открытое лицо Клорати. И все же одновременно я испытывала и совсем иные чувства: вы, канопианцы, считаете себя умнее всех, но вам невдомек, что на уме у меня!

Нет, общаться с Клорати будет непросто. Во всяком случае пока.

Вскоре мы выяснили, почему Сириусу предложили прислать своих представителей… Узнав причину, мы не поверили собственным ушам.

Остатки выродившейся расы гигантов продолжали размножаться и распространились по всему континенту. Теперь они измельчали и были примерно одного роста с нами — восемь-девять Р-футов. Продолжительность их жизни сократилась. Они плохо помнили свое великое прошлое — от него остались лишь умение готовить пищу на огне, дружелюбие да элементарные навыки ручного труда. Они не занимались земледелием, но собирали съедобные растения и охотились. Они жили на Северном Изолированном Континенте большими, сплоченными племенами, которые не воевали между собой, поскольку в их распоряжении имелись огромные территории и неисчислимые стада диких животных. Здесь же обитали два племени, которые называли себя

хоппе и навахи. Клорати сказал, что ему поручили познакомиться с ними и… Услышав эти названия, я так растерялась, что не расслышала то, что он произнес дальше. Я сидела, боясь даже смотреть на Амбиена Первого. Когда я взяла себя в руки, Клорати уже рассказывал о карликах, которые жили в горах неподалеку, и о том, что ему поручили наведаться и к ним, потому что Канопус хочет разузнать о них побольше. Наверняка того же самого хочет и Сириус. Я поняла, что за последними словами стоит нечто большее… Но к этому я вернусь позднее, поскольку все обернулось совсем не так, как я ожидала в то время.

Клорати хотел, чтобы мы отправились вместе с ним в горные селения карликов. Это было довольно опасно. Карликов преследовали хоппе и навахи, и хотя Клорати был немного знаком с этим горным народом, ему предстояло потрудиться, чтобы завоевать их доверие. Он считал само собой разумеющимся, что мы будем рады подобной вылазке. Амбиен Первый действительно обожал такие затеи. Что до меня, у меня не было ни малейшего желания общаться с существами, которые наверняка были всего-навсего убогими, грязными полуживотными. И все же я согласилась.

Карлики. Хоппе. Навахи

Мы спрятали свои корабли в каньоне, хорошенько замаскировав их, и зашагали в сторону гор. Они не пострадали от землетрясения, хотя здесь произошло несколько камнепадов, поэтому казалось, что со склонов гор содрали кожу. Когда мы подошли поближе, до нас стали доноситься шорохи, постукивания, топот ног и другие странные звуки. Я вспомнила термитники на Втором Южном Континенте — если приложить ухо к стене подобного сооружения и постучать по ней, внутри начнется такая же суета, сопровождаемая шелестом и неясным шумом. Спустившись с обрыва, мы увидели на дне ущелья вход в глубокую, темную пещеру. Клорати сразу направился к ней, подняв руки вверх, и произнес несколько незнакомых мне слов. Мы тоже подняли руки — очевидно, этот жест свидетельствовал о наших мирных намерениях. И вдруг возня внутри стихла, и наступила полная тишина. Солнце Роанды нещадно палило — от израненных скал тянуло жаром, — воздух дрожал над раскаленной почвой. Внезапно из пещеры снова раздался шорох, внутри началось какое-то движение, столь стре-

мительное, что было невозможно разглядеть, что происходит. Мгновение спустя нас окружила толпа низкорослых человечков, которые подталкивали нас к пещере. Карлики едва доходили нам до колен, а высота входа в пещеру была такова, что мы могли проникнуть внутрь, лишь опустившись на четвереньки. Внутри пещера, которая оказалась огромной, была освещена небольшими огоньками. Впоследствии выяснилось, что из отверстий в скале сочится природный газ, поток которого регулируется. Такого освещения хватало лишь на то, чтобы поддерживать мягкие сумерки. Пол пещеры был устлан поблескивающим белым песком, кристаллы в скалистой стене тускло мерцали, а река, которая протекала по краю пещеры, поднимала сверкающие фонтанчики брызг. Я не ожидала увидеть в чреве этой темной горы такое великолепие и воспряла духом. Пока маленькие человечки подталкивали меня внутрь, мне удалось рассмотреть их. Они куда меньше походили на животных, чем звероподобные люди с Южного Континента, и были симпатичными и дружелюбными созданиями. На них были штаны и куртки из выделанной кожи. Они были плотными и коренастыми. Их широкие плечи и сильные руки были точь-в-точь

такими, как у ломби, а желтая кожа напоминала облик специалистов из Колонии 22. На голове у карликов курчавились темные волосы, лица были безволосыми, а глаза — проницательными и умными.

Нас быстро провели через целую галерею пещер, пока мы не углубились в горы, но атмосфера не была гнетущей: рядом все время журчала река, а воздух был сладким и свежим. В конце концов мы оказались в такой огромной пещере, что ее свод терялся в темноте у нас над головами. Ее освещали бесчисленные крохотные огоньки. В центре имелось свободное пространство, достаточное, чтобы на нем могла уместиться целая толпа маленьких человечков — а заодно с ними и мы, — но небольшое по сравнению с размерами пещеры. Нас усадили на груды шкур и дали поесть — пища была непривычной, но нам было любопытно вспомнить, что представляла собой еда на тех планетах нашей Галактики, которые находились на начальных этапах эволюции. Мясо. Что-то вроде сыра. Пиво. Все это время Клорати беседовал с человечками — судя по всему, он неплохо владел их языком. Амбиен Первый и я были не похожи на Клорати и явно озадачили их. Хотя человечки оказались достаточно воспитан-

ными созданиями, они разглядывали нас во все глаза. При этом они держались весьма любезно, а одна из женщин, красивая своеобразной грубоватой красотой, вежливо попросив разрешения, прикоснулась к моим волосам. Вокруг меня тотчас собралась целая толпа женщин — смущенно улыбаясь, они не могли удержаться, чтобы не потрогать мои светлые локоны. Я рассматривала лица человечков, столпившихся вокруг нас, и вспоминала ломби, которые никогда не поднимали глаз на меня или мне подобных, а также специалистов Колонии 22, которые… Интересно, обладают ли карлики генетической памятью? Мы внимательно изучали друг друга… Как часто за свою долгую службу мне приходилось наблюдать подобные сцены, когда представители разных рас разглядывают друг друга не враждебно, но с дружелюбным любопытством.

Я удивилась, что, находясь глубоко под землей, мы так хорошо видим друг друга. Оказалось, что пещера освещена электричеством. Да-да. Повсюду стояли мощные светильники, а батареи размещались в деревянных сосудах. Никогда нельзя предугадать, какие достижения прежней технологии сохранит выродившаяся раса.

Я сразу поняла, что карликов преследуют… Я

догадалась об этом по сотне мелочей, часть которых почувствовала интуитивно и, наверное, не смогла бы назвать. Эти люди были в опасности, они находились под угрозой исчезновения и были доведены до отчаяния. Об этом говорила печаль в их глазах, когда они смотрели на Клорати, который, чуть наклонившись вперед, беседовал с человечками…

Потом нас — меня сопровождали женщины, а мужчин — мужчины — отвели в небольшие, но достаточно просторные помещения для гостей, тоже высеченные в скалах. На следующий день человечки продолжали беседовать с Клорати, а для нас с Амбиеном Первым по нашей просьбе устроили экскурсию по подземному царству. Я кратко опишу, что мы увидели.

Прежде всего, это поселение оказалось не единственным. Клорати сказал, что подземные жители живут не только на этом континенте, но и почти на всей территории Роанды. Они прячутся в пещерах не потому, что такова их природа. На них охотятся менее умелые и развитые племена, которые превосходят их ростом и силой.

Эти пещеры были не похожи на обиталище животных. Человечки селились в подземельях естественного происхождения — нередко это

были высохшие русла подземных рек, — а иногда выкапывали пещеры сами. Жилые помещения были аккуратно обшиты гладко выструганными досками. Все пещеры хорошо освещались — для этого использовались природный газ и электричество. Для собраний, приема пищи, сна были выделены особые места. Имелись также пещеры-склады и пещеры-мастерские. Человечки ловили диких животных и занимались их разведением под землей. Здесь были и птицы, некоторые из них свободно порхали по пещерам, словно дело происходило на открытом пространстве. Это были настоящие подземные города, целые государства. И все они возникли в результате немалых трудностей.

Карлики (впоследствии я узнала, что на Канопусе их именовали расой «малышей») были умелыми шахтерами и металлургами. Начав освоение металлов с железа, они научились изготавливать всевозможную утварь, а затем, когда стали охотиться, и оружие. Время от времени они выбирались наружу, чтобы обменять свои изделия на еду и скот, и торговля была весьма успешной. Железные орудия они меняли на фрукты и коренья, а подземные стада — на других животных. Затем карлики нашли золото. Они

увидели, что этот красивый металл не ржавеет и не крошится как железо, но недостаточно тверд, чтобы изготавливать из него орудия и сосуды. Тогда они стали делать из него украшения. Полудиким племенам — а именно они, а не жители современных городов чаще всего были соседями карликов — золото поначалу было в диковинку. Затем ситуация переменилась — теперь за золото могли убить или обратить в рабство, — и карликов стали преследовать и убивать целыми общинами. Они укрылись в горах и забирались все дальше и дальше, прячась от своих преследователей. Они стали невидимками и лишь изредка предпринимали осторожные вылазки, занимаясь торговлей. Нередко, когда карлики выбирались наружу с тяжелыми сосудами, копьями, наконечниками стрел и сверкающими украшениями, на них нападали из засады и убивали всех до единого.

Но они продолжали добывать сокровища, спрятанные под землей, — теперь это мастерство было у них в крови.

В этом заключался печальный парадокс, которого сами карлики не замечали, пока об этом не заговорил Клорати: что бы они потеряли, если бы не занимались разработкой рудников?

Разве они не смогли бы прокормиться? Одеться? Обустроить свои жилища? Красивые и прочные глиняные сосуды, которые они изготавливали, были ничуть не хуже сделанных из железа.

Что, если бы они не научились выплавлять железо и добывать золото?

Но рассуждать об этом было слишком поздно.

Когда их стали преследовать и грабить, карлики послали Клорати известие. Известие, которое должно было «долететь до звезд».

Каким образом?

Человечки устроили тайное совещание, участники которого собрались со всех концов континента. Они добирались до места назначения по тысячам подземных тоннелей и дорог. Собравшись вместе, карлики принялись дружно молить Канопус, чтобы тот пришел им на помощь.

Двое из них отправились в трудный и опасный путь к Срединному морю. Там, по новым сведениям, появились великие города. Это путешествие продолжалось много Р-лет. Эти двое, мужчина и женщина, тайком перебрались через весь континент, стараясь остаться незамеченными. Добравшись до побережья, они пересекли море, переплывая с острова на остров. Выбравшись на сушу, они обнаружили, что сдвиги земной коры

и землетрясения уничтожили великие города, которые сохранились лишь в воспоминаниях полудиких племен. Эти двое двинулись на север, чтобы отыскать место, про которое рассказывали, что там «царит доброта и правят женщины». Так они попали в Адаланталэнд, где и вправду царили любовь и доброта. Мудрая правительница Адаланталэнда сказала, что люди с Канопуса давно не посещали Роанду, — таких визитов не помнили ни она, ни ее мать. Эти двое оставили там свое письмо, свято веря в то, что, если Канопус дал слово, — а они помнили его обещание, — он его сдержит. И хотя они умерли почти сразу после того, как завершили хронику, в которой описали это великое и страшное путешествие, вскоре Канопус действительно сдержал свое обещание, и на Роанду прилетел Клорати.

Сначала он прибыл ненадолго и обследовал континент. Затем Клорати услышал про карликов на других континентах, поскольку эмиссары расы «малышей» то и дело предпринимали смелые вылазки в те места, откуда, как они считали, Канопус может услышать их призывы о помощи.

Клорати проанализировал собранную информацию и пришел к выводу, что здесь присутствует еще один фактор: противоестественная жесто-

кость. К происходящему явно приложили руку шамматяне; хотя они, как полагал Канопус, должны были находиться на другом полушарии, их влияние ощущалось на каждом шагу… Но когда речь заходила об этом «влиянии», Клорати не мог или не хотел развивать данную тему.

— Клорати, что ты имеешь в виду, когда говоришь о «природе Шаммат»? — Задавая этот вопрос, я вспоминала алчные лица и поблескивающие похотью глаза.

— Дикари есть дикари. Цивилизованная раса ведет себя иначе. — Он произнес эти слова с грустной улыбкой, и выражение его лица было таким, что мне расхотелось продолжать расспросы.

Клорати надеялся, что нынешняя экспедиция позволит ободрить «малышей», которые совсем пали духом. Он сказал им, что Канопус делает все, что в его силах. Кроме того, он пообещал встретиться с народами хоппе и навахи и объяснить им, что грабить искусных мастеров, живущих в горах, недальновидно, — лучше поддерживать с ними добрососедские отношения, торговать и вместе противостоять общему врагу — жестоким шамматянам. Клорати попросил карликов собраться в большой пещере на теплом белом песке, который они наносили с берегов наземных

рек, чтобы сделать полы в пещерах чистыми и красивыми. Там он призвал их к терпению. Когда вожди племен предложат «малышам» заключить договор или заняться торговлей, им нужно будет найти способ принять это предложение таким образом, чтобы не подвергать себя опасности и не допустить предательства. Со своей стороны Клорати обещал сделать все, что в его силах. После этого мы покинули подземное царство искусных мастеров. Нас проводили наверх, где мы вновь увидели голубое небо. Глаза карликов были полны глубокой печали. Проводив нас, они вновь спустились под землю.

Теперь нам предстояло наладить контакт с местными племенами.

Мы шагали по каменистому плоскогорью, рассчитывая, что, заметив незнакомцев, аборигены возьмут нас в плен. Именно так и случилось. Дозорные заметили нас издали, и вскоре нас схватили и отвели в стойбище. Жилища и поведение аборигенов были типичными для разновидности 2. Они были менее развиты, чем карлики, и, похоже, постепенно утрачивали свои навыки. Аборигены охотились, питаясь мясом, и жили в гармонии с природой. Именно она, как утверждала их религия, была источником жизненной

силы.

Аборигены не причинили нам вреда, поскольку приняли нас за героев своих легенд — все они рассказывали о Канопусе. Только об этой империи, и никогда — о Сирианской. Вернувшись домой, я обратила внимание своих коллег из Колониальной Службы на тот факт, что даже на землях Роанды, примыкающих к нашим территориям, где вполне резонно ожидать лояльного отношения к Сириусу, все симпатии отданы Канопусу. Чем это объяснить? В чем наша ошибка?

Хоппе вели себя так, словно узнали нас — всех троих. Про нас говорили: «Они оттуда». При этом аборигены явно имели в виду Канопус. Приняв нас за канопианцев, они оказывали нам почет и уважение и пригласили принять участие в празднестве, которое продолжалось тридцать Р-дней и ночей. Это мероприятие, судя по всему, доставило огромное удовольствие Клорати. Сама я не могла отдаться происходящему с таким же упоением, как он. Но даже тогда я сознавала, что способность веселиться вместе с созданиями, которые ниже тебя по уровню, стать своим в незнакомой обстановке заслуживает восхищения и достойна подражания. Я пыталась брать пример с Клорати, и Амбиен Первый тоже старался подражать ему

изо всех сил. Клорати пировал и даже танцевал с дикарями, рассказывал истории на их языке и при этом оставался истинным канопианцем.

Я думала, что, когда пиршество закончится, Клорати скажет: «У меня есть для вас кое-какие новости, несколько предложений, настало время поговорить серьезно и подробно. Прошу вас создать условия для такой беседы».

Но ничего подобного не произошло. Клорати оставался в своем шатре, мы в своих, и наша жизнь продолжала идти своим чередом.

Теперь пришла пора написать о том, что вызывает у меня горькие сожаления. Я расскажу о том, как надолго — на века, а то и на тысячелетия — упустила свой шанс понять происходящее.

Я была деятельной и нетерпеливой. Дикари из племени хоппе были довольно любопытным народом, и я готова была выдержать все — невозможность уединиться, мясную пищу, нечистоплотность, мириады религиозных табу и запретов, — если бы знала, когда закончатся эти испытания. Амбиен советовал мне не торопиться. Я не послушалась его, пошла к Клорати и стала допытываться, сколько времени он намерен «потратить на этих животных». Он ответил:

— Столько, сколько потребуется.

Я посоветовалась с Амбиеном Первым. Он сказал, что останется с Клорати, если тот «не будет возражать». Такое самоуничижение неприятно поразило меня. Я взяла наш разведывательный корабль и, оставив своего друга на попечение Клорати, полетела на север.

Впервые Сириус *открыто* появился на территориях Канопуса. Клорати не пытался остановить или отговорить меня. И все же перед самым моим отлетом он тихо сказал:

— Будь осторожна, сирианка.

— Осторожна? Но чего мне бояться, Клорати?

— Могу сказать одно — наши приборы показывают магнитную бурю, и, на мой взгляд, лучше держаться подальше от морского побережья.

Я поблагодарила его за предупреждение.

Адаланталэнд

Прошли тысячелетия с тех пор, как мы летели этим же путем с Амбиеном Первым. С высоты было видно, что ландшафт почти не изменился, но встречались и зоны, где каменистая почва вздыбилась, виднелись следы горных обвалов, а покалеченные деревья успели засохнуть. Я знала, что города на побережье Срединного моря, над которым я пролетала с Амбиеном, превратились в руины. Мне было интересно, стало ли причиной их гибели землетрясение или что-то иное. Пролетая над прибрежной зоной огромного пустынного океана, который отделял Северный Изолированный Континент от Основного Материка, я заметила несколько новых островов, выглядевших так, словно они только что поднялись со дна океана. Остров с прекрасным городом и великолепными кораблями в гаванях успел опуститься под воду и подняться вновь. Теперь на нем было несколько убогих селений. Мне захотелось еще раз осмотреть великие Внутренние моря, и я сделала несколько кругов над ними. Повсюду вдоль каменистого, залитого солнцем побережья виднелись руины зданий. Часть из них оказалась

под водой. Но это были богатые и плодородные земли, и скоро здесь появятся новые города, как уже бывало не раз. И все же было грустно видеть, как мимолетно все происходящее на этой планете, и я пришла в несвойственное мне состояние духа. На меня навалилась глубокая печаль, которую сириане называли «экзистенциалистской меланхолией», — потому что мои чувства были отзвуком самого насущного для Сирианской империи вопроса: каковы цели планирования нашей деятельности, обретения власти над природой? Я висела над землей в крохотном пузырьке космического корабля, захваченная открывшимся зрелищем. Картина внизу была полна волшебного очарования — синие моря, сверкающие, словно огромные драгоценные камни, были окружены теплыми красноватыми землями. Казалось, в этой крохотной планете как в капле воды отражается целая Галактика, которая всегда — несмотря на иллюзию бесконечности времени: рядом с ней любые перемены ничтожны, — постоянно менялась, и эта мимолетность делала каждое мгновение бесценным… Я парила над этой прекрасной пустынной землей, пока не налюбовалась ею досыта, а затем вновь направилась на север, к Адаланталэнду.

Я хотела посмотреть, во что превратилось это безмятежное государство в период всеобщего упадка. В наших библиотеках можно найти массу материалов по истории Адаланталэнда, поэтому я ограничусь сведениями, которые имеют прямое отношение к моим нынешним целям.

Адаланталэнд (канопианцы называли его Адалантером) располагался на большом острове, который был частью крупного архипелага у побережья Основного Материка. Хотя в экваториальных зонах Роанды в то время было слишком жарко, климат в северной и южной части был теплым, без резких перепадов температуры, а почвы — плодородными. Адаланталэнд представлял собой миролюбивую, достаточно демократичную культуру, отчасти склонную к праздности и гедонизму. Женская династия, управлявшая страной, властвовала «милостью Канопуса» — повсюду были установлены камни с высеченными на них правилами, которые строго соблюдались. Основных заповедей было три. Первая гласила, что Канопус, незримый, но могущественный законодатель Роанды, покарает любого, кто нарушит его Закон. Вторая утверждала, что никто не вправе считать себя лучше прочих, и запрещала порабощать или эксплуатировать

ближнего, унижая его достоинство. Третья запрещала гражданам Адаланталэнда брать из общих запасов пищи и предметов потребления больше, чем требовалось для удовлетворения их личных потребностей. Каждое правило содержало множество уточняющих пунктов и подпунктов. Свободно перемещаясь по этой безмятежной стране, я обнаружила, что люди хорошо знают и по большей части соблюдают эти законы, хотя третий трактуется очень по-разному. Мне сказали, что Матери, которые правят страной, подчиняются другим, тайным законам. Они дарованы им «теми, кто спустился со звезд». Меня явно не причисляли к этой категории. Внешне я напоминала жителей Адаланталэнда — они были светловолосыми, белокожими, голубоглазыми, но в отличие от меня — крупными и полнотелыми. Поскольку я была худой и высокой, все то и дело выражали озабоченность состоянием моего здоровья. Я познакомилась с королевой, или, как ее здесь называли, «Великой Матерью», которая жила не лучше, чем ее подданные, и никоим образом не демонстрировала свое превосходство. Предметом моего особого любопытства был вопрос, который я не могла обсуждать ни с кем. Я хотела выяснить, как этому государству удается

поддерживать порядок и избегать преступности и гражданского неповиновения. В эпоху всеобщей деградации на Роанде такое положение дел было достаточно необычным. Великодушная и доброжелательная королева явно не понимала, что этот рай на земле — ибо она и ее подданные считали свою страну таковым и знали, что им завидуют менее развитые племена, — был не кульминацией длительного развития культуры, а всего лишь тенью былого величия, что предшествовало Катастрофе и провалу Смычки. В древних легендах содержались намеки на страшное несчастье, во многих упоминались некие «Боги», которые наблюдают за народом и должны «вернуться». Впервые «Боги» явились на Роанду во времена прапрапрапрабабушки нынешней королевы. По описанию я узнала Клорати. Он даровал жителям Адаланталэнда новые законы — по большей части то была новая трактовка уже действующих норм. Он упрекал людей в недостойных поступках и укреплял в них стремление беречь свою прекрасную, благодатную страну.

Я спросила королеву про тайные законы, и она, не смущаясь, ответила на мой вопрос. Она сказала, что единственная причина, по которой их держат втайне и не высекают на камнях,

состоит в том, что, будучи весьма замысловатыми, законы сии требуют осмотрительности и педантизма, — и здесь я вновь узнала почерк Канопуса! — и могут стать тяжким бременем для простых людей, поглощенных повседневными заботами.

Оказалось, что речь идет о тех же правилах, которые Канопус установил для нас, сириан. Мы так привыкли соблюдать их, что давно считали их собственным изобретением, позабыв о том, что законы введены Канопусом. Я помню, что, когда королева стала излагать мне указания, исходящие, по ее мнению, от Канопуса, я почувствовала обиду и раздражение. Впрочем, я тут же упрекнула себя за эти нелепые чувства.

Королева не пожалела времени и сил, чтобы подробно растолковать мне эти правила. Они определяли, какое имущество следует защищать и охранять, как и в какое время его использовать, как правильно распоряжаться теми или иными артефактами, каких мест следует избегать и в какие стремиться… и так далее. Нет смысла перечислять все пункты подробно, поскольку в них постоянно вносились поправки, и нам объясняли, как нужно корректировать эти законы с учетом космических и локальных факторов.

Однако в том, что говорила мне королева, я заметила некоторые неточности. Незначительные отклонения от знакомых мне предписаний. Слушая эту мудрую и приветливую женщину, которая объясняла мне, как должны вести себя ее подданные, чтобы сохранить физическое и душевное здоровье и здравый смысл, я испытывала непривычные ощущения. Я привыкла соблюдать те же самые законы, но в несколько иной трактовке и считала, что мой подход ближе к истине, — ведь еще недавно я тесно общалась с Клорати, который контролировал мое поведение. Впрочем, еще тогда он сказал мне, чтобы я не пыталась изменить обычаи, которых придерживалась королева. Поэтому я держала язык за зубами.

Королева хотела знать, из какой части Роанды я прибыла, и я рассказала ей о Южных Континентах, о которых она уже слышала. Мореплавателям Адаланталэнда приходилось бывать на побережье обоих континентов, и у них имелась возможность обследовать их, — что показалось мне весьма интересным. Но незадолго до моего визита королева запретила дальние путешествия — за границей слишком опасно, и наверняка я тоже заметила это. Рассказывали ли мне жи-

тели Адаланталэнда о своих страхах и дурных предчувствиях? Если нет, это из-за того, что я иностранка, и было бы дурным тоном докучать постороннему человеку своими заботами. Однако сама королева и другие Матери, правящие страной, убеждены, что у них есть все основания бояться. Приходилось ли мне слышать о разрушительных землетрясениях на Юге, которые стирали с лица земли целые города? О штормах и бурях там, где раньше всегда стояла прекрасная погода? Она говорила об этом, и ее огромные глаза — синие, как моря, над которыми я летела всего несколько дней назад, — были полны тревоги. Я невольно сравнивала наши чувства — правительница Адаланталэнда переживала за *свою* культуру и *свою* страну, а я, размышляя об исчезновении планет, городов, цивилизаций или даже видя опустошение, которое оставило после себя землетрясение, испытывала примерно то же, что ощущает человек, увидевший разоренный термитник или узнавший об исчезновении отдельного вида животных.

Мне не хотелось покидать Адаланталэнд. Я медленно двигалась к побережью океана, где оставила свой корабль. Мне было жаль уезжать из этой страны с плодородными почвами, травя-

нистыми лугами, фруктовыми садами, чистыми, ухоженными городами и не хотелось расставаться с ее приветливыми жителями. По пути я продолжала размышлять о третьей заповеди, которая запрещала брать для себя больше, чем можешь употребить. А ведь сириане столкнулись с похожей проблемой… Кто вправе пользоваться плодами общего труда, на что он может претендовать и с какой целью? Главное — с какой целью!

«События»

Я отлично помню картину, которую увидела в тот день, глядя на Роанду из космического корабля, и свои мысли в тот момент. Это объясняется очень просто. Когда после так называемых «Событий» я обнаружила, что повсюду царят хаос и разорение, я постаралась вспомнить то, что видела там же совсем недавно, чтобы не дать этому зрелищу стереться из моей памяти.

Обзор был отличным: прямо подо мной лежали острова этих благословенных широт. С одной стороны до самого Северного Изолированного Континента простирался великий океан. Здесь находился архипелаг, который в разные периоды то поднимался, то погружался под воду. На севере можно было различить льды и снега — это говорило о том, как тесно связана Роанда со своим солнцем. Побережье Основного Материка тянулось к югу: поначалу благоуханное и восхитительное, а затем все более сухое и каменистое, оно переходило в выжженные пустыни средних широт. Далее шли просторы Основного Материка, где никогда не бывала я, но успел побывать Амбиен Первый. Как я мечтала своими глазами

увидеть леса и джунгли, о которых он мне рассказывал! На космическом корабле Амбиен Первый облетел материк вдоль и поперек, но понял лишь одно — эти леса необозримы. А животные! Местная фауна отличалась невероятным богатством и разнообразием. За лесами под голубым прозрачным небом на огромном плоскогорье располагались города, о которых мы говорили с Амбиеном Первым. Хотя это были не Математические города Великого Времени, каждый из них был интересен по-своему — власть в одних была разумной и гуманной, другими правили тираны и деспоты. Я летела над ними целый день. Канопус, похоже, не возражал против моих путешествий по его землям, и я отправилась бы туда немедленно, если бы со мной не начало твориться нечто странное…

Я ощущала невыносимую тяжесть на душе, и с каждой минутой мне делалось все хуже. Всем нам знакома тень, которую порой отбрасывает на нашу жизнь будущее, — мы называем ее «предчувствием». Я не была исключением. Казалось, меня заперли в тесной темной комнате, невидимой тюрьме, где трудно вдохнуть полной грудью и откуда я разглядываю сияющее море и прекрасную землю, которые словно отталкивали

мой взгляд. У меня не выходило из головы предостережение Клорати… его слова оставили у меня неприятный осадок, и я только теперь поняла, что это был страх… и именно в этот миг…

Что же произошло?

Историки, радуясь возможности поговорить с очевидцем, часто расспрашивают меня о случившемся. И когда я оглядываюсь назад, эта минута всегда кажется мне самой тягостной.

Наступила абсолютная тишина. Казалось, что жизнь внизу замерла. Воздух внезапно стал прохладным. Я машинально обвела глазами небо — вокруг была обычная бездонная голубизна с характерными для Роанды облаками — и ничего не увидела. И все же я замерла и сжалась всем своим существом.

Внезапно — хотя это слово не способно передать, как стремительно разворачивались события, — я оказалась в полной темноте. Остался лишь свет звезд. Тишина сменилась шипением и грохотом. Я посмотрела вниз и обнаружила, что пейзаж внизу исчез, а мой корабль вращается. В глазах у меня замелькало. И все же я могла различить побережье Основного Материка и острова, одним из которых был Адаланталэнд. Временами мой разум прояснялся — точно ландшафт во вре-

мя вспышки света, — а затем вновь погружался во тьму. Я была в полной растерянности. В минуты просветления я начинала догадываться, что Роанда перевернулась вверх тормашками, — как шар, который при снижении скорости вращения теряет устойчивость. Я понимала, что ее обитатели знают об этих пертурбациях не больше, чем микробы на детском мячике, который то перелетает из рук в руки, то ударяется о землю. Я думала о том, к чему приведут изменения в перемещении планеты… все это проносилось у меня в голове в те мгновения, когда мой разум прояснялся и работал так четко и эффективно, как никогда прежде… Но потом я снова проваливалась в черноту…

Тогда я не знала, как долго это продолжалось, теперь же могу сказать, что по подсчетам наших астрономов все произошло за несколько часов. Внезапно — и вновь я хочу подчеркнуть, что это слово не может передать быстроты, с которой развертывались события, — я снова увидела солнечный свет. Некоторое время картина внизу оставалась прежней. И вдруг, точно по команде, Адаланталэнд исчез под водой, а на его месте образовался водоворот. Я не могла оторвать от него глаз. Мне было безумно жаль этих людей…

Боковым зрением я видела, как в водяных воронках исчезают другие острова и как вздымается морское дно, поднимаясь над водой. Некоторые острова, погрузившись под воду, тотчас появлялись вновь, продолжая казаться надежной и непоколебимой земной твердью, а затем опять исчезали. Стряхнув с себя оцепенение, которое вызвало у меня гибель Адаланталэнда, я оглядела и увидела, что острова, рассыпанные в океане, исчезли и больше не появлялись… именно тогда Северный Изолированный Континент оказался изолированным навсегда. Хотя и это слово требует оговорки: довольно часто, пролетая над этим огромным водным пространством с редкими архипелагами, я вспоминаю былые времена и думаю, что прежние острова могут в любой момент появиться вновь, голые, источенные водой, чтобы медленно начать покрываться почвой и превратиться в плодородные и изобильные. Бурлил не только океан. Земная кора Основного Материка вздымалась и изгибалась, впадины немедленно заполнялись водой, которая устремлялась туда с оглушительным плеском, словно какой-то исполин с размаху прыгал в громадный водоем. Воздух был насыщен тяжелым запахом минералов. Зрелище

внизу становилось все более устрашающим. Я не могла наблюдать за происходящим неотрывно, поскольку вращалась вместе с кораблем. Потоки воды вздымались в воздух и с грохотом падали вниз, земля колыхалась словно вода, в небе с головокружительной скоростью собирались тучи и обрушивали вниз потоки дождя. Внезапно все внизу побелело: дождь превратился в снег, и мой корабль оказался в центре снежной бури, продолжая вращаться в воздушном потоке. Потом так же внезапно потоки теплого дождя смыли снег с вздымающейся и бурлящей поверхности земли, и я заметила, что льды на полюсе растаяли и на их месте появился вращающийся водоворот, — затем вращение воды стало медленнее, а потом прекратилось совсем; вода покрылась коркой, и лед снова засиял ослепительной белизной, стремительно сковывая водное пространство вокруг. И вновь я оказалась в непроглядной снежной буре, которая, казалось, вот-вот обрушит мой корабль вниз.

Однако все так же молниеносно порыв ветра подхватил меня и увлек вверх. Разумеется, приборы не работали — они отказали сразу, как только Роанда резко изменила траекторию движения. Я не знала, куда меня тащит, но чувствовала, что я

уже не вращаюсь в вихре, а двигаюсь по прямой. Я все время находилась в плотном снежном водовороте, какого мне не доводилось видеть ни на одной планете. Я почувствовала, что меня прижимает вниз, и приготовилась к крушению. Но буря уверенно влекла меня вперед, и я немного успокоилась. Ко мне вернулась способность слышать. За страшной тишиной снегопада и завыванием ветра, тащившего меня за собой, слышались звуки, которые издавала земля, — стоны и крики, скрежет и вздохи… Время от времени наступали моменты, когда картина вокруг резко менялась. Внезапно я обнаружила, что все вокруг залито солнцем, повсюду поднимаются облака пара, а от снега не осталось и следа. Крутом была вода, ее фонтаны вздымались почти до моего корабля, который теперь был гораздо ближе к земле, и на протяжении этого отрезка времени, продолжавшегося — сколько? несколько минут? секунд? — я сумела выправить курс корабля и увела его подальше от бурлящей грязью и паром земли. Затем снова пошел снег, и резко похолодало. Полагаю, я потеряла сознание, а возможно, из-за перенапряжения происходящее просто выпало у меня из памяти. Когда я очнулась, мне стало спокойнее. Маленькая прозрачная скорлупка моего корабля

стала горячей и блестящей от солнца. Утратив способность здраво рассуждать и принимать решения, я открыла двери корабля и вышла наружу, рискуя погибнуть от изменения атмосферы, — мне и в голову не пришло, что делать это опасно. Первое, что меня поразило, было солнце. Оно стало другим. Меньше и холоднее… но разве это возможно? Я подумала, что, должно быть, меня унесло с Роанды и я попала на другую планету. Мне пришло в голову, что природный катаклизм каким-то образом повлиял на мои чувства… мою способность здраво судить о происходящем… мой интеллект. И все же мне не давало покоя первое впечатление — людям свойственно упрямо зацикливаться на какой-то идее, зачастую первой попавшейся… Меня не оставляла мысль о том, что солнце Роанды изменилось… и стало меньше. Я догадывалась, что космические силы отдалили планету от солнца, и какая-то часть моего разума просчитывала последствия этого обстоятельства. Между тем я стояла рядом с моим прозрачным пузырьком на высокой горе, которая сохранила более или менее нормальный вид и была по-прежнему покрыта деревьями и растительностью, хотя все деревья были сломаны, а трава полегла. Я не представляла, где нахожусь. Я

окинула взглядом равнину, где земля еще недавно содрогалась в конвульсиях, — вся она была иссечена вдоль и поперек длинными глубокими трещинами, причем длина некоторых достигала нескольких миль. Вулканы залили ее реками горячей лавы, а во впадинах образовались новые водоемы. Я задыхалась от запаха серы. Внезапно мне показалось, что я вижу сон. Он продолжался всего несколько минут, мимо меня мчались стада животных, многих из них я никогда не видела прежде… Зрелище было столь необычным, что я не поверила своим глазам… Эти странные создания с громкими, пронзительными криками пронеслись через равнину, огибая трещины, гейзеры и вулканы, обогнули подножие горы, на которой я стояла, и исчезли, оставив меня в полной растерянности… Ошеломленная, я не могла понять, видела ли я их воочию или они просто пригрезились мне… Теперь я была не уверена даже в том, что совсем недавно видела землю, покрытую снегом… И как только я подумала про снег, он начал падать вновь — все вокруг, насколько хватало глаз, мгновенно покрылось глыбами голубого, зеленого и желтого льда… Они окружили подножие горы, где я стояла, и, наползая друг на друга, полезли вверх по ее укло-

нам с гулом и скрежетом, которые напоминали крики несчастных животных, промчавшихся мимо несколько минут назад. Мой корабль снова занесло снегом. Это произошло так быстро, что я едва успела забраться внутрь и закрыть дверь. Я сидела не в темноте, поскольку освещение работало, но снаружи было темно и тихо — там бушевала вьюга. Теперь, в тишине, я поняла, чего натерпелись мои уши. И я снова — что? Заснула? Отключилась? Впала в беспамятство? И опять я не могу сказать, как долго это продолжалось. Я не ощущала страха — он отступил перед грандиозностью происходящего, — но моя обычная способность здраво оценивать обстановку временно оставила меня.

Когда я пришла в себя и решила, что снегопад перестал, я открыла дверь, вырыла нору и выбралась наружу, стараясь держаться поближе к кораблю. Так человек, оказавшийся в воде, старается нащупать под ногами твердое дно. Я словно плыла в рыхлом, насыщенном воздухом снегу. Я выглянула наружу и обвела взглядом сугробы под бледно-голубым ясным небом, которое было освещено новым, более далеким и желтым солнцем. Мне показалось, что ко мне вернулась способность мыслить последовательно и четко…

Я очистила корабль от снега, проверила приборы и, увидев, что все в порядке, поднялась в воздух — он вновь стал прозрачным и ясным, но явственно отдавал металлическим привкусом — и полетела над бесконечной, ослепительной и однообразной белизной, которая сгладила все низины и впадины, оставив на виду лишь вершины голых скал. Одна из таких скал была покрыта бесформенными комьями, точно ее облепили гигантские насекомые. Приглядевшись, я увидела огромное скопление животных, больших и маленьких. Все они погибли. Холод сковал их члены, когда они искали убежище, спасаясь от потопа, вздымающихся глыб льда и огромных сугробов. На вершинах других скал, над которыми я пролетала, ветви уцелевших деревьев сгибались под тяжестью замерзших птиц. В одном месте я увидела на поверхности земли нечто напоминающее сверкающий султан из перьев. Приблизившись, я обнаружила, что это гейзер, который замерз так быстро, что вода превратилась в лед вместе с рыбами и морскими животными. Издав скрипящий звук, этот диковинный ледяной цветок накренился и упал в сугроб, превратившись в груду осколков.

Огромный океан, где раньше были острова, не

замерз. Я увидела его таким, каким он остается до сих пор. Я летела через северную его часть, где раньше был Адаланталэнд, который исчез без следа. Нельзя сказать, что в Срединном море совсем не осталось островов, однако теперь они располагались группами вдоль побережья Северного Изолированного Континента с одной стороны и вдоль северо-западного побережья Основного Материка с другой. Последняя группа островов позднее сыграла свою роль в истории Роанды.

Я удивилась, что океан не замерз. Приближаясь к суше, я увидела внизу тающие снега — кое-где они уже превратились в озера жидкой грязи. Когда я достигла Основного Материка, весь снег уже стал водой. Внизу образовались новые топи и реки. Я не могла найти место, чтобы приземлиться, и летела все вперед и вперед, глядя на землю, которая пропиталась водой как губка. Я не могла оценить, насколько изменилась эта территория, поскольку мне не приходилось бывать здесь раньше. Когда я пересекла материк и достигла побережья, за которым открывался другой океан, я увидела, что давление огромной силы сделало выше горные цепи, тянущиеся с севера на юг по всей территории двух материков. Представьте

себе миниатюрную пластичную модель этих континентов, которая может уместиться на столе школьного учителя. Если сдавить ее вдоль побережий, земная кора выгнется, образовав высокие хребты и длинные горные цепи, разделенные узкими ущельями и высокими плато. Именно это произошло с двумя великими континентами, а значит, у меня были основания предполагать, что в недрах Роанды, под дном океана, действуют разнонаправленные силы. Об их существовании свидетельствовали разливы воды, смешанной с грязью и водорослями, нагромождения айсбергов и запах металла и серы. Я летела на юг вдоль истерзанных гор, а внизу на моих глазах вздымались и опадали леса, скалы и реки. Добравшись до самой южной точки Северного Континента, я круто изменила курс и двинулась в глубь материка, чтобы разыскать Клорати и Амбиена Первого. Повторяю, я не знала эту местность, но видела, что она превратилась в настоящее болото. Вода в озерах и растекающихся во все стороны реках стала коричневой от грязи. Вокруг была сплошная слякоть, земля, смешанная с водой, лишь кое-где сохранились клочки леса: там деревья не были вырваны с корнем, а горы казались нетронутыми. Оказалось, что южные континенты, которые

местами замерзли, местами пропитались водой, местами пострадали от землетрясений, по сравнению с северными территориями отделались довольно легко, поскольку не были опустошены подчистую. Я летела в облаках пара. Воздушные потоки создавали зоны турбулентности, корабль крутило и потряхивало, и мне было так же дурно, как и во время недавнего разгула стихий. Голубое небо Роанды затянули облака. Раньше эта местность была высокой, сухой, с прозрачным воздухом, и вскоре она, несомненно, станет такою вновь; погружаясь в клубы теплого пара, я пошла на снижение в том месте, где оставила Клорати и Амбиена Первого. Они все еще были там. На сырой грязной равнине, окруженной горами, где жили карлики, по-прежнему стояли шатры и дикари танцевали на мелководье, поднимая фонтаны брызг. Они старались умилостивить свое божество, землю, которую они считали своей матерью и защитницей, землю, которая до сих пор кормила и поила их, но неожиданно пришла в ярость и дала выход своему гневу. «Малыши» танцевали без передышки, день и ночь. Я нашла Клорати там, где и рассталась с ним. Он сидел перед входом в шатер, похоже ничем не занятый, и наблюдал за танцами своих подопечных. Амбиен

Первый стоял рядом с ним.

Мы обменялись последними новостями. Мои приключения оказались куда более впечатляющими, чем то, что пережили они. Здесь произошло несколько непродолжительных снежных бурь, которые сменялись ливнями, земля сотрясалась и рокотала. Некоторые склоны гор обрушились, и на месте обвалов образовались новые русла рек, по которым вода хлынула с плоскогорий в океаны.

Сопоставив известные нам факты, мы решили, что последовательность событий была следующей. Роанда изменила траекторию движения, что вызвало разгул стихий, который продолжался несколько часов. Затем планета вновь вернулась на свою орбиту, но не в прежнее положение: приборы Клорати, более чувствительные, чем наши, показали, что теперь ось вращения Роанды была наклонена под углом, а это означало, что при вращении вокруг солнца распределение теплых и холодных зон станет иным. На планете появятся времена года, сезоны, о которых раньше мы рассуждали лишь теоретически. Кроме того, планета немного отдалилась от солнца, поэтому год удлинится, хотя и незначительно. Многие виды животных погибли. Уровень океанов сни-

зился, поскольку количество льда на полюсах резко возросло. Города, которые скрылись под водой в эпоху предшествующих катаклизмов, показались вновь… Острова, опустившиеся на дно, виднелись сквозь толщу вод в мелководных морях… И возможно, злополучный Адаланталэнд, жители которого погибли счастливыми, погрузился совсем неглубоко, и мореплаватели в тихие ночи будут слышать звон его колоколов. Так мы рассуждали, сидя в шатре среди болот и топей в облаках испарений, и катастрофа уже отступала в прошлое, превращаясь в рядовое изменение условий на Роанде. Но когда я употребила слово «катастрофа» применительно к случившемуся — едва ли эти события можно было считать пустяком, — Клорати поправил меня, заметив, что Катастрофа, а точнее Бедствие, означает неблагоприятное расположение звезд, когда те выстраиваются в одну линию. Эти слова уместны, только когда речь идет о подлинном несчастье, эволюционном регрессе, то есть провале Смычки. Как я уже говорила, педантизм Клорати нередко вызывал у меня раздражение, с которым я была не в силах справиться.

Я помню, как осторожно спросила — я очень боялась показаться дерзкой, — почему недавние

события нельзя назвать катастрофой, ведь для некоторых они закончились очень печально. Клорати улыбнулся и твердо сказал:

— Если не научиться подбирать точные и правильные слова, мышление тоже станет неряшливым и спутанным. Недавние события… — при слове «события» я не удержалась от язвительной улыбки, — не привели к радикальному изменению условий на Роанде, тогда как провал Смычки и преступления Шаммат имеют куда более серьезные последствия для этой планеты, которые скажутся в дальнейшем. Это подлинная катастрофа, настоящее бедствие. — Он не сводил с меня своих темно-янтарных глаз, и этот взгляд заставил меня согласиться с его словами.

Я покорилась. Но внутри у меня все кипело. Я решила, что Клорати холодный и бесчувственный. Я подумала, что тот, кто может так отстраненно и холодно наблюдать, как погибает целая планета, едва ли способен поддерживать теплые и тесные личные взаимоотношения. Тогда меня не смущало, что мои собственные намерения не вполне чисты, хотя теперь мне стыдно вспоминать об этом. Я уже говорила, что вспоминать прошлое — не самое приятное занятие. Упоминание о Шаммат задело меня. Во

мне заговорило чувство вины. Но хотя я хорошо понимала, что сблизиться с Клорати мне мешают промахи и измышления Сириуса, я не желала признаваться в этом, поэтому Клорати вызывал у меня растущее раздражение и даже неприязнь…

Оставив его, я отправилась в свой шатер, разбитый на высокой скале. Внутри было сыровато, но не мокро. Я уселась, наблюдая, как дикари поют и танцуют, шлепая ногами в грязи. Их силуэты освещала луна, которая то проглядывала среди облаков, то вновь исчезала. Амбиен Первый пришел поговорить со мной. Он говорил мягким, примирительным тоном, чувствуя, что я злюсь и страдаю.

До начала «Событий», которые, по его мнению, не следовало называть Катастрофой, он очень хотел уйти. Он страдал от безделья. Жизнь дикарей шла своим чередом — они охотились, выделывали шкуры, ели жареное и сушеное мясо, шили и украшали одежду. Клорати оставался на своем месте. Он не поучал аборигенов и не читал им нотаций. Как-то вечером глава племени пришел к Клорати, сел рядом и спросил, бывал ли тот в горах у карликов и может ли что-нибудь о них рассказать. Клорати сказал, что он был у «малышей», и изложил свою точку зрения на

происходящее. Вождь ушел, чтобы посовещаться со своими соплеменниками, а через несколько дней вернулся и снова принялся расспрашивать Клорати. Беседа велась по всем правилам этикета: сначала стороны обменялись любезностями, а затем вождь поинтересовался, считает ли Клорати, что карликам можно доверять. Соблюдают ли они свои обещания? В прошлом, заявил он, карлики вели себя подло и вероломно, они толпой выбирались из своих подземелий и уничтожали целые племена, людей и животных… и Клорати продолжал терпеливо отвечать на все вопросы.

Амбиен Первый сказал, что Клорати ни разу не пытался поделиться с аборигенами своими мыслями, пока ему не задавали прямой вопрос или пока кто-то не делал замечание, за которым скрывался вопрос. И тогда Амбиен Первый попросил Клорати объяснить, почему он действует так, а не иначе. Является ли его тактика методом, принятым на Канопусе, и до каких пор он собирается здесь оставаться… Намерен ли он сидеть в шатре и ждать, пока дикари не зададут все нужные вопросы… А если да, почему он надеется, что дикари сумеют спросить все, что требуется…

Клорати ответил, что, когда придет время, они непременно зададут все необходимые вопросы.

— Но почему?

— Потому что я здесь, — ответил Клорати, и этот ответ вывел Амбиена Первого из себя. Я могла это понять. Слушая его рассказ, я тоже пришла в ярость.

Амбиену Первому хотелось оставить Клорати, но он не мог этого сделать, потому что я забрала сирианский корабль. Он еще раз самостоятельно навестил карликов — на сей раз он отправился в другую колонию. Надо сказать, что это был безрассудный поступок, ибо эта вылазка едва не стоила ему жизни. Его спасло только вмешательство Клорати, который в этой связи заметил лишь одно: «Сирианам все еще не хватает чувства меры».

Затем начались «События», которые не следовало называть другими словами.

И наконец вернулась я. Амбиен Первый был вне себя от счастья, когда увидел в сером тумане маленький сверкающий шарик. Он думал, что я погибла. И то, что мне удалось выжить, было «чудом» — так говорили в древности.

В тот вечер наше ощущение эмоциональной и интеллектуальной близости было таким острым, что ночь мы решили провести вместе. Нам не хотелось расставаться после того, как мы едва не

расстались навсегда.

Мы решили оставить Клорати.

Поразмыслив над тем, что Амбиен Первый рассказывал о правильных вопросах, я отправилась к Клорати и без обиняков спросила, почему Сириус не может заполучить гигантов.

Клорати сидел у входа в шатер. Я опустилась на груду влажных шкур рядом с ним. Облака пара стали менее густыми, земля подсыхала, раскаты грома и дожди прекратились, потоки воды стали менее бурными. Хотелось надеяться, что вскоре здесь снова станет сухо и спокойно.

— Я уже говорил тебе, — сказал Клорати, — что выходцы из Колонии десять не годятся для вас. Ты понимаешь, о чем я? Они не подходят для сириан, учитывая ситуацию в Сирианской империи.

— Но почему?

Он помолчал, точно раздумывая о чем-то. Потом Клорати зашел в шатер и вышел, держа в руках несколько предметов, — это были вещи, которыми мы с Амбиеном Первым пользовались для защиты на этой непростой планете.

Сначала я подумала, что из-за недавних «Событий» необходимо внести изменения в наши практики, и приготовилась выслушать инструкции — я знала, что все предписания на Роанде

нужно соблюдать скрупулезно, не упуская из виду ни одной мелочи. (В свое время я уже рассказывала Клорати про Адаланталэнд, жители которого не уделяли должного внимания соблюдению правил, и в ответ услышала огорченный, но терпеливый вздох.)

Я наблюдала за тем, что он делает. Клорати взял несколько камней разного цвета и формы и принялся раскладывать их в определенном порядке. Я очень внимательно следила за его действиями и видела, что он не внес изменений в ритуал, который соблюдала я.

— Так, значит, все остается как было? — спросила я, чувствуя, что мой тон враждебен и груб. — Неужели недавние *события,* отдаление Роанды от солнца и все остальные перемены не требуют изменить ритуал?

— Нет, — сказал он. — Пока нет. Может быть, позднее, когда мы более точно определим характер изменений. В частности, изменений климата. И, разумеется, силы магнитных полей…

— Ах вот как, — насмешливо протянула я.

Клорати продолжал бережно и осторожно перекладывать предметы, приводя их в порядок. Я смотрела на его красиво вылепленное, бронзовое лицо. Он же не отрывал глаз от собственных рук.

Я сидела рядом с натянутой улыбкой, обхватив руками колени, а он продолжал молча перекладывать камни.

Я не понимала Клорати. Мне казалось, что он хочет отделаться от меня, давая понять, что не собирается отвечать на мои вопросы.

Когда эта мысль пришла мне в голову, он сказал:

— Нет, это не так. Если ты хочешь понять, о чем я, побудь здесь еще некоторое время.

— Как долго? — И сама ответила: — Полагаю, столько, сколько необходимо!

— Да, именно так.

— И чего тебе удалось добиться? Теперь аборигены и «малыши» стали друзьями? И готовы вместе противостоять Шаммат?

— Раса «малышей», по-видимому, погибла в своих подземельях во время обвалов, и мы их больше не увидим.

Тон, которым Клорати это сказал, поднял у меня в душе целую бурю. Значит, с потомками ломби и специалистов из Колонии 22 покончено.

Он продолжил:

— Нам придется смириться с этим.

— Тогда почему ты торчишь тут? Причин больше нет — их устранили «*События*».

— Аборигены по-прежнему живут здесь!

— Но ты же не собираешься сидеть здесь только из-за того, что когда-то они враждовали с карликами?

— Мне часто приходится жить среди самых разных людей… рас… видов… на определенных этапах их развития.

Я поняла, что Клорати заговорил о самом главном, и если я буду понастойчивее, то узнаю нечто новое.

— Ты хочешь, чтобы я осталась? — спросила я с вызовом. Мой голос был злым и обиженным.

— Да, полагаю, тебе следует остаться.

Он не сказал: «Да, я хочу, чтобы ты осталась».

Я встала и пошла к себе. Я заявила Амбиену Первому, что хочу немедленно улететь. Утром, попрощавшись с Клорати, мы забрались в свой серебристый пузырек и поднялись в воздух. Бегло осмотрев разрушения на южных континентах, мы полетели домой, на родной Сириус.

Ломби. Третья встреча с Клорати

Некоторое время я почти не занималась Роандой. Наши эксперты решили, что пока находиться там слишком рискованно, и мне поручили работу в другом месте. Для Сириуса это было время тяжелейшего кризиса; происходящее подорвало нашу веру в свои силы, и поэтому наши исследования в тот период — социологические и биологические — имели весьма ограниченные масштабы.

Численность населения в колониях поддерживалась на минимально допустимом уровне.

Что до меня, я много думала о былых успехах Канопуса в ускорении эволюции, и, слыша, как сотрудники Колониальной Службы и представители правящих слоев публично вопрошают: «Ради чего?» — я размышляла, как бы они, интересно, отреагировали, если бы увидели то, что видела я, — как существа, по уровню развития близкие к обезьянам, стремительно превращались в цивилизованных и ответственных граждан. Мы с Амбиеном Первым снова работали вместе, и я поделилась с ним своими мыслями. Впрочем, в то время наша империя была куда менее толерантна, чем сейчас, и мой оптимизм

воспринимался в определенных кругах как «безответственность» и «социологический эгоизм». Надо сказать, что я давно усвоила: если кто-то вынашивает непопулярные идеи, ему лучше держать язык за зубами, дожидаясь, пока невидимые колеса повернутся и эти идеи станут последним словом передовой мысли.

Между тем я продолжала заниматься своей работой. Случилось так, что я оказалась неподалеку от Колонии 25, куда переселили ломби. До сих пор я не вспоминала о них, но сейчас решила заглянуть к ним из любопытства. Теперь было понятно, что эксперимент с ломби потерпел неудачу. За исключением редких визитов персонала Колонии 22 им не позволяли контактировать с другими, более развитыми видами, чтобы проверить, можно ли притормозить социальное развитие и сохранить первобытную наивность племени, которую так удобно использовать при «открытии» новых планет. Но с недавних пор мы прекратили заниматься тотальной — или, позволю себе сказать, неуемной — колонизацией новых планет. Мы расширяли свои владения только после длительной и всесторонней оценки. Мы не вполне утратили интерес к ломби и хотели понаблюдать за тем, как у них начнет

проявляться потребность в «высших ценностях». С космического корабля я связалась с Сириусом и попросила разрешения провести небольшой эксперимент — надо сказать, что мне вряд ли дали бы такое разрешение, если бы ломби не списали со счетов, как бесполезный материал.

Мы не посылали сюда своих специалистов более тысячи Р-лет. Продолжительность жизни ломби по-прежнему составляла примерно двести Р-лет. Это означало, что тех, кто помнил о визитах «пришельцев с небес», уже не было в живых.

Я хотела осмотреть Планету 25 с обеих сторон (с той, что освещалась солнцем, и с той, где царила ночь), облетев ее на максимальной скорости, чтобы нас не заметили ее обитатели. Мы летели так быстро, что в ночном небе нас можно было принять за метеорит. С солнечной стороны мы были невидимы вовсе. Затем, выбрав густонаселенную зону, мы парили на виду у всех в течение нескольких часов, пока внизу не собралась толпа.

Как и было задумано, я постаралась обставить свой выход из корабля как можно торжественнее. К сожалению, у меня не было с собой нарядной одежды, поскольку поездка носила рабочий характер, но я смастерила себе длинный плащ из белого изоляционного материала и взъерошила

свои светлые волосы. Хотя у меня не слишком густые волосы, не могу сказать, что я завидую обладателям более пышной шевелюры. К тому же светлые волосы встречаются значительно реже темных, и поэтому блондины нередко вызывают благоговейный трепет. Я величественно спустилась на землю и увидела, что бедные твари упали передо мной ниц. Должна признаться, это тронуло меня до глубины души, хотя я привыкла к тому, что вызываю у дикарей подобную реакцию.

Я подготовила невразумительные ответы на возможные вопросы, но мне было достаточно сказать, что я «спустилась с небес» и что я их друг, — благоговейный трепет мешает задавать умные вопросы.

Они помнили — или знали из легенд и песен — про «сияющих» и про страх, который им пришлось испытать на других планетах. Я торжественно поклялась, что не собираюсь забирать их с собой.

Но почему они так боялись, что я увезу их в другое место? Ответ на этот вопрос был смешным… и в то же время грустным… Он объяснял больше, чем история ломби… За время долгой работы в Колониальной Службе я неоднократно

сталкивалась с подобными ситуациями…

Но сначала несколько общих замечаний об их привычках и нравах.

Нельзя сказать, что ломби сильно продвинулись в развитии и обогнали своих предков на Планете 24.

Запреты прикрывать свое тело и есть приготовленную на огне пищу не исчезли, но претерпели изменения. Теперь во время церемоний им предписывалось быть обнаженными и есть сырое мясо, коренья и плоды. Как и прежде, ломби жили в простых хижинах или пещерах. Они охотились, носили шкуры и использовали огонь. Основной ячейкой общества была семья, а не племя, и это сдерживало их развитие. Путешествуя по этой планете, где растений и животных было достаточно, хотя и меньше, чем на Роанде, я сравнивала ломби с дикарями, которых обучал Клорати, и их различия были столь разительными, что я задумалась — не вызвано ли превосходство аборигенов Роанды какими-то внутренними достоинствами, которые сириане не умели использовать? Может быть, обнаружить такие достоинства было под силу лишь людям уровня Клорати? Судя по всему, ломби попросту не обладали потенциалом для развития или нам

казалось, что такого потенциала нет.

Я внимательно наблюдала за этими невысокими, коренастыми созданиями с чрезвычайно мощными руками и плечами. Они жили небольшими группами — от трех до восьми особей в каждой, но не более. Каждая группа ревностно охраняла клочок земли, на котором она охотилась, собирала плоды диких фруктовых деревьев, овощи и коренья. Отдельные группы общались между собой только во время церемоний, когда все ломби собирались вместе. Где обычаи, что сплачивают сотни индивидов и превращают их в единую общность, которая позволяет оказывать взаимную поддержку и способствует развитию культуры? Где замысловатые ритуальные танцы и тонко выделанная одежда с бахромой и узорами, убранная украшениями и перьями? Где ожерелья из резной кости и камней? Где назидательные легенды и обучение молодого поколения ремеслам? Где специализация индивидов в соответствии с врожденными способностями, где сказители, ремесленники, охотники, певцы? В среде ломби и в помине не было того, что было обычным делом в племенах навахи и хоппе.

Теперь я расскажу о том, что неприятно поразило меня на Планете 25. Как часто, путешествуя

по нашим колониям, я невольно вспоминала Роанду с ее сияющей луной и мерцающими в ночи созвездиями.

На Планете 25 всегда было темно и мрачно. Здесь не было луны. В генетической памяти ломби должны были сохраниться воспоминания о бесконечном разнообразии ночного освещения, о том, как луна постоянно меняет свои размеры, превращаясь из полного яркого диска в тонкий, еле заметный желтый ломтик… На Роанде ломби знали, что, когда солнце исчезает, нырнув во тьму, на небе вспыхивают мириады звезд, которые освещают все вокруг, даже если нет луны.

На Планете 25 не было луны, а ночное небо было пустым и черным. Кое-где виднелись слабые проблески света, больше похожие на легкие сумерки, — это были звезды далеко за пределами нашей Галактики. Солнце было далеким и маленьким и не шло ни в какое сравнение с горячим солнцем Роанды, от которого по-прежнему приходится прятаться, несмотря на то что оно отдалилось.

Образ «сияющих», про которых говорили ломби, теперь был связан в их сознании с этими слабыми, почти невидимыми звездами. Празднества, которые раньше устраивались при

полной луне, теперь происходили раз в год, когда ломби, преодолевая огромные расстояния, собирались на необъятной, продуваемой ветрами равнине, — здесь они стояли семьями, подняв плоские печальные лица к черному небу, и пели про «сияющих».

Их солнце тоже относилось к «сияющим», но культ солнца носил неоднозначный характер. Ломби считали его обманщиком, который требовал больше, чем заслужил.

Когда наш корабль — прозрачный сверкающий шар — совершил посадку, это всколыхнуло в их памяти отзвуки воспоминаний о далеком прошлом, для них словно забрезжил древний свет. О, эта черная, душная ночь на Планете 25… бесконечная ночь, которая приходит с закатом солнца и давит тяжким грузом. Беспросветная, вязкая чернота всей тяжестью наваливалась на огонь, разожженный у входа в пещеру или в шалаш из листьев. Я никогда не встречала ничего подобного ночам на Планете 25 и никогда не была на планете, где после заката солнца было нечем заняться. Днем ломби были заняты поисками пропитания, а с первыми признаками приближения ночи собирались группами и жались к своим маленьким кострам, ожидая того момента,

когда забрезжит серый рассвет и очертания скал и деревьев, проступающие из темноты, скажут им, что они пережили еще одну ночь.

Я постаралась уехать оттуда как можно быстрее, однако позаботилась о том, чтобы наше расставание было ярким и драматичным. Ломби благодарили меня за то, что я посетила их планету и была великодушна и милосердна. Но я ничего не обещала, ничего не говорила, ничего не давала — как легко принадлежать к «сияющим»! — и с облегчением поспешила прочь из этого мрачного места. Я вспоминала обезьян на Роанде, которых опекал Канопус, и ко мне вернулась моя прежняя мечта, или, если угодно, честолюбивый замысел. Я подумала, что, может быть, теперь мне все-таки удастся убедить Канопус одолжить нам гигантов, — как-никак прошло уже достаточно времени.

Какой смысл продолжать возиться с ломби, если они остановились в своем развитии?

По возвращении домой я послала начальству отчет, напомнив об удивительной физической силе ломби. Примерно этого от меня и ожидали. Между тем у меня возникла еще одна смелая идея; впрочем, даже теперь я не вижу в ней ничего противозаконного: речь шла всего лишь

о более вольном истолковании долгосрочных задач, которые мне поручили.

Поскольку мы решили приостановить работы по развитию колоний, наши отношения с Канопусом на некоторое время стали более сдержанными.

Я созвала своих коллег, членов Большой Пятерки, и напомнила им, что мы всегда старались поддерживать тесную связь с Канопусом. Я попросила позволить мне вновь встретиться с Клорати и получила такое разрешение. Мне давно хотелось возобновить наши отношения с Клорати, но сделать так, чтобы инициатива этой встречи исходила не от меня. Хотя в прошлом наше общение ни к чему не привело, это еще не означало, что оно не имеет перспектив. Я чувствовала, что члены Большой Пятерки поддержали меня без особого энтузиазма, но я не смутилась, мне было не привыкать чувствовать себя среди них белой вороной. Коллеги не осуждали меня за это — такова была моя роль. Более того, они не отговаривали меня, заметив лишь, что, поскольку Канопус не в состоянии решить собственные проблемы, вряд ли он поможет решению наших. Хотя планеты Канопуса процветали и вели оживленную торговлю, его предприятия работали

бесперебойно, а граждане отличались усердием и трудолюбием, на Сириусе привыкли считать, что «поверхностным канопианцам недостает практических знаний и целеустремленности». Я цитирую научный журнал того времени.

Клорати прислал мне приглашение, предлагая встретиться на Планете 11. Сначала я обрадовалась, потому что мне давно хотелось увидеть эту планету, которая, как мы слышали, была «важна» для Канопуса и не похожа на другие. Но моя радость вскоре сменилась подозрением: почему Планета 11, а не Планета 10? Видимо, Клорати считает, что я до сих пор имею виды на гигантов!

Планеты 10 и 11 были расположены по соседству и принадлежали к одной солнечной системе. Поначалу я подумывала о том, не совершить ли мне по дороге посадку на Планете 10, сославшись на неполадки с управлением, но потом решила не делать этого. Первое, что я увидела на Планете 11, была группа гигантов, которые шагали от терминала к летающему автомобилю. В душе у меня вновь шевельнулось подозрение — не входило ли в планы Клорати сразу показать мне гигантов за работой, чтобы я была готова к очередному отказу. В эту минуту за мной тоже приехал ав-

томобиль.

Из окон автомобиля виднелась унылая плоская равнина под сероватым небом. Солнце было большим и бледным. Прямо на моих глазах оно исчезло из виду, и тотчас с противоположной стороны горизонта показался красноватый диск. Минуту спустя в небе появился еще один диск, на этот раз желтоватый, и пара светил начала двигаться по бледному небу так быстро, что у меня закружилась голова. Посмотрев вниз, я почувствовала подступающую тошноту и, чтобы избавиться от нее, принялась читать информационную табличку на стене.

Там было написано, что данная планета относится к хорошо освещенным: здесь две луны, а ночью видно много звезд. Здесь нет времен года, но есть разные климатические зоны. По большей части территории отличаются теплым, мягким климатом. Холодно бывает только на полюсах, и поэтому полярные зоны не заселены. Гости планеты должны быть готовы к тому, что ее обитатели почти не носят одежды. Вновь прибывшие нередко ощущают сонливость, такова обычная реакция на частую смену дня и ночи. Кроме того, акклиматизация может привести к временной потере аппетита. Адаптация занимает довольно

много времени, но когда вы познакомитесь с этой планетой поближе…

Как путешественник со стажем, я знала, что стоит за сведениями такого рода. Меня не ожидало ничего хорошего. Я заснула, а когда проснулась, опять наступил день, но мы продолжали скользить над серовато-зеленой землей под серым небом. Я поискала глазами что-нибудь похожее на Математические города старой Роанды — для меня они стали своего рода навязчивой идеей. Мне казалось, что в Канопианской Империи непременно должны быть планеты, где можно увидеть эти легендарные, удивительные города. Я знала, что непосредственно на самом Канопусе их нет… Но почему? Однажды вечером, когда мы были среди шатров дикарей, я просила Клорати, где можно увидеть эти города, и он ответил: «Сейчас нигде». Пейзаж внизу был унылым и однообразным. Среди равнин изредка мелькали группы убогих строений, похожих на сараи, которые я сначала приняла за склады. Я заметила, что рядом с ними мелькали гиганты и еще какие-то существа, которые поначалу не привлекли моего внимания.

Когда я поняла, что на этой планете нет ничего, кроме этих убогих хижин, и что здесь я не

увижу никаких городов, летающий автомобиль остановился рядом с одним из строений, и мне навстречу вышел Клорати. Это было одноэтажное здание с плоской крышей. Территория вокруг поросла низкорослой жесткой сероватой травой, которая была широко распространена на этой планете. Когда я вошла в дом, снаружи опять воцарилась тьма.

Мы с Клорати оказались в прямоугольной комнате. Ее стены и потолок были выкрашены в белый цвет, который ласкал глаз после тусклых красок суровой природы. Комната была освещена рядами настенных светильников, которые автоматически включались и выключались при смене дня и ночи.

Поскольку мы были одни, я подумала, что могу рассчитывать на откровенный обмен мнениями, — ведь друзья ведут себя именно так, — но мои надежды не оправдались. Впрочем, в этом была и моя вина — я сразу заняла оборонительную позицию и была не расположена к беседе, поскольку чувствовала тошноту и легкое головокружение.

В комнате стояли несколько низких стульев и стол. Оконные и дверные проемы были снабжены чем-то вроде рулонных штор, которые были

подняты. Клорати сразу сказал:

— Не опускай их, так ты быстрее привыкнешь.

Я подчинилась. На столе была еда — стандартный галактический набор. Клорати сказал, что, если я поем, мне станет лучше, но я не могла проглотить ни кусочка. Он принялся за еду, а я наблюдала за ним.

Мы сидели друг напротив друга за низким столом. Клорати был весел и раскован, я же держалась официально, стараясь сохранить лицо.

Я подумала, что специалистам по контрастам — а наша империя никогда не могла пожаловаться на недостаток последних — было бы любопытно увидеть меня и Клорати вместе. Клорати, сильный, мускулистый, с бронзовой кожей, и я — «хрупкое создание» со светлыми локонами и «прозрачной» или «болезненно-бледной» кожей. Такими эпитетами меня награждали как друзья, так и враги. Подобные контрасты издавна были лейтмотивом многих произведений сирианского искусства и служили неиссякаемым источником эстетического наслаждения, особенно в сочетании с сексуальными сценами или непристойностями. Должна признаться, что даже я находила в этих произведениях нечто забавное. Но в ту минуту мне хотелось одного — лечь и

уснуть. Внезапно я действительно заснула, а когда проснулась, за окном наступил день, и я увидела куда более любопытное зрелище, чем представляли собой мы с Клорати. Неподалеку виднелась другая хижина, а рядом с ней — два гиганта вдвое крупнее Клорати и втрое крупнее меня. Один из них был абсолютно черным, другой — шоколадно-коричневым. Оба были абсолютно голыми. Я привыкла видеть гигантов в одежде, поскольку встречала их преимущественно на конференциях, где участникам полагалось одеваться по всей форме независимо от местного климата, чтобы не оскорбить своим видом других. Гиганты выглядели впечатляюще — я никогда не встречала таких богатырей. Вокруг суетились какие-то странные создания, которые едва доставали им до пояса и напоминали хилых, прозрачных насекомых.

Когда я выглянула в окно, все вокруг поглотила тьма, и почти сразу в небе появились две луны, большая и маленькая, озаряя все вокруг ярко-желтым светом. Мне показалось, что, когда я увидела их из окна автомобиля, они были другого цвета. Почувствовав смертельную усталость, я снова заснула, а когда проснулась, снаружи было светло. Во дворе Клорати беседовал с группой

«насекомых». Впрочем, для нашей галактики подобные существа не были чем-то из ряда вон выходящим.

На самом деле они были довольно крупными — ростом выше меня, — но казались невысокими и прозрачными из-за хрупкого сложения и серебристо-серой окраски. Их вытянутые куполообразные головы были безволосыми. В первую очередь в глаза бросались их руки. На каждой было по десять очень длинных пальцев, которые непрерывно двигались, напоминая пучки щупалец. У каждого из них было по три круглых ярко-зеленых глаза с вертикальными черными зрачками и подобие ноздрей — несколько отверстий в центре плоского лица, три-четыре или даже больше. Нос как таковой отсутствовал. Рот тоже.

К счастью, рядом не было Клорати, и я могла разглядывать «насекомых», не опасаясь, что кто-то видит мою реакцию. Я никогда не могла преодолеть инстинктивное отвращение к созданиям, не похожим на представителей нашего вида. Это очень мешало моей работе в Колониальной Службе. Попытки преодолеть эту слабость давались мне куда труднее, чем изучение языков и диалектов или необходимость приспосабли-

ваться к непривычным условиям вроде резкой смены дня и ночи на Планете 11.

Из окна я видела, что Клорати оживленно рассуждает о чем-то, но не могла понять, как его собеседники разговаривают без помощи рта. Спустя некоторое время к группе присоединились два гиганта, которых я уже видела раньше, а Клорати вошел ко мне.

На его лице не было и тени враждебности.

Не говоря ни слова, он подвинул низкие стулья к окну, и мы сели рядом и стали наблюдать за гигантами и «насекомыми».

Разглядывая их щупальца, которые словно струились в воздухе, я мысленно произнесла это нелестное прозвище. Клорати сказал:

— Ты не права. Это одни из самых высокоразвитых существ на наших территориях.

— Более развитые, чем гиганты? — В моем голосе невольно прозвучала насмешка: слишком уж разителен был контраст между благородными и красивыми исполинами и серыми насекомыми.

— Они дополняют друг друга, — последовал ответ.

Чуть подавшись вперед, Клорати внимательно посмотрел на меня своими янтарными глазами, зная, какой силой обладает его взгляд.

Я не удержалась от вздоха — усталость и раздражение делали свое дело. Я чувствовала себя не в своей тарелке, и причиной этого был не химический состав атмосферы, хотя в ней присутствовало меньшее количество кислорода, чем то, к которому я привыкла, а внезапная смена дня и ночи. Стоило солнцу сесть, в небе появлялась багрово-оранжевая луна, а следом тут же всходила ее зеленоватая товарка. Зрелище, которое все время было у меня перед глазами, тоже не радовало. Щетка сероватой травы, два черных гиганта и группа блеклых, нелепых созданий. В жутковатом свете багровой луны кожа гигантов приобретала кровавый оттенок, а фигуры «насекомых» делались едва различимыми, заметными оставались лишь пучки непрерывно движущихся щупалец. Я встала и отвернулась от окна.

— Похоже, Колония Одиннадцать не для меня. — Я попыталась сказать это шутливым тоном.

Он промолчал, и я спросила:

— А что думаешь ты?

— Я провел здесь уже много времени.

— Зачем?

— В настоящее время эта планета важна для наших текущих потребностей.

Я поняла, что за этими словами скрывается информация, за которой я охотилась. Но я чувствовала себя усталой и разбитой. В голове у меня была лишь одна мысль — если за целую жизнь я не смогла преодолеть естественного отвращения к существам, которые не похожи на меня, пришло время бросить все и уволиться!

— Физические различия не так уж велики, — заметил Клорати.

— Они общаются с помощью щупалец?

— Нет. Щупальца — это своего рода чувствительные элементы. С их помощью они определяют изменение окружающих условий.

— Значит, они используют телепатию?

В Сирианской империи не было видов, которые общались с помощью телепатии, но мы слышали, что такие встречаются, и думали, что они наверняка есть на планетах Канопуса. Я высказала свое предположение, намереваясь съязвить, но Клорати кивнул:

— Да. Они используют телепатию. Гиганты разговаривают так же, как и мы, а этот вид общается иначе. При этом они отлично ладят между собой.

— Но у них нет рта. — Я невольно передернулась.

— Ты не заметила, что у этой планеты есть одна

удивительная особенность?

— Нет. Я заметила лишь одно: здесь меня постоянно тошнит, и поэтому я хочу уехать как можно скорее.

Я снова выглянула в окно. В небе появились обе луны, но солнце осталось. Отражая солнечный свет, две луны, окруженные ореолом светящихся газов, слабо сияли зеленым и желтым светом.

— Подожди чуть-чуть.

— Здесь нет городов. Даже поселков нет.

— И здесь не выращивают зерно. Ты заметила?

— Гиганты решили объявить голодовку?

— Нет, мы ввозим сюда достаточно продовольствия. Но местные жители его не едят.

— Они питаются воздухом, — усмехнулась я.

— Именно так. Их щупальца определяют составляющие атмосферы, и они вдыхают те вещества, которые доступны в тот или иной момент.

Я приняла это к сведению. Мне стало не по себе. Нельзя сказать, чтобы я жила для того, чтобы есть, но мне было трудно представить жизнь без еды.

— А гиганты обучают их, как обучали обезьян на Роанде?

— Нет. Я же говорил тебе, — мягко сказал Клорати. — Это своеобразный симбиоз. Они представляют собой единое целое.

— В каком смысле?

Когда я произнесла эти слова, то поняла, что Клорати ждал этого вопроса. Он немедленно ответил:

— Речь идет о *необходимости.*

Я не сумела сдержать разочарования:

— Необходимость, необходимость, необходимость. Ты все время твердишь о необходимости. Но в чем именно она заключается?

Клорати не ответил. Мучительно пытаясь сформулировать правильный вопрос, я снова уснула, а когда проснулась, обе луны исчезли. Небо было усыпано яркими звездами. Я встала и выглянула во тьму. Мне стало хорошо и спокойно, но ненадолго, поскольку вскоре в небе снова появилась большая луна и освещение приобрело неприятный зеленовато-металлический оттенок. В эту минуту я поняла, что хочу уехать. Я не могла видеть Клорати.

На столе я обнаружила большую белую табличку — записку от Клорати.

Через двадцать канопианских дней на этой планете произойдут важные изменения, вызванные Необходимостью. Если у тебя есть возможность дождаться

этого момента, думаю, тебе следует это сделать. Если нет, ты сможешь увидеть меня на Шикасте (Роанде, если угодно) в городе Коши на востоке Основного Материка. Я заказал летающий автомобиль, чтобы он отвез тебя в космический порт, если ты захочешь улететь.

Летающий автомобиль ждал меня. Я забралась внутрь и закрыла глаза, чтобы больше не видеть эту тошнотворную планету. Я покинула ее, не дожидаясь очередного наступления зловещей ночи, которая каждый раз была непохожа на предыдущие.

Двадцать канопианских дней равны одному сирианскому году. Выполнив еще несколько заданий, я отправилась на Роанду.

Коши

Инструкции с Канопуса — «мы позволим себе предложить следующее» — поступили задолго до моего отъезда, и в них было много такого, что заставило меня призадуматься. Во-первых, были внесены изменения в методы защиты и ритуалы. Эти изменения оказались достаточно радикальными и куда более заметными, чем раньше. Я успела привыкнуть к обычаям, которые долгое время были неизменными и, казалось, останутся такими навсегда, — но теперь все стало иным. Впрочем, впоследствии этим практикам предстояло меняться вновь и вновь. Канопус обращал наше внимание на то, что точное и неукоснительное соблюдение данных обычаев жизненно необходимо и не следует поддаваться соблазну и вносить в них поправки ни по собственной инициативе, ни по приказу третьих лиц, независимо от их полномочий. Я выделила то, что было подчеркнуто в тексте. Для применения этих методов меня снабдили определенным набором предметов. Во-вторых, мне напоминали, что в настоящее время планета фактически находится под властью Шаммат и я должна быть бдительной. Это

в первую очередь касалось городов в восточной части Основного Материка, в том числе Коши. В-третьих, мне следовало помнить, что, поскольку ось планеты наклонилась, на Роанде происходят сезонные изменения климата и это делает условия, которые значительно ухудшились после Катастрофы — провала Смычки, — еще более неблагоприятными. Впрочем, отмечалось в документе, в Сирианской империи тоже существуют планеты с сезонными изменениями климата. В-четвертых, теперь самым распространенным и многочисленным видом были метисы гигантов и аборигенов с примесью некоторых других генов (уж не намек ли это на мои промахи? — подумала я), и психика этой гибридной расы, хотя и сильной физически, травмирована из-за резкого сокращения продолжительности жизни — она стала намного короче, чем в недавнем прошлом. В-пятых, я должна помнить, что деградация населения планеты привела к тому, что женщин лишили равноправия и чувства собственного достоинства и, хотя я смогу въехать в Коши, не привлекая лишнего внимания, там мне придется быть очень осмотрительной… В инструкции было еще много всего.

Я сделала небольшой крюк, чтобы побывать на

сирианской Планете 13, где тоже наблюдались сезонные климатические изменения. Откуда Канопус мог знать про нас так много? И вновь я подумала про хорошо отлаженную систему шпионажа, оснащенную таким совершенным оборудованием, какое нам и не снилось. Ситуация на Планете 13 была последствием опрометчивых и, как я считаю, безответственных действий в период становления Сирианской империи. Сторонники более взвешенного подхода в Колониальной Службе, среди которых была и я, не смогли помешать решению изменить орбиту одной из планет и сделать ее спутником Планеты 13, богатой и плодородной. Предполагалось, что это позволит более интенсивно использовать природные ресурсы последней. Важно сказать, что планета-спутник была богата различными ценными минералами. Разумеется, нам хотелось заполучить эти природные богатства, но слишком большое расстояние до Планеты 14 делало их добычу крайне рискованным предприятием. Я до сих пор считаю, что наши оппоненты были неправы… Изменение орбиты Планеты 14 прошло успешно. Теперь она вращалась вокруг Планеты 13, став ее спутником, но это привело к катаклизмам на Планете 13 и нарушило ее

экологический баланс. В результате ось Планеты 13 наклонилась, природные условия резко изменились и многие виды животных — впрочем, не слишком привлекательные — погибли. Я всегда была сторонницей подхода, который предполагает, что ущерб, наносимый флоре и фауне, следует свести к минимуму. Преобразования на Планете 13 уничтожили миллионы особей и полностью изменили характер распределения плодородных почв — наверное, сейчас я похожа на Клорати, который назвал катастрофу на Роанде «Событиями». Печальные последствия на Планете 13 убедительно доказали, что мы были правы, а количество минералов, добытых на Планете 14, оказалось недостаточным, чтобы обеспечить потребности Сирианской империи.

Я сделала остановку на Планете 13 с единственной целью — проверить, как переносятся постоянные, порой резкие изменения погодных условий: от невыносимой жары до предельно низких температур. Мой отчет об этой остановке — а она оказалась куда более драматичной, чем я ожидала, — можно найти среди документов, собранных в рубрике «Под изнуряющей луной».

Здесь достаточно сказать, что я выяснила для себя все, что хотела.

Добравшись до условленного места на Роанде, я посмотрела вниз и поняла, что где-то здесь я попала в бурю во время «Событий» и неподалеку находится гора, на которую я совершила посадку в своем корабле-пузырьке и откуда смотрела на бегущие стада животных, слушая их предсмертные крики. Теперь передо мной на огромной равнине, поросшей сочной травой, на яркой зелени которой выделялись более темные пятна там, где росли леса, было не меньше десятка городов. Однако среди зелени виднелись коричневые и охристые проплешины, и я поняла, что эта местность со временем превратится в пустыню, а города будут погребены под песками. Подобное не раз происходило на наших планетах, пока мы не научились контролировать ситуацию. Я летела на космолете, и мне хотелось без проблем совершить посадку, отдавать приказы, следить за их выполнением — и радоваться тому, что города, которые выглядели такими благополучными сверху, живут и процветают. Но это было невозможно, и мне стало грустно! Я понимала, что здесь мне не помогут ни знания, ни опыт. Тот, кто увлечен своей работой так же сильно, как я, и при этом имеет детей, друзей и богатый профессиональный и жизненный опыт, редко

впадает в отчаяние, обнаружив, что его усилия тщетны. Но хотя куда чаще я чувствовала себя нужной, боль от того, что мои старания обречены на провал, была чрезвычайно острой. Впрочем, на сей раз в этой боли присутствовал отзвук экзистенциалистской меланхолии. Встретить такие чувства во всеоружии невозможно.

Однако я постаралась взять себя в руки и приказала экипажу на высокой скорости пролететь над Коши.

Я всегда любила сначала осмотреть город сверху, чтобы оценить его состояние, а возможно, и перспективы.

Судя по всему, в последнее время Коши начал разрастаться. На запад длинным клином тянулись пригороды — великолепные белые виллы, утопающие в садах. Они занимали гораздо больше места, чем старый город. Сам Коши представлял собой скопление зданий землистого цвета, среди которых выделялись высокие конические башни. Неравенство богатых и бедных, которое, по моему мнению, заслуживает наказания, сразу бросалось в глаза. Было видно, что жители пригородов купаются в роскоши. При этом восточная часть представляла собой настоящие трущобы: здесь теснились бедные

серые домишки, а город постепенно переходил в полупустыню. В самом городе и вокруг него практически не было растительности. Желто-коричневые просторы перемежались редкими пятнами зелени, а над дорогами, которые вели в Коши с разных сторон, висели клубы пыли. Теперь я знала вполне достаточно и приказала высадить меня на обочине одной из дорог с не слишком оживленным движением.

Когда это было сделано и космолет словно мыльный пузырь растворился в небе, я почувствовала привычное воодушевление. Я осталась одна, а значит, могла рассчитывать только на свои силы. Я снова оказалась на Роанде, к которой всегда была привязана. Я сразу заметила приметы сезонной смены «времен года»: с севера, с полюса, покрытого льдами и снегами, мне в спину дул холодный, пронизывающий ветер.

Я знала, что скоро станет еще холоднее, — приближалось время года, когда северное полушарие отдалится от солнца. Я с нетерпением ждала наступления «зимы», которую не видела никогда.

На дороге, где меня высадили, не было ни души. Это была обычная грунтовая дорога, ровная и сухая. Все, что я смогла разглядеть впереди, — это сады, за которыми виднелись роскошные виллы.

Бедная часть города располагалась на возвышенности. Подобной архитектуры я не встречала нигде. Высокие здания конической формы — в общей сложности я насчитала двадцать одну башню — одинакового серо-коричневого цвета напоминали муравьиные кучи, которые я видела на Южном Изолированном Континенте. Башни располагались очень тесно, издали казалось, что их основания касаются друг друга, а между ними я уже могла различить небольшие низкие жилища, которые выглядели так, словно пространство между конусами заполнено трухой разоренной муравьиной кучи. По моим прикидкам, высота конических зданий составляла восемь-десять этажей. Было непонятно, почему они такие высокие, когда вокруг столько места. Впрочем, возможно, властям удобно управлять населением, которое живет в подобных зданиях, а не рассредоточено по большой территории. Я размышляла об этом, шагая по дороге и поглядывая по сторонам. Мне не хотелось, чтобы кто-то из местных жителей застал меня врасплох, поскольку я была в своей обычной одежде, какую носят на Сириусе. Платье, в котором ходили местные женщины, было у меня в руках. Заметив вдали группу людей, я с головы до ног закуталась в черный плащ, оста-

вив открытыми только глаза. Группа состояла исключительно из мужчин. По-видимому, это были торговцы. Судя по их внешности, кровь, которая текла в их жилах, представляла собой весьма причудливую смесь. У них были высокие скулы и широко расставленные глаза, как у гигантов, и крепкое сложение типичных аборигенов. Впрочем, группа, которая состояла примерно из двадцати человек, оказалась весьма пестрой — цвет их кожи и глаз отличался значительным разнообразием. На них были просторные брюки и мешковатые блузы, перехваченные поясами. Я видела вариации на эту тему так часто, что сразу догадалась — эта публика не принадлежит к социальной элите, которая похожа во всей Галактике. Представители аристократии повсеместно носят одежду, которая не пригодна для физического труда и не позволяет свободно двигаться. Но, подумав об этом, я вспомнила канопианцев — их манера одеваться далеко не всегда подчинялась этому правилу.

В этой части города не было садов. По обочинам дороги появились лачуги и сараи, в основном построенные из дерева, и толпы людей. Никто не обращал на меня внимания, не приветствовал и не ожидал приветствий с моей стороны. Однако

я все время чувствовала на себе внимательные, оценивающие взгляды — было видно, что глаз местных жителей наметан и они умеют делать выводы из своих наблюдений. Я сразу поняла, что эти люди привыкли жить в страхе, и вспомнила сирианские колонии, где для контроля местных чиновников приходилось вводить строгие правила.

Повсюду мне попадались невысокие, убогие хижины, толпы бедно одетых людей, дети, которые явно недоедали, и собаки разных пород — мне очень хотелось остановиться и рассмотреть их повнимательнее, поскольку ни на одной из наших планет мы не приручали подобные виды. Внезапно картина резко переменилась, и я оказалась у подножия одного из конических зданий, вершина которого уходила в голубое небо с белыми облаками. Я всегда скучала по этому небу, но теперь все казалось мне чужим и незнакомым. Это причиняло мне боль, вызывая чувства, вполне закономерные в подобной ситуации, — Клорати предупреждал меня, что смена *времен года* порождает перепады настроения. Глядя на солнце, клонившееся к закату, я физически ощущала, как к городу подкрадываются холодные ветра, и это вызывало у меня глубокую

печаль, которая мне совсем не нравилась. Стряхнув ее, я нырнула в толпу. Вокруг были почти одни мужчины. Лишь изредка в толпе мелькали фигуры женщин.

Даже юные девушки были с головы до ног закутаны в безобразные черные одеяния. Я сознавала, что это вызывает у меня *негодование* — явный признак внутренней дисгармонии.

Кривые узкие улочки были полны народа. Повсюду виднелись магазины, киоски и закусочные. Стоял такой шум, что у меня закружилась голова. Я привыкла к тишине и была не готова к крикам и ругани толпы. Здесь я увидела женщин, которые не были закутаны с головы до ног. Почти обнаженные, обвешанные украшениями, они стояли на улице с ярко раскрашенными лицами и свободно предлагали себя. Я не ожидала, что вырождение могло зайти так далеко… Впрочем, это были закономерные результаты бедности и отсутствия контроля за соблюдением закона… Я пробиралась сквозь толпу, которая увлекала меня за собой, разглядывая город и его обитателей, и останавливалась, когда мне удавалось остановиться. По моему поведению было нетрудно угадать во мне чужестранку. Внезапно дорогу мне преградил какой-то мужчина. Он встал пря-

мо передо мной с явным намерением помешать двигаться дальше и пристально посмотрел мне в глаза. Это был весьма неприятный тип. Что-то подсказывало мне, что это не просто незнакомец. Он был среднего по меркам Роанды роста, на пару пядей выше меня, и при этом плотный и широкоплечий. Его серо-зеленая кожа напоминала прохладный гладкий камень. У него были темные удлиненные глаза без бровей и длинный безгубый рот почти до самых ушей. Его волосы мешала увидеть надвинутая на лоб шапка из дорогого мягкого материала, украшенная крупными самоцветами. На незнакомце была пышная длинная меховая накидка. Он стоял, подбоченясь, и смотрел на меня в упор, и я почувствовала себя так, словно оказалась за решеткой. Его зеленоватые глаза сверлили меня, не мигая. Я поняла, что этот тип пытается загипнотизировать меня, и была начеку. Я заметила и кое-что еще — у него в ушах болтались тяжелые золотые серьги знакомой мне формы.

Среди артефактов, которые Клорати рекомендовал мне использовать для защиты, были именно такие серьги — их следовало надевать в строго определенное время с соблюдением ряда правил.

Эти серьги наряду с прочими артефактами

использовались для защиты и раньше. Люди нередко украшают свои уши, но я давно пришла к выводу, что этот обычай имеет вполне определенное происхождение, а следовательно, серьги могут быть и источником опасности.

В сумке, спрятанной у меня под одеждой, вместе с другими предметами лежали точно такие же серьги. Я начала волноваться, сумею ли я спрятать их, если этот злодей — а я не сомневалась, что передо мной злодей, — вздумает обыскать меня. Внезапно он сказал: «Отлично! Я тебя запомню!» — повернулся ко мне спиной и исчез в толпе. Он говорил на канопианском языке, а не на сирианском… Здесь было о чем задуматься. Спрятавшись в небольшом закутке между домами, я размышляла, как действовать дальше. Предвкушая борьбу с опасностью, я испытывала веселое возбуждение, но понимала, что первым делом мне нужно найти укрытие. Во время инструктажа мне было дано указание отправиться на «вершину третьего конуса». Конические башни стояли группой. Я не хотела рисковать, изъясняясь на неуклюжем канопианском, и не собиралась говорить по-сириански. Выйдя из закутка, я побрела в сторону башен, продираясь сквозь сильно пахнущую, шумную толпу. Тем

временем солнце село, и на перекрестках и перед закусочными зажглись фонари. С приближением ночи публика на улице стала вести себя более раскованно, я увидела, что эти люди несчастны и заслуживают сострадания. Они напивались, дрались и терпели лишения. Повсюду попадались опустившиеся женщины, которые продавали себя, а найдя клиента, удовлетворяли его прямо у входа в питейное заведение или под столом. Я не видела ничего подобного нигде и никогда. Чтобы понять, где находится третий конус, я попыталась восстановить в памяти тот момент, когда смотрела на город сверху. Тогда я заметила, что в расположении конусов есть определенная закономерность, — в совокупности они образуют две дуги, которые пересекаются между собой. В данный момент я находилась рядом с третьим конусом, если считать от конца одной из этих дуг. Я вошла внутрь и обнаружила, что внутри светло и красиво. Стены были отделаны штукатуркой, напоминающей керамику. Вверх вела крутая винтовая лестница. Я поднималась все выше и выше, время от времени останавливаясь, чтобы выглянуть в крохотное, напоминавшее бойницу окошко и посмотреть на город. Мало-помалу зловонные лачуги нижнего города исчезли из

виду, и мне открылись утопающие в зелени пригороды, где теперь сияли огни. Выше и выше… я подумала, что вряд ли мне захочется залезть сюда еще раз, но, добравшись до самого верха, я обнаружила там вход, зашторенный плотной темно-красной тканью, на которой была прикреплена табличка с надписью на сирианском языке: «Добро пожаловать!»

Я отодвинула штору и оказалась в большой полукруглой комнате: вершина башни была разделена на два помещения стеной, отделанной той же самой красиво поблескивающей штукатуркой. Комната была обставлена довольно элегантно — низкие диваны, столики и груды подушек, но мой взгляд сразу привлекло совсем другое: вполоборота ко мне стоял человек. Сначала мне показалось, что это Клорати, но это оказался не он.

Этот момент навсегда врезался в мою память. Я часто вспоминаю его, потому что получила тогда хороший урок.

Вряд ли нужно повторять, какой острый интерес вызывал у меня Клорати, как жадно я прислушивалась ко всему, что он говорил… Пусть при этом я то взрывалась, то была вынуждена сдерживаться, а временами испытывала разоча-

рование… Я твердо знала: поняв Клорати, я сумею понять Канопус… Все это заставляло меня уделять самое пристальное внимание его личности — как он выглядит, как говорит, как держится. Я неосознанно ассоциировала Клорати с Канопусом и старалась при первой возможности оказаться с ним рядом. Его личность…

Однако передо мной был не Клорати, а человек, похожий на него настолько, что даже его улыбка и приветственный кивок показались мне знакомыми.

— Я Назар, — сказал он. — Клорати сказал мне, что ты придешь сюда, и попросил позаботиться и проследить, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

Я была слегка ошарашена. Надеясь, что он не понимает, почему я растерялась, я поудобнее расположилась среди груды подушек и выпила глоток вина.

Должна признаться, что я не просто пришла в смятение. Я чувствовала, что меня унизили. Это было предупреждение, и весьма серьезное. Дело было не в том, как выглядел Назар и как он себя вел, — канопианец был безупречно учтив. Но меня терзали дурные предчувствия.

А я отбросила их!

Я поступила так потому, что благоговела перед

Канопусом. И перед всем, что было связано с Канопусом.

И все же мой наметанный глаз то и дело замечал всевозможные мелкие неувязки — я видела все, что должна была увидеть, но оставляла это без внимания.

Мысленно возвращаясь к этой сцене, я понимаю, что могла бы уже с первой минуты догадаться, в чем дело.

На лице моего собеседника промелькнула странная улыбка — мимолетная неосторожность… небрежность. Он то и дело посмеивался — часто не к месту, — точно удивлялся сам себе, но все же намеревался выполнить намеченное. Его манера держаться была мне знакома — я сталкивалась с ней достаточно часто, и все же в тот момент я почему-то предпочла не называть вещи своими именами.

Легкомысленно отбросив подозрения, я не прислушалась к своему внутреннему голосу.

Мы пробыли вместе недолго. Назар показал мне магазин этажом ниже, где можно было купить продукты, если мне захочется есть, открыл дверь в соседнюю комнату, которая была как две капли воды похожа на первую, объяснил, что здесь я могу отдохнуть и поспать, — а затем извинился и

собрался уходить.

Несмотря на сильную усталость, я была возбуждена и мне хотелось поговорить или, на худой конец, спуститься вниз и прогуляться по людным улицам. Но Назар сказал, что, прежде чем я выйду на улицу, я должна придумать себе легенду.

— В этом распрекрасном месте, — объяснил он, — женщине уготована одна из трех ролей. Первый вариант — стать шлюхой. Второй — женой высокопоставленного чиновника или торговца. Третий — быть служанкой или работницей. Полагаю, ты вряд ли выберешь первый вариант.

Он произнес эти слова с таким странным смешком, что я не знала, как на это реагировать.

— Воспользоваться второй возможностью тебе не удастся: ты не имеешь ни паспорта, ни вида на жительство и вынуждена скрываться. Я могу предложить тебе лишь одно — выдать себя за мою служанку. Это вполне в духе обычаев и нравов Коши. Дома можешь одеваться как угодно, но если кто-то явится сюда без предупреждения, ты должна закутаться с головы до ног и надеть все, что положено, под верхнее платье, на тот случай, если тебя вздумают обыскать.

С этими словами Назар поклонился и вышел.

В своем жилище я нашла простую синюю юбку, мешковатые голубые шаровары и длинную тунику. После этого я не видела Назара несколько дней.

На что я рассчитывала?

Мне хотелось увидеться с Клорати. Я надеялась, что он будет обучать и наставлять меня, объясняя то, в чем я не смогу разобраться сама, и с его помощью я постоянно буду открывать для себя что-то новое.

Я не выходила на улицу, наблюдая за городом из своей комнаты, откуда открывался отличный обзор, а также из окон на разных этажах здания. Внизу в продуктовом магазине на меня сразу обратили внимание. Там работали женщины, которые носили такую же одежду, как и я, — короткие юбки поверх шаровар и свободные туники. Их волосы были перехвачены полосками ткани. Увидев мои распущенные волосы, они решили, что я приехала с северо-запада и моим родителям удалось уцелеть во время «Событий», которые они называли «Страшной Карой». Некоторым жительницам Адаланталэнда каким-то образом удалось спастись и перебраться на восток. Здесь они участвовали в заселении великих городов далеко на восточных равнинах.

Славившиеся своей красотой и мудростью, они становились жрицами и шаманками; любого белокурого голубоглазого ребенка здесь называли «дитя погибшего острова». Однако для дочери Адаланталэнда я выглядела слишком худой, и к тому же мои волосы оказались недостаточно густыми, а глаза не были синими как море. Впрочем, мое подлинное происхождение выдавали серьги, которые я надевала в определенные часы, и работницы магазина рассказывали всем, что торговец с верхнего этажа взял в услужение рабыню с северо-запада. Я не хотела привлекать внимание и стала повязывать голову так, чтобы мои «волшебные» серьги были не видны. Я старалась покупать как можно больше продуктов, чтобы приходить в магазин пореже, хотя мне очень хотелось поболтать с этими неунывающими рабынями. А они действительно никогда не унывали. Женщины в этой культуре были порабощены в полном смысле слова, но не понимали этого. Они никогда не сомневались в том, что всем должны управлять мужчины, — они устанавливают законы, решают, кто и на ком должен жениться, и распоряжаются будущим своих детей. Женщин так давно лишили права управлять своей судьбой, что они утратили способность

критически оценивать происходящее. От представлений о том, на что способна женщина, у них остались лишь благоговейные воспоминания об Адаланталэнде былых времен. Однако теперь такие способности считались «магией» или «колдовством». Пределом мечтаний этих девушек было выйти замуж за высокопоставленного чиновника или родить сына, который сумеет выбиться в люди. Мне очень хотелось изучить эти отклонения в женской психике глубоко и основательно, чтобы по возвращении домой внести свой вклад в исследования психических патологий. Но пока у меня были более важные дела.

Я старалась поменьше показываться людям на глаза. Я любила лежать у окна и смотреть на север — мне казалось, что там я вижу обледеневшие вершины гор, — или на юг, на Большие горы, тоже покрытые снегом. С каждым днем становилось все холоднее, и я поплотнее закутывалась в свой черный плащ и часами сидела неподвижно, обдумывая вопросы, которые я задам… Клорати? Нет, видимо, Назару.

Меня интересовало несколько конкретных вещей. Мне казалось, что эти вопросы мучают меня давным-давно и я должна получить ответы на них как можно скорее.

Я целыми днями думала, как лучше сформулировать свои вопросы и какие ответы меня ждут. А может быть, я опять не получу прямых ответов — я уже успела привыкнуть к отговоркам и недомолвкам.

Однажды вечером я долго сидела у открытого окна, разглядывая роскошные пригороды и размышляя, что представляют собой те из местных жителей, кто сумел добиться богатства и могущества. Поскольку на улицах города и в магазине я успела познакомиться с их жертвами и подданными, я примерно представляла себе облик власть имущих — и, надо сказать, оказалась недалека от истины. С грустью думая о том, что световой день делается все короче, а ночь — длиннее, я вновь и вновь мысленно задавала свои вопросы, стараясь, чтобы они звучали разумно и доброжелательно…

В этот момент в комнату неожиданно вошел Назар, уселся на низкий стул, открыл пакет с едой, которую купил этажом ниже, и принялся быстро и жадно есть. Я никогда не видела, чтобы Клорати вел себя подобным образом. Назар отломил кусок сладкого пирога и бесцеремонно сунул его мне.

— Угощайся, — сказал он и откинулся на подуш-

ки, сцепив пальцы за головой и глядя в холодное небо через окна в потолке. По небу медленно плыли облака. Я снова растерялась от неожиданности — его сходство с Клорати выбивало меня из колеи.

Я уселась поудобнее и спросила:

— Вы с Клорати родственники?

Назар удивленно уставился на меня. Этот вопрос явно застал его врасплох. Возможно, он решил, что это проверка.

— Видите ли, прекрасная леди, — начал он и сделал паузу. Я помню, как Назар на мгновение прикрыл глаза и вздохнул. Казалось, этот человек спорит с самим собой. Затем он заговорил совсем другим тоном, терпеливым, пожалуй, даже слишком терпеливым, — было видно, что он сдерживается изо всех сил. — Мы с Клорати прибыли с одной планеты. Все ее жители похожи друг на друга. — За этими словами вновь последовал уже знакомый мне смешок, а лицо собеседника исказила еле заметная мучительная гримаса. Он тряхнул головой, словно отгоняя неприятную мысль, и снова посмотрел на меня.

— Я смогу увидеть Клорати в этот раз?

— Все канопианцы похожи друг на друга как две капли воды, — насмешливо сказал он, словно

повторяя заученную цитату.

— Ты не похож на Клорати, — возразила я с нажимом, удивляясь сама себе. И поняла, что это прозвучало не слишком любезно.

Назар поднял брови, потом рассмеялся — клянусь, это был печальный смех — и мягко ответил:

— Ты права. В данный момент у меня нет ничего общего с Клорати.

Я не знала, что сказать.

— Я хотела задать *кому-нибудь* несколько вопросов… — в моем голосе звучало такое отчаяние, что я не узнавала себя: раньше я никогда не позволяла себе разговаривать в таком тоне. Я, Амбиен Вторая, опытный и отнюдь не рядовой сотрудник Колониальной Службы, всегда была решительной и умела добиваться результата. Со мной творилось что-то неродное.

На какой-то момент мне показалось, что мне удалось привести собеседника в чувство… Я все еще не решалась признаться самой себе, что состояние Назара было хорошо узнаваемым и весьма нежелательным. В этот момент в нем промелькнуло что-то от Клорати.

— Спрашивай, прекрасная сирианка. — Я не люблю подобного обращения, но сдержалась,

почувствовав в его тоне сарказм.

— В первый вечер по прибытии я встретила на улице мужчину, который мне очень не понравился… — Я описала его во всех подробностях и замолчала, ожидая ответа.

— На этот вопрос ты можешь ответить сама. Теперь здесь правит Путтиора. Думаю, тебе говорили об этом. Этот тип был один из *них.* Им известно все. Кто приезжает в город и кто его покидает. Но ты выдержала экзамен.

— Какой еще экзамен?

— Он понял, что ты с Канопуса, и не стал домогаться тебя.

— Но я не с Канопуса.

— Они в этом не разбираются.

— Почему вы терпите их власть? — спросила я недоверчиво. — Почему?

— Хороший вопрос, прекрасная сирианка. Почему? Я то и дело задаю его самому себе. Ежедневно и ежечасно. Почему? Почему мы миримся с ужасным, тошнотворным… — С этими словами Назар встал и, кашляя, точно его и вправду тошнило, подошел к окну и выглянул наружу. Издалека доносился вечерний шум, и я живо представила освещенные фонарями улицы, несчастных женщин, которые торгуют собой, ссоры и драки.

Воцарилась долгая пауза. Должно быть, я сказала нечто, чего не позволяла себе до сих пор. Но ведь я имела дело с Канопусом… Когда Назар повернулся ко мне, его лицо было растерянным и измученным. Он вздохнул, засмеялся, потом покачал головой, снова опустился в кресло, но был не в состоянии усидеть на месте даже минуту. Я напомнила себе, что передо мной человек, которого шамматяне считают своим заклятым врагом.

— Канопус думает о далеком будущем, тебе следует усвоить это, — изрек он наконец.

— Сириус тоже думает о далеком будущем, — заявила я достоинством. Уж если я и знала в чем-то толк, так это в том, как следует управлять империей.

Назар посмотрел на меня и расхохотался. Он долго не мог успокоиться и, в конце концов обессилев от смеха, упал на пол и растянулся на спине, глядя в потолок.

Вероятно, у этого человека очень серьезные проблемы, подумала я. Но тут же прогнала эту мысль.

— Отлично, — сказала я. — Принимая во внимание долгосрочные перспективы, вы миритесь с Шаммат, терпите Путтиору и позволяете им

считать, что они контролируют ситуацию. Но в таком случае что здесь делаешь ты?

— Хороший вопрос, прекрасная сирианка.

— Не называй меня так, — возмутилась я. — У меня есть имя. Впрочем, это не важно. Я хочу знать, какова функция Канопуса? Чем вы занимаетесь?

Я наклонилась вперед и стиснула пальцы с такой силой, что у меня затрещали суставы, — у меня были хрупкие, тонкие кости, и я часто ломала их. Я сжала руки так сильно, что дело и впрямь могло закончиться переломом. Я откинулась назад, стараясь успокоиться.

Назар внимательно смотрел на меня. С уважением.

— Ты вправе спросить об этом.

— Но ты не собираешься отвечать?

При этих словах канопианец приподнялся и недоверчиво посмотрел мне в глаза.

— Неужели ты не видишь… — начал он, после чего снова откинулся назад и замолчал.

— Не вижу что? — Но он не ответил. — Почему ты замолчал? Почему вы никогда мне не отвечаете? Почему, как только я подхожу к самому главному, вы не даете ответа?

Назар смотрел на меня, продолжая лежать на

полу. Я могла поклясться, что этот человек с бронзовой кожей и карими глазами, который смотрит сейчас на меня с напряженной улыбкой, — Клорати. И все же он был так не похож на него, что у меня невольно вырвалось:

— Что с тобой?

Назар засмеялся. А ведь если бы я настояла на своем, он бы ответил на мой вопрос.

Он встал, привел себя в порядок и улыбнулся. Его улыбка была совсем не похожа на улыбку Клорати.

— Прежде всего… Я должен сказать тебе… — Он осекся и вздохнул. Я видела, что Назар ничего не скажет. — Мне пора идти.

— Куда? На работу? Говорят, ты торговец.

— Я и есть торговец. На Шаммат веди себя как шамматянин. Я торговец, а ты — моя служанка. — Он подошел вплотную и прикоснулся к моим серьгам. — Береги их, — сказал он и отдернул руку, словно обжегся.

— А где твои серьги? — спросила я.

— Хороший вопрос. Теперь их носит шамматянка. Их украли, понимаешь? А точнее, я напился и сам отдал их ей… М-да, некрасиво получилось. Нехорошо.

Назар улыбнулся пугающей улыбкой и ушел.

Теперь я точно знала, что с этим канопианцем что-то не так. Я стала перебирать в памяти всю нашу встречу, минуту за минутой, и решила, что Назар — чиновник, который не в ладах с властями. Я сталкивалась с подобным сотни раз! Значит, у Канопуса тоже бывают промахи.

Я быстро накинула черное одеяние и бросилась вслед за ним. Я догнала Назара на полпути и заставила остановиться.

— Куда ты идешь?

— К женщине. У меня есть красивая женщина, — сказал он. — Не смотри на меня так! Так смотрят лишь те, кто ничего не понимает… — И он запрыгал вниз по ступенькам.

Я последовала за Назаром. Алебастровые стены лестницы слабо мерцали, и вскоре мы оказались на темной улице, которая была залита зловещим светом и полна потных, кричащих, обезумевших людей. Я схватила спутника за плечо и заставила обернуться.

— Не делай глупостей, — сказал он. — Неужели ты не понимаешь, что за нами следят?

Назар вырвался и зашагал прочь. Я не обратила внимания на его слова и пошла следом. Он снова повернулся и произнес тихо и очень серьезно:

— Я — человек конченый, но неужели ты тоже

хочешь потерять себя? Будь осторожна…

Неожиданно откуда ни возьмись появились два серо-зеленых чиновника с холодными глазами, какие мне уже приходилось видеть. Один из них рывком сдернул с меня головной платок, выставив на всеобщее обозрение мои серьги. Он потянулся было к моим ушам, чтобы сорвать серьги, а другой схватил за руку Назара и рванул к себе, однако в эту секунду тот воскликнул:

— Канопус покарает вас!

Серо-зеленый, который покушался на мои серьги, рухнул на землю, словно куль, а его товарищ бросился наутек, расталкивая толпу. Назар посмотрел на меня, и я увидела, что его янтарные глаза полны боли и тоски.

— Это нам дорого обойдется, сирианка, дороже, чем ты думаешь, — сказал он. — Ступай к себе. Я пропащий человек, но зачем тебе идти по моим стопам?

Я обняла его за плечи.

— Теперь я поняла, что ты сбился с пути и наделал ошибок… Я догадалась об этом не сразу. Но я прошу тебя, Назар, вернись… Умоляю тебя. Ты должен это сделать. Во имя Канопуса.

Вместе со мной он поднялся по лестнице, и когда мы оказались наверху, я увидела, что он слаб

и испуган. Его кураж исчез без следа. Он дрожал, а его бронзовое лицо побледнело.

— Объясни, что случилось, — попросила я.

Я продолжала тормошить и уговаривать Назара, и поздно ночью, когда пошел снег и наши окна замело, он наконец рассказал следующее:

— Только представь, я живу на этой планете двадцать пять тысяч лет. Я поселился здесь задолго до расцвета Адаланталэнда. Именно я обучал жителей этого острова и тех, кто жил рядом. Я был здесь до того, как земная ось изменила свое положение и появились времена года. Я помогал возводить города и создавать культуры, о которых ты даже не слышала. Я все время был *здесь, здесь, здесь.* Клорати, мой брат, приезжает и уезжает… Есть масса тех, кто появляется, устанавливает новые правила, определяет границы, отдает приказы, наводит порядок и уезжает, как только ему напомнят о доме, а я, я работаю здесь бессменно. Но Канопус ошибся во мне. Понимаешь? Я сбился с пути, как сказала ты, Амбиен, — и не важно, какая ты по счету: вторая, третья или девяносто седьмая. Ты ведь тоже из тех, кто приезжает и уезжает, верно? Ты здесь ненадолго, для тебя это что-то вроде отпуска… А я торчу в этой дыре целую вечность — ты понимаешь? — вечность…

Он бормотал, качал головой, морщился, вздыхал, а потом вдруг вскочил и выбежал за дверь так быстро, что я не успела догнать его.

Это был день и час, когда мне нужно было совершить установленный ритуал. Я разложила нужные предметы на ковриках на полу, расположив их в определенном порядке, надела соответствующую одежду и серьги и в строго назначенный час молча стояла на вершине великой башни, окруженная снежно-белой тишиной… Это было очень трудно. По сопротивлению времени и пространства вокруг я чувствовала, что мне противостоит великая сила. После провала Смычки я многократно выполняла эти ритуалы в разных вариациях, но у меня никогда не возникало ощущения, что я преодолеваю физическое сопротивление некоей субстанции, несущей зло. Эта темная сила навалилась на меня тяжелым мертвым грузом. Но я была верна своей цели и думала о Клорати, который просил меня прибыть сюда. Зачем? С какой целью?

Едва я завершила отправление ритуала, кто-то резко отдернул штору, и в дверном проеме показался человек, с которым я столкнулась в свой первый вечер в Коши.

— Канопус, — сказал он. — Мы терпим тебя из

милости, но это не значит, что тебе позволено убивать наших чиновников.

К моему удивлению, в этот момент у меня возникло то же самое чувство, которое я испытывала рядом с Назаром. Я не могла перепутать эти флюиды ни с чем. Сказав, что Назар сбился с пути, я не сделала окончательного вывода, — судя по всему, он попал в плен к Шаммат и стал частью этой злобной планеты.

Я молча стояла перед непрошеным гостем — в своем легком белом одеянии и сияющих браслетах. На голове у меня был обруч из белого золота, в ушах — тяжелые золотые серьги.

Когда этот тип увидел, что на мне надето, он уставился на меня своими каменными глазами и непроизвольно сделал несколько шагов вперед. В ушах у него по-прежнему красовались золотые серьги.

Я держалась невозмутимо и отстраненно, но у меня в голове теснились самые разные мысли. Я продолжала размышлять о Назаре. Я думала, что местному чиновнику не пристало видеть меня в такой одежде и что теперь он запомнит меня навсегда. Я отметила, что этот наглый тип не обращает внимания на цвета, запахи и струнный инструмент, игра на котором была

частью ритуала. По-видимому, он принял все это за «женские причуды», которые не принесут ему никакой пользы. Я подумала, что едва ли чиновник, который пострадал от Назара, погиб, скорее он отделался легким испугом. Никакая власть не станет применять методы наказания или средства устрашения более суровые, чем требуется для поддержания порядка. Кроме того, я пришла к выводу, что притворялась служанкой Назара не для того, чтобы ублаготворить приспешников Шаммат, а чтобы не раздражать простой народ. Одновременно я лихорадочно соображала, как нужно действовать, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Прежде чем я успела сдвинуться с места, мой непрошеный гость сделал еще шаг вперед и теперь стоял прямо передо мной — руки в боки, ноги широко расставлены. Я воспользовалась случаем разглядеть его повнимательнее, чтобы по возвращении снабдить биологов богатым и подробным материалом о представителях данного вида. Самой примечательной чертой была широкая ротовая щель, связанная, как я предположила, не с пищеварительной системой, а с артикуляционным аппаратом: когда он снова заговорил, я смогла увидеть то, чего не успела

разглядеть на улице, — щель вибрировала, а источник звука находился на уровне груди. Он издавал звуки за счет вибрации, поэтому слова получались невнятными.

— В нашем городе запрещено носить такие украшения!

Когда чиновник стал пожирать своими каменными глазами ритуальные предметы, я просто физически ощутила исходящую от него волну алчности и поняла, что он снова пытается применить примитивные гипнотические приемы. Но это было еще не все — он проверял меня, пытаясь выяснить, каковы мои полномочия… Возможно, он хотел понять, что роднит меня с Назаром. Я почувствовала, что этот тип торжествует, — и мне стало страшно. Я поняла, что не выдержала испытания.

Мой мозг работал в полную силу. Я небрежно развернулась и отошла подальше, повернувшись к чиновнику спиной, постояла пару минут, глядя в окно, а затем опустилась в низкое кресло. В Галактике есть несколько мест, где представители высших каст не садятся, если подчиненные или просители стоят. Когда я села, мне в голову пришла идея, далекая от происходящего, — только что завершенный ритуал и опасная ситуация

прояснили мой разум.

— Как давно этому городу позволили отклониться от первоначального проекта? — спросила я. Я задала этот вопрос, потому что поняла — по замыслу Коши должен был состоять только из конических башен, расположенных определенным образом, — скорей всего, в виде смыкающихся дуг, — а нагромождение убогих строений и новые пригороды нарушали изначальный план. Забыв о том, что передо мной как каменный истукан стоял этот странный блюститель порядка, я вспомнила рассказы о математических городах древности и стала размышлять об их предназначении.

Чиновник немедленно откликнулся на мой вопрос, и в его скрипучем голосе звучали угроза и раздражение. Впрочем, он оказался недостаточно находчив, что заставило меня сказать:

— Настанет день, когда вашим преступлениям будет положен конец.

Он стоял молча, не издавая ни звука. Его мрачные глаза блестели. Я нечаянно задела его за живое, и мои слова пробудили в его памяти… прошлое, предостережения, угрозы?

Я продолжала сидеть в кресле, наблюдая за этим типом. Сначала я задумалась о том, как

повел бы себя в этой ситуации Назар, но решила, что сейчас не время вспоминать о нем. Затем я представила на своем месте Клорати и поняла, что, хотя этот мелкий чинуша олицетворял самую отвратительную власть, мой старый знакомый ограничился бы сдержанной неприязнью. Поэтому я мягко и даже с юмором сказала:

— Что до твоего товарища, вряд ли он погиб. Я уверена, что он поправится, если уже не поправился… — С этими словами я встала, словно позволяя ему уйти, и отошла к окну, ибо хотела еще раз окинуть взглядом башни, чтобы представить, каким был задуман этот город. И понять, *во имя чего он был создан!*

Но в этот миг я услышала гул прямо у себя за спиной и обернулась. Чиновник стоял почти вплотную ко мне и гудел своим щелеобразным ртом. Теперь я знала, что эти нечленораздельные звуки имеют определенный смысл. Опираясь на подоконник, я разглядывала темные силуэты башен на бледном небе.

— Ты должна пойти со мной. Я представитель власти. В этом городе у меня есть соответствующие полномочия, — бубнил он, и я поверила ему — таковы были условия одного из соглашений с Канопусом.

— Я должна переодеться, — сказала я.

— Нет, — отрезал он и снова стал пожирать глазами обруч на моей голове и браслеты на предплечьях.

— Но сегодня очень холодно, — гнула свое я.

— У тебя есть плащ.

— Насколько я понимаю, нам предстоит нечто очень важное, — сказала я с улыбкой, и его губы немедленно задрожали, подтверждая, что дело обстоит именно так. — Хочется надеяться, что у тебя есть веские основания отнимать у меня время, — заметила я, закутываясь в черное одеяние, — поскольку на сегодня у меня были другие планы. Я должна была выполнить задание Канопуса.

— Я все прекрасно понимаю, — ответил он примирительно, и я поняла — этот тип не ожидал, что ему удастся добиться своего, и был доволен, что все вышло, как он хотел. Этот чиновник боялся, что я найду способ выскользнуть из его рук. Он прямо-таки дрожал от вожделения, и я вспомнила, как давным-давно нам нанесли визит дерзкие, бесцеремонные шамматяне. Они были той же породы, хотя и выглядели иначе. Я не собиралась расспрашивать своего спутника о том, что должна была знать сама. Сколько биологических

видов здесь проживает? Откуда родом он сам? Не с Путтиоры ли? Впоследствии оказалось, что этот тип и вправду с Путтиоры, — охраной порядка в городах на равнине занимались путтиоряне, а выходцы с Шаммат были у них в подчинении, — но это уже другая история.

Мы спустились по длинной винтовой лестнице, он шагал у меня за спиной, и я физически ощущала на себе его жадные взгляды.

На улице бушевала вьюга, тусклые фонари на перекрестках почти замело снегом. Кроме нас, вокруг не было ни души. Я сразу закоченела от холода. Северный ветер пронизывал меня до костей. На этой планете зима несла с собой страх — за ним стояли воспоминания о снежных ураганах, способных единым духом стереть с лица земли целый континент, и о ветрах чудовищной силы, которые поднимали огромные массы воды и исполинских морских животных в воздух, вращая их как пылинки. Из белого тумана появилось нечто вроде небольшой кабинки. Дверь распахнулась; я забралась внутрь и оказалась в небольшом вагончике, который освещался масляной лампой. Пол был устлан подушками. Я не сразу поняла, как это сооружение перемещается, но вскоре догадалась, что его тащат люди

или животные. Таким способом я передвигалась впервые, поскольку он возможен лишь в рабовладельческом государстве или там, где правящий класс жесток и разнуздан.

Путтиорянин источал настоящий смрад — это был запах холодной жирной грязи. Разумеется, я сознавала, что запах моего тела тоже вред ли доставляет ему удовольствие. Именно запахи издавна служили самой серьезной помехой для сближения представителей разных видов — и в этом отношении ничего не изменилось! Однажды, когда мне предложили встретить делегацию с одной из наших самых приятных планет, обитатели которой отличались самыми добрыми намерениями, мне пришлось покинуть аудиенц-зал. Запах, который источали симпатичные и совершенно нормальные люди — две ноги, две руки, голова, нос, глаза и рот (впрочем, у этого вида имелся еще и хвост), — показался мне совершенно невыносимым.

Расстояние было невелико. Мы высадились из вагончика прямо в глубокие сугробы рядом с ярко освещенным зданием. Это была вилла в одном из западных пригородов. Внутри происходило какое-то празднество: оттуда доносилась музыка, по-видимому веселая, хотя мне показалось, что

она мало отличается от завываний ветра. Вагончик развернулся и исчез в белом тумане. Я успела разглядеть лишь длинные жерди и несколько странных животных — я надеялась, что замерзнуть им не дают густые гривы волос, с которых они то и дело стряхивали снег. Вместе с вагончиком все исчезло за стеной падающего снега.

Следом за путтиорянином я поднялась по широким ступеням на просторную веранду, украшенную узорчатыми колоннами. Повсюду стояли жаровни с углями. Я была знакома с причудами правящих классов и знала, что жаровни нужны им не для того, чтобы согреться, — комнаты на вершине башни обогревались горячим воздухом, который поступал по трубопроводам. На веранде было прохладно, поэтому здесь было мало народу, но я заметила, что все присутствующие нарядно одеты, — в их понимании принарядиться означало обнажить свое тело как минимум наполовину.

Я не знала, какую империю сейчас представляю — Сириус или Канопус, но не сомневалась, что должна постараться произвести хорошее впечатление. Я сняла свое убогое черное одеяние и обернула его вокруг правой руки — именно так носили верхнюю одежду в эпоху Смутного Вре-

мени, чтобы обозначить свою принадлежность к соответствующему классу.

Пока я пробиралась сквозь лес изящных колонн, мне в голову пришла другая историческая параллель: на планете, где я недавно побывала, в память о прошлом сохранили несколько похожих вилл, — хотя таких роскошных садов там не было и в помине.

Веранда отделялась от просторных внутренних помещений шторами из плотного пестрого материала. Я встала у входа так, чтобы меня могли заметить. То, что я увидела, не явилось для меня неожиданностью. Здесь присутствовало около двадцати человек, все они были полуодетыми и явно принадлежали к правящей верхушке или привилегированному классу. Они сидели на подушках и небольших стульях. На низких столиках — множество всевозможных кушаний и фруктов. Вдоль стен стояло около дюжины слуг, почти полностью обнаженных молодых мужчин и женщин, которые держали в руках кувшины и бутыли с опьяняющими напитками. Помещение освещалось газовыми лампами с прозрачными плафонами, которые размещались на колоннах и потолке. Каменные полы были устланы коврами.

Собравшиеся сидели неподвижно, но не потому, что были удивлены моим приходом, а потому, что ожидали моего появления, но пока не хотели обнаруживать свои намерения. Об этом свидетельствовало и то, что мой спутник держался как ни в чем не бывало. Тут же присутствовали еще два его соплеменника, такие же отвратительные, как и он сам. Впрочем, судя по тому, что путтиоряне сидели отнюдь не в самых непринужденных позах, я тотчас сделала вывод, что здесь их просто терпят.

Здесь был и «Клорати»-Назар. В неярком жемчужном свете он был так похож на Клорати, что в какой-то момент мне опять показалось, что это он. Назар медленно обернулся, и я сразу догадалась, что он не спешил встретиться со мной взглядом, — похоже, ему было стыдно. С напускной небрежностью Назар опустился на низкий квадратный пуф и прислонился спиной к стене. Надо сказать, что он, в отличие от прочих, не был полуголым.

Подобное сборище должно непременно иметь фокус… точку, на которой сосредоточено внимание присутствующих… В центре внимания здесь был не Назар. И не путтиоряне. На расстоянии вытянутой руки от Назара, в широком кресле,

слегка возвышавшемся над остальными, сидела женщина, которая по всем признакам играла главную роль в этой сцене. Она была невероятно хороша собой и при этом чрезвычайно сексапильна, что ощущалось с первого взгляда. Я давно не встречала столь привлекательной особы.

Любая женщина, достигшая половой зрелости, становится сексапильной, но обычно это качество мимолетно. Однако, прилагая определенные усилия, можно усилить его и продлить свою молодость. Про меня можно сказать, что я белокожа и светловолоса, а про нее — что она светится изнутри.

Ее волосы были цвета чистого золота. Замысловатая прическа, изобилующая волнами и локонами, была продумана до мелочей. Пышные жгуты волос обрамляли прекрасное жемчужное лицо. У нее были серо-голубые широко расставленные глаза и светлые брови. Длинные белые руки покоились на коленях. На ногах были легкие сандалии, украшенные драгоценными камнями.

Обнаженные предплечья красавицы украшали тяжелые золотые браслеты из переплетающихся звеньев в форме буквы V. Они слегка сдавливали ее плоть, и в этом тоже чувствовался тонкий расчет. Именно такие браслеты еще недавно

надлежало использовать мне в соответствии с инструкциями Канопуса, затем их заменили другими, которыми меня снабдили перед самой поездкой. Окинув взглядом присутствующих, я увидела, что почти все они, мужчины и женщины, носили браслеты, серьги или сочетания цветов, которые почти в точности соответствовали предписаниям Канопуса, но любой узор на кайме или рисунок на юбке непременно отличала какая-нибудь неправильность. Я поняла, почему Назар избегал смотреть мне в глаза. Впрочем, теперь он смотрел на меня в упор, но его взгляд был скорее печальным, чем дерзким.

Пока я, безмятежно улыбаясь, стояла у дверей, я успела понять многое. Во-первых, почему я понадобилась им среди ночи, — трое путтиорян носили серьги установленного образца, который соответствовал действующим предписаниям Канопуса. Такие серьги были только у них и у меня. Разумеется, даже если бы они и имелись у Назара, он бы не стал надевать их сюда. Я бы тоже сняла их, если бы пришла по своей воле.

Я увидела, что все присутствующие с вожделением разглядывают мои браслеты и серьги, а также обруч у меня на голове, и удивилась, почему путтиорянин, который привез меня сюда,

не отобрал их силой. Должно быть, у него просто не хватило духу обокрасть меня.

Никто в комнате не шелохнулся и не поприветствовал меня. И я решила рискнуть. Ощущая холодок внутри, я, поборов смущение, шагнула вперед со словами: «Канопус приветствует вас!» — и покосилась на Назара, чтобы посмотреть, как он отреагирует. Затем я знаком приказала девушке-служанке подвинуть ко мне кресло, стоящее у стены. Это кресло походило на то, в котором сидела ослепительная хозяйка дома. Я уселась в кресло неподалеку от нее и хлопнула в ладоши. Когда мне подали кубок из какого-то вещества кристаллической структуры, я притворилась, что сделала глоток, стараясь, чтобы его содержимое не коснулось моих губ.

— Насколько я понимаю, вы родом с Сириуса? — осведомилась хозяйка дома, хлопнув в ладоши точно так же, как я, и приняв из рук слуги очередной кубок. Что означал этот жест? Она предлагала мне чувствовать себя более непринужденно? Или хотела, чтобы я выпила вместе с ней?

Это был самый опасный момент моего общения с этой публикой. Замешательство было недопустимым. Поэтому я с улыбкой посмотрела в сторону Назара и, хитро подмигнув, сказала:

— Если Назару нравится говорить всем, что я сирианка, почему бы и нет?

Я рассмеялась и, не глядя на Назара, расправила подол платья. Наверняка он не простит мне этого. Одно его слово, и я могу погибнуть, не говоря уже о соблазне заиметь украшения, при виде которых эти люди дрожат от вожделения. Я уселась поудобнее, сделала вид, что прихлебываю из кубка — надо сказать, что его содержимое имело весьма непривлекательный вид и запах, — и принялась с любопытством разглядывать собравшихся, получая от этого несказанное удовольствие.

Не могу передать, какое отвращение и испуг это вызвало у присутствующих.

Характерные признаки, отличающие вырождающийся класс, всегда и везде были одинаковыми. Не хочу тратить время на подробности. Я наблюдала за подобной публикой многократно, и ее бесконечное однообразие не вызывает у меня ничего, кроме усталости и отвращения. Веселая беззаботность и циничное добродушие, которые — стоит бросить им вызов — немедленно превращаются в агрессию. Легкомыслие — верная примета легкого успеха, сговорчивой плоти, зависимости от комфорта, убежденности в своем превосходстве над рабами, крепостными или

слугами, которые — повсюду и всегда — являются подлинными мастерами своего дела… Все это повторяется вновь и вновь.

Я часто думала, относится ли все это к Канопусу и Канопианской империи. Ответом мне было присутствие Назара на этом сборище. Назар поднял на меня свои карие глаза и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я вовсе не говорил этого, прекрасная канопианка.

После чего отвернулся с таким обиженным видом, что я не знала, как быть. Но зато поняла, что опасность миновала. Было бы весьма пикантным закончить свою жизнь на гибнущей планете среди этой морально разложившейся публики.

— Позволено ли мне узнать имя гостеприимной хозяйки? — спросила я.

— Твой хозяин — Назар, — сказала она голосом, который я и ожидала услышать. Это был ленивый, бархатный голос с грудными нотами, которые недвусмысленно намекали на нечто непристойное. Этот голос, как и сама внешность женщины, заставлял вас думать только об одном, даже если раньше подобные мысли не приходили вам в голову. А мне они и вправду не приходили! Конечно, я читала об этом, когда занималась исследованием патологии. Но сложилось так, что

моя карьера в Колониальной Службе началась очень рано, и в те периоды, когда моей нравственности угрожала опасность, я находилась достаточно далеко от родного Сириуса.

Но, сидя здесь среди состоятельной и любезной сибаритствующей публики, где все вокруг было покрыто подобием шелковистой росы и словно сочилось небесным медом, можно было бы и не испытывать подобного чувства! Стараясь вести себя сдержанно и корректно, я тем не менее не смогла избежать чар хозяйки. Отчасти здесь сыграли свою роль надетые на мне украшения, которые обладали невероятной силой. Впрочем, когда речь идет об обольщении, трудно всецело подчинить ситуацию своей воле. Об этом говорил и мой опыт общения с Амбиеном Первым. Порой, чтобы шагнуть в пропасть, достаточно сказать: «*Да!*» Я отлично знала — как только ты начинаешь высматривать дверь, которая ведет в неведомое, это напряженное внимание само по себе уже свидетельствует о твоем намерении проникнуть внутрь. Именно это происходило в данный момент. И я прекрасно понимала это. О да, эта женщина была само очарование! Когда это слово пришло мне в голову, я поняла, что она дочь Адаланталэнда. Я помнила эту ленивую непри-

нужденность плоти и это сияние, впрочем, здесь оно играло совершенно иную *роль.* Прекрасные женщины с погибшего острова придерживались установленных правил (или *почти* не нарушали их). Хотя они начали понемногу отступать от них, сразу чувствовалось, что они живут в гармонии и согласии со своим окружением. Однако теперь эта роскошная плоть и бесконечное обаяние использовались с совершенно иными целями, а обладательница этих сокровищ не нуждалась ни в ком, кроме себя самой. Взглянув на Назара, который скорчился у стены, а затем на нее, я поняла все… Мне стало страшно — слишком легко было открыть эту дверь, достаточно сделать один крохотный шаг в ее сторону, принять опрометчивое решение, — и внезапно я обнаружила, что думаю о Клорати, причем думаю так, как не думала никогда до сих пор. Я была изумлена и шокирована, — казалось, что меня игриво поманила пальцем сама любовь, которая оказалась совсем не тем, что я искала в близости с Клорати… в отношениях с Канопусом… Любовь обернулась легкомысленным флиртом, который увлекал меня в бездонные темные глубины. Однако то, что я видела перед собой, не несло и тени легкомыслия и беззаботного счастья. Назар взглянул на лениво

лежащую руку женщины, и его лицо исказилось мукой… Но она снова повторила:

— Твой хозяин — Назар.

— Полагаю, это не так, — возразила я, улыбаясь самой обольстительной улыбкой, на какую была способна, и услышала, как загудели путтиоряне, переговариваясь между собой: их вибрирующие голоса накладывались на музыку, которая действовала мне на нервы так же сильно, как и атмосфера в целом.

— Ее зовут Элиле, — неожиданно сказал Назар. — Это ее дом. А мы все — ее гости, верно? Гости или пленники… — Он засмеялся, тряхнув головой, и наполнил свой кубок обжигающим напитком.

— Ее добровольные пленники, — вставил темнокожий шепелявый юнец, судя по всему, избалованный сын богатых родителей. Он поднялся с груды подушек, уселся рядом с Элиле и, грубо схватив ее руку, принялся осыпать поцелуями. Даже не взглянув в сторону юноши, красавица посмотрела на Назара, который мгновенно побледнел.

— Назар, — сказала она своим мягким, чарующим голосом, — не такой добровольный пленник, как ты. — И со смехом посмотрела на

Назара, дразня и соблазняя его.

Я увидела, что в его душе идет чудовищная борьба. Канопианца тянуло к красавице с невероятной силой, но он боролся с собой, пытаясь устоять перед соблазном. Все присутствующие наблюдали за этой борьбой. В конце концов Назар перевел дыхание, поднялся со своего места, приложился к ее белой руке и, трепеща всем телом, поцеловал ее, но сделал это небрежно и даже неуклюже. Он вернулся на свое место, сел и, глядя перед собой, отхлебнул из кубка.

Внезапно Назар заявил:

— Эта тощая сирианская бюрократка наверняка шокирована нашим поведением. — И шумно втянул в себя воздух.

Со стороны путтиорян послышалось возбужденное гудение. На сей раз я не могла просто отшутиться.

— Понятное дело, Назар немного не в себе, — сказала я. Это видели все, что и спасло меня.

Юнец, который согнулся в подобострастной позе у колен Элиле, припав губами к ее руке, поднял глаза и прошепелявил:

— Мы хотим знать, из какого материала сшито твое платье, прекрасная сирианка!

Довольный собой, он посмотрел на Элиле,

чтобы увидеть ее реакцию. Та нахмурилась и отдернула руку.

— Мое платье сшито из канопианского крепа, — отрезала я.

— Это правда, — подтвердил Назар. — Он тяжело дышал, не сводя глаз с прекрасной Элиле и обиженного юнца, который распластался на полу, уронив кудрявую голову на полуобнаженные ступни пленительной хозяйки. Я видела, что больше всего на свете Назару хочется тоже броситься к ее ногам.

— Могу я пощупать его? — спросила высокая худощавая девушка, которая сидела рядом со мной. На ней была сверкающая голубая юбка, но ее грудь была обнажена, если не считать украшений, которые прикрывали соски. Черные волосы доставали девушке до талии, у нее были темная кожа и темные глаза. Среди присутствующих нельзя было найти и двух человек, похожих друг на друга, — сочетания генов оказались причудливы и весьма разнообразны.

Не дожидаясь разрешения, моя соседка поднялась и нагнулась, чтобы потрогать мой наряд. Это было цельнокроеное платье без рукавов, которое по стилю не так уж сильно отличалось от ее собственного, но его немнущаяся ткань была

непривычной даже для меня — она искрилась и переливалась словно мягкий, текучий металл, а если вы пытались сложить ее, струилась сквозь пальцы. Прилегая к телу, ткань выявляла его очертания, но, к счастью, мое платье оказалось достаточно просторным, так что у меня не было нужды смущаться из-за чрезмерной откровенности туалета. Я вспомнила, как Назар назвал меня «тощей бюрократкой», и пожалела, что не похожа на пышную, чувственную Элиле, от одного присутствия которой у всех начинала кружиться голова.

Стоило этой девице дотронуться до меня, как ко мне ринулось около дюжины гостей, — одни щупали платье, другие тянулись к браслетам и обручу на голове.

— Из чего это сделано? — бормотали они, обращаясь друг к другу, точно я была всего-навсего манекеном, на котором выставлены эти вещи… Затем я почувствовала, что с моей готовы стаскивают обруч, и едва успела протянуть руку, чтобы остановить похитителя. Тяжелые руки вора силой усадили меня назад в кресло.

Сквозь окружившую меня толпу я видела, что Элиле продолжает сидеть в кресле. Красавице явно хотелось тоже подойти и пощупать меня

вместе с остальными, но ей мешала гордость. Назар напряженно наблюдал за происходящим, и я видела, что он переживает за меня. А мне, несомненно, угрожала серьезная опасность.

Я резко встала и высвободилась из жадных любопытных рук. Я отталкивала распоясавшихся гостей с такой силой, что они падали на пол и лежали там, глупо посмеиваясь, пьяные и беспомощные.

— Может быть, ты снимешь браслеты и обруч, — попросила Элиле, — и позволишь нам полюбоваться на них. Мне бы очень хотелось взглянуть на них поближе.

Звуки ее колдовского голоса отдавались во мне как острая боль или сладкая песня.

— Нет, — отрезала я. — Этого не будет никогда.

Она взглянула на Назара, и я сразу прочла в этом взгляде приказ.

Его лицо покрылось испариной. Канопианец прерывисто вздохнул и выпалил:

— Ты должна снять их! — И добавил: — Это приказ!

Даже теперь я не могу описать свои чувства. Этот абсурдный приказ был приказом Канопуса. И его отдал человек, как две капли воды похожий на Клорати, того самого Клорати, от которого я

ждала, что он откроет передо мной все двери и расскажет то, что я так хотела узнать… Услышав: «Это приказ», — я онемела. Я вспомнила, что Клорати предупреждал меня об опасности! Он знал о том, что должно было случиться. Подумав о Клорати, я решила, что, как бы я ни страдала — а я страдала буквально каждой клеточкой своего тела, — я должна выстоять.

— Я уже сказала, что ты не в себе, — холодно парировала я. — Канопианцы не отдают приказов канопианцам.

— Зато они отдают приказы сирианам, — заявила Элиле и зашлась глупым смехом.

— Возможно, — сказала я, — но об этом мне ничего не известно. Я знаю одно — на мне надеты не просто украшения. И тот, кто будет использовать их не по назначению, может пострадать.

И вновь я почувствовала, как Назар борется с собой. Мрачная, упорная борьба продолжалась, и даже неумолчное жужжание путтиорян не могло заглушить его прерывистого дыхания. Тем временем путтиоряне подошли ко мне достаточно близко, чтобы сорвать украшения, — если бы им хватило духу. Однако пока они не отваживались посягнуть на них, и это придавало мне смелости. Мой мозг работал быстро и четко как никогда. Я

поняла, что, возможно, прикасаться ко мне им запретил Назар, хотя он сам малодушно расстался с собственными украшениями…

— Разве это не так, Назар? — спросила я, сосредоточив всю силу воли, чтобы заставить его обернуться и взглянуть на меня.

Он сидел прямо, его рука небрежно держала кубок — и я заметила, что она дрожит. Назар взглянул на Элиле, которая улыбнулась ему, но в ее улыбке был страх.

— Да, это так, — пробормотал он наконец.

Затем последовала долгая пауза; казалось, что все вокруг замерло, как в тот момент, когда я вошла.

Я стояла, молчаливая и опустошенная, направив всю свою силу воли на Назара. Три путтиорянина, серо-зеленые создания с пустыми глазами и вибрирующими губами, обернулись в сторону Назара, *ожидая, когда он даст им знак…* условный знак, о котором они договорились до моего прихода. Я прекрасно понимала, что происходит.

Эта минута показалась мне бесконечной… Я переводила взгляд с одного лица на другое… Я посмотрела на прекрасную Элиле, падшую дочь Адаланталэнда, затем на влюбленного юнца, который опять принялся слюнявить ее руку, потом

на пьяных наглецов, растянувшихся на полу, на обнаженных слуг, наблюдавших за происходящим с бесстрастным выражением, как любые слуги в любые времена, — и увиденное подтвердило мою мысль. Их лица были абсолютно пусты — эти люди не имели цели, не получали от жизни удовлетворения, не ведали внутреннего покоя и теперь сжимали кулаки так, что ногти впивались в ладони, кусали губы, ерзали и вздыхали.

Я отлично понимала, что наблюдаю разновидность экзистенциалистской меланхолии — симптомы этой болезни я знала как свои пять пальцев. Им хотелось завладеть моими украшениями — такие же украшения в свое время надевал Назар, — и это было одним из проявлений все той же глубокой и острой тоски.

Эта мысль обезоружила меня. Я поняла, что ничуть не лучше, чем эти люди, и не вправе отказывать им в чем-либо. Если бы в эту минуту Назар сказал: «Это приказ Канопуса», — я бы отдала все, что у меня было.

Но Назар спас меня и себя.

Он с трудом поднялся на ноги — его движения были медленными и скованными; казалось, больше всего на свете ему хочется просто упасть на пол и припасть губами к горячей плоти Эли-

ле, — медленно выпрямился и, тяжело дыша, двинулся ко мне.

— Канопусу пора уходить, — произнес он точно во сне. Я понимала, что, если сейчас Элиле откроет рот, он бросится к ее ногам, и все будет кончено.

— Да, это так. И Канопус уходит, — сказала я и осторожно взяла Назара под руку, боясь, что он может с отвращением отпрянуть — ведь это была не *ее* рука.

— Назар, — произнесла Элиле вкрадчиво. Звук ее голоса пронзил меня, словно стрела, и я почувствовала, как затрепетал Назар.

— Идем, — сказала я мягко. Он тихонько застонал, но покорился. Осторожно направляя своего спутника, я двинулась к пестрым шторам, за которыми виднелась веранда с изящными колоннами и пылающими жаровнями.

Я чувствовала, что следом за нами идут три путтиорянина.

Мы подошли к краю веранды. На длинной низкой скамье развалился один из гуляк. Его щека была вся перемазана собственной блевотиной — и его вид, похоже, отрезвил Назара.

— Будь осторожна, — пробормотал он, и мы одновременно обернулись, оказавшись лицом

к лицу с тремя злодеями, которые тянулись к обручу на моей голове, рассчитывая на легкую добычу.

— Я убью вас, — заявила я с холодным презрением, бесстрашно повернулась к ним спиной и в сопровождении Назара спустилась по ступеням в снег, укутавший все вокруг.

Я слышала, как за нашей спиной по ступенькам, постоянно поскальзываясь, спускаются путтиоряне.

— Мне кажется, вы не поняли, — сказал Назар, обернувшись. — Эта дама — из верховного командования Канопуса. Вы знаете условия договора.

Их каменные лица, смутно маячившие в ночном сумраке, скрылись в белом тумане.

— Вызовите нам фаэтон, — велел им Назар.

И я вновь увидела тварей, которые, стряхивая с себя снег, тащили вагончик, но когда мы с Назаром забрались внутрь, я забыла и про них, и про путтиорян, поскольку мой спутник внезапно сполз на пол, закрыв глаза и прерывисто дыша. Его била дрожь. Потом он открыл глаза, и из них хлынули слезы. Обычно канопианцы не плачут — слезы стали пережитком прошлого. То, что Назар разрыдался, объясняло многое.

Я молчала, готовясь к тому, что ожидало нас

впереди. Когда мы остановились рядом с третьим конусом, вершина которого терялась в снежной пелене, у подножия башни нас поджидали три путтиорянина с каменными лицами.

— Назар, — сказала я, — придется еще немного потрудиться, они здесь.

Он тряхнул головой, заставляя себя собраться. Мы выбрались из вагончика и зашагали к поджидавшей нас троице.

— Вы просто болваны, — презрительно произнес Назар.

— Ты дал нам это, — ответил один из них, поглаживая свои золотые серьги, — ты дал нам это…

— Верните их, — велела я. — Это приказ Канопуса.

Но вместо того чтобы подчиниться, они бросились наутек. Путтиорянам не хотелось расставаться со своим сокровищем, которое, как им казалось — я поняла это только теперь, — давало им власть. Они верили, что эти кусочки металла — пуговицы и браслеты и прочие мелочи — наделены частью силы Канопуса и способны даровать им могущество.

Назар мрачно и гневно смотрел им вслед, и я начала понимать, что его вспыльчивость объясняется не влиянием извне — это попросту

свойство характера. А возможно, это черта, присущая всем канопианцам.

И вновь он откликнулся на мою мысль.

— О нет, — сказал он. — Это не так. Ты не должна так думать, прекрасная сирианка, ради себя самой… — При этом Назар так пристально посмотрел на мои серьги, что на мгновение мне почудилось, будто меня вновь ощупывают жадные руки в доме Элиле.

Я резко развернулась и направилась к лестнице. Я поднималась первой, Назар шел следом за мной, и так, преодолевая виток за витком, мы добрались до вершины.

Я понимала, что битва еще не окончена и самая серьезная схватка впереди. Я была готова к ней, когда мы вошли в полукруглую комнату, за окнами которой в сером утреннем свете кружился снег. Как только мы вошли, Назар нетвердой походкой двинулся вперед и рухнул на груду подушек. Я прикрыла его одеялом и вышла в соседнюю комнату. Там я уселась у окна и стала наблюдать, как наступает день и за снежной пеленой проступает серо-золотой свет.

Я думала не о том, с чем мне предстоит бороться, а о богачах города Коши и об их роскошных покоях, залитых мягким светом.

Полагаю, никто из читателей не удивится, что я думала о проблемах, с которыми сталкивался Сириус, имея дело с привилегированной частью общества, — эти люди только и делали, что развлекались. Уверена, кто-то спросит, почему я не вспомнила про эти проблемы раньше — ведь я принадлежу к административной группе, которая стремится контролировать данную прослойку, поскольку полностью предотвратить ее появление невозможно. Я не раз говорила, что мы преувеличиваем значимость этого явления. Если появление класса-паразита неизбежно, следует относиться к нему как к побочному продукту при формировании более многочисленного, жизнеспособного и деятельного класса. Так на гребне мощной волны образуется шапка тающей пены. Существовало ли когда-либо общество, где не было изнеженного, деградирующего меньшинства? Вряд ли. Куда проще принять это как данность и ввести законодательные ограничения на то, что нельзя предотвратить, чтобы страх перед этим явлением не мешал заниматься преобразованием общества, как случалось нередко. Те, кто изучает данную проблему, прекрасно знают: в обществе всегда есть группировка, которая весьма красноречиво отстаивает мысль

о том, что в социальных революциях нет смысла, поскольку любая революция, независимо от чистоты ее идеалов, непременно приводит к появлению горстки избранных. Эти настроения были особенно сильны после восстаний в колониях Сирианской империи на исходе Смутного Времени. Сторонники данного подхода полагали, что любые реформы и преобразования в обществе бесполезны. Само собой, такая точка зрения деморализовала людей и порождала пессимизм. Из-за этого она была временно объявлена вне закона. Сложилась парадоксальная ситуация: мы, администраторы, обещали строго наказывать тех, кто выступал против критики власть предержащих, утверждая, что склонность правящего класса к коррупции закономерна и неустранима. При этом мы всемерно поощряли критику и оппозицию, будучи до такой степени обеспокоены повсеместным цинизмом и скепсисом, что сами тайно создавали оппозиционные партии. Я была слишком известной личностью, чтобы заниматься подобной работой, но три моих отпрыска (не от Амбиена Первого) принимали в ней весьма активное участие, и я имела возможность познакомиться с их отчетами.

Теперь, имея за плечами богатый опыт, я убеж-

дена, что предотвратить появление паразитирующего класса невозможно. В лучшем случае можно отсрочить его формирование. Разумеется, можно ограничить его права, однако устанавливая такие ограничения, вы неизбежно столкнетесь с проблемой другого рода — чрезмерно пылким осуждением этих слабых и никчемных людей. В конечном счете привилегированный класс, потакающий своим желанием, либо разрушает себя сам, либо дает повод уничтожить себя извне. Рост и расцвет данной социальной группы продолжаются очень недолго — едва сформировавшись, она начинает деградировать.

Глядя на снег за окном, я задумалась: интересно, а как решает подобные проблемы Канопианская империя? Быть может, она не ведает их вовсе? А если это так, то почему?

Я оставалась одна недолго. Эмоциональное состояние Назара вряд ли могло позволить ему расслабиться, а тем более уснуть. Я слышала, как он шумно и неловко бродит по комнате. Потом ненадолго стало тихо, а некоторое время спустя я услышала, как он входит в комнату с наружной лестницы. Видимо, он решил спуститься в продуктовый магазин. До меня доносилось его невнятное бормотание, затем Назар застонал и,

как показалось мне, заплакал.

Я переоделась, сменив свое облачение на форму сирианской Колониальной Службы. При общении с Назаром мне хотелось ощущать под ногами твердую почву. Я подошла к двери и спросила, можно ли мне войти, — мне пришлось повторить свой вопрос дважды, прежде чем я услышала: «Конечно, входи!» Назар лежал на боку, вытянувшись во весь рост и подперев щеку локтем. Его волосы были взъерошены, а глаза красны. У него был такой мрачный вид, что казалось, его окружает плотная черная туча. Он выглядел так, что я невольно подумала: «О! Как же он безобразен!» Впрочем, о внешней привлекательности сказано довольно! Я невольно вспомнила людей-«насекомых», которые, по словам Клорати, были высокоразвитыми существами, но казались мне отвратительными.

Назар знал, о чем я думаю. Об этом говорила его мимолетная горькая улыбка. Он поднялся, принес чай и хлеб и сказал:

— Угощайся.

Я налила чаю себе и ему, но он даже не поблагодарил меня. Назар, не моргая, смотрел в одну точку, не замечая, что происходит вокруг. Я немного поколебалась, решая, опуститься ли

рядом с ним на подушки или предпочесть судейское кресло, — несомненно, второй вариант означал конфронтацию. Дело кончилось тем, что я взяла чашку, отошла к окну и выглянула наружу. На северо-востоке снег прекратился. Вьюга отступала на юго-восток. Вершины конусов вновь вынырнули из облаков — белые и пухлые, они таяли на глазах. У подножия башен уже копошилась целая армия маленьких темных фигурок. Не покладая рук они расчищали улицы и разгребали сугробы, и в нижнем городе вскоре возобновилась будничная суета.

При этом мне не давала покоя мысль о состоянии Назара. Я хорошо помнила, как незадолго до этого нечто подобное случилось с нашим сотрудником на Планете 9. Его оставили там слишком надолго, и это надломило его психику. В итоге он стал орудием в руках антисирианской партии. Меня направили туда, чтобы уладить дело. Вина отступника не вызывала сомнений, и я привезла его на Сириус. К сожалению, его решили казнить, хотя я считала, что он мог бы вернуть себе доброе имя. Тот наш сотрудник тоже страдал от гнева, который, не находя себе выхода, подтачивал беднягу изнутри.

Я заметила, что Назару трудно усидеть на месте.

Он ежеминутно менял позы, ерзал и дергался. Его глаза блуждали, он вздыхал, откидывал голову назад и шумно втягивал воздух. И все же он краем глаза наблюдал и за мной. Я видела, что Назар старается не терять бдительности. Хотелось ли ему вернуться к ногам Элиле? Я не могла думать об этом желании без содрогания, хотя и понимала его силу.

— Именно так, — внезапно сказал Назар. — Но я не вернусь назад. Я сумею покончить с этим. И за это я должен поблагодарить тебя.

«Как ему удается читать мои мысли?» — подумала я.

— Но тебе придется пойти на жертвы, милая сирианка. Полагаю, ты догадываешься, что я имею в виду.

Я подумала, что мне придется отдать ему ритуальные предметы.

— Именно так, — подтвердил Назар. — Как видишь, без них я совершенно беззащитен…

— Ты расстался с ними добровольно, — сухо заметила я.

При этих словах Назар вскочил и принялся расхаживать по комнате, время от времени останавливаясь с пустым взглядом и приоткрытым ртом. Было видно, что он на взводе. Наблюдая за

ним, я почувствовала головокружение. Я отвернулась к окну и стала смотреть на коричневые шпили башен, прислушиваясь к завыванию ветра и шорохам в сером небе.

— Они мне очень нужны, — просительно сказал Назар. — Без них мне никак.

— Мне они тоже нужны. Я приехала сюда не по своей воле. Меня снабдили этими вещами и объяснили, как их использовать. И я считаю, что не вправе отдавать их кому бы то ни было.

— Но, отдав их мне, Назару с Канопуса, ты просто *вернешь* их.

— Мне было велено не отдавать артефакты никому, — возразила я. Спиной я чувствовала его взгляд и, обернувшись, обнаружила, что Назар и в самом деле стоит, затравленно глядя на меня.

Я догадалась, о чем он думает, и сказала:

— Ничто не помешает тебе отнять их. Ты сильнее меня. Но это будет означать, что Канопус всегда готов действовать с позиций силы.

Я увидела, что Назар затрепетал, словно неведомая темная сила отпустила его и теперь он мог распрямиться и перевести дыхание.

— Спасибо, что напомнила мне об этом, — произнес канопианец. Он сказал это без иронии, и я почувствовала облегчение. К нему явно возвра-

щалась способность отвечать за свои поступки. Теперь он смотрел на меня по-другому. — Спасибо. Спасибо тебе, сирианка.

Казалось, он ждал большего.

Я повернулась, и теперь мы стояли лицом к лицу. Я понимала всю печальную иронию этой ситуации. Канопус, наш благородный и великодушный наставник, предстал передо мной в облике опустившегося чиновника, который преступил законы своей империи. Назар сразу откликнулся на мои мысли.

— Преступники есть у *вас,* — сказал он, улыбаясь. — Мы же просто считаем, что не все способны прийти к финишу.

Он весело рассмеялся, но внезапно его смех оборвался, и мой собеседник стал прежним: ссутулился и опять принялся мерить шагами комнату.

— Как вы поступаете со своими преступниками, сирианка? Что случилось бы со мной, будь я одним из вас?

— Полагаю, тебя бы казнили.

— Вот именно. Так я и знал. Полагаешь, я буду искать согласия с тобой, вместо того чтобы подчиняться собственной империи? Думаешь, я соглашусь, чтобы меня казнили?

— Ты хочешь быть наказанным? — спросила я как можно суше.

И вновь я увидела, что Назар распрямился, точно гора свалилась у него с плеч. Он сказал так же сухо:

— Возможно, так оно и есть. Но, сирианка, когда я говорю, что Канопус ошибся во мне, я не кривлю душой. Эта работа оказалась мне не под силу.

— Ты никогда не покидал Роанду? — спросила я. — Не могли же они держать тебя здесь бесконечно. Ты говорил, что находишься здесь тысячи лет.

Он подошел ко мне, встал рядом у окна и посмотрел мне в глаза.

— Насколько я понимаю, — сказал Назар, — на Сириусе ты принадлежишь к либералам?

— Да.

— Бедный Сириус, — произнес он мягко, внимательно глядя на меня темно-янтарными глазами. — Бедный, бедный Сириус.

Это было довольно неожиданно, и я растерялась. Мы стояли совсем рядом, глядя друг другу в глаза. В этот момент я совершенно забыла о Клорати и о том, как искала его дружбы. После слов Назара я почувствовала, что мне вот-вот откроется какая-то тайна или сокровенное знание.

Немного помолчав, я взяла себя в руки и спокойно поинтересовалась:

— Может быть, тебе стоит вернуться домой и сказать там то же, что ты сказал мне?

— Я уже сделал это.

— Но ведь ты был далеко оттуда.

— Верно. Это случилось очень давно. Вскоре после печальных событий, которые эти несчастные называют «Страшной Карой». Но, сирианка, понимаешь ли ты, каково это — провести столько времени здесь, а потом вернуться домой? Как это тяжко… — И Назар вновь принялся бродить по комнате.

Через некоторое время он остановился и сказал:

— Попробую объяснить в двух словах. Не стоит ездить домой, если придется вернуться сюда. А у меня нет выбора. Так они говорят. Здесь мое место. В этой дыре. На опустившейся Шикасте.

— Роанда — прекрасная планета, — возразила я, со вздохом вспоминая, как жила на Южном Континенте до провала Смычки. — Среди наших колоний нет планеты столь же красивой и изобильной, как эта… — Из окна мне было видно, как на юго-востоке, где не осталось и следа от снежной бури, серое небо озарил золо-

той свет. Коричневый конус, соседствующий с нашим, был припорошен ослепительно белым снегом, который оттенял каждое окно, и гармония этих причудливых узоров доставляла мне глубочайшее наслаждение. Роанда — у меня не поворачивался язык назвать ее *их* безликим словом *Шикаста* — была бесконечно щедра на подобные чудеса. Она всегда давала богатую пищу для ума и чувств.

— Да, здесь красиво, — с трудом проговорил Назар. Он стоял прямо, прикрыв глаза и держась рукой за горло. Его веки дрожали. Он думал об Элиле.

— Понимаю, — сказала я тихо.

Назар открыл глаза и посмотрел на меня. Он был мрачен, но оставался самим собой. Он пересек комнату и склонился надо мной, глядя мне в глаза.

— Да, представь себе, понимаю, несмотря на то что я всего лишь тощая бюрократка. Хотя лучше бы я не понимала.

— Спасибо, — сказал он и вернулся на прежнее место.

— Я хочу знать, чем был этот город, пока не началась деградация.

Назар горько засмеялся.

— Все города ждет один конец. Они всегда приходят в упадок.

— Всегда?

— Да.

— Значит, вам приходится принимать это в расчет?

— Да. — Он вздохнул, тяжкая чернота вновь отпустила его, и Назар опять был со мной. — Да. Нам приходится помнить об этом. Когда мы строим город, изготавливаем украшение, слагаем песню или выдвигаем идею, очень скоро плоды наших трудов становятся неподвластны нам и начинают разрушаться. То же самое случилось и со мной, сирианка, — не успеешь ты и глазом моргнуть, как все кончено. *Этот* город, говоришь ты, город, состоящий из двадцати одной башни… А ты слышала про город, который находится вон там? — Он кивнул в ту сторону, куда ушла буря. Там я сумела разглядеть лишь небольшое пятно на белом горизонте. — Это город садов. Там *был* город садов…

— А чем он стал теперь?

— Он остался городом садов, — сказал Назар с потемневшим от гнева лицом. — Элиле обожает его. Там у нее есть свой дом с фонтанами… Элиле, Элиле, — внезапно застонал он, раскачиваясь, и

закрыл лицо руками.

— Назар! — сказала я резко.

Он вздохнул и снова пришел в себя.

— Тебе придется отдать мне свои серьги, — заявил канопианец, подошел ко мне, взял меня за плечи и заглянул мне в лицо. Он крепко стиснул меня своими большими руками, но, почувствовав, что я сжалась, ослабил хватку. — И в чем только у тебя душа держится? Кожа да кости, да личико с кулачок…

— Да, я не Элиле, — отрезала я. — Прикажешь мне горевать об этом?

— Нет, — сказал он просто, вновь став собой.

— Назар, признайся, мои серьги нужны тебе, чтобы не возвращаться домой? Тебе приказали вернуться, а тебе не хочется уезжать?

— Именно так.

— Но разве в таком случае тебя не будут преследовать? Разве тебя не накажут?

— Нет, — сказал он, усмехнувшись. Я уже знала этот смешок. Так Назар смеялся над моими представлениями о Канопусе. — Какой смысл в наказании? Можно ли придумать наказание хуже этого… — Он прикрыл глаза и тряхнул головой, издав звук, напоминающий рыдание или протяжный звериный вой. — Что может

быть хуже, чем стать частью Шикасты, частью Шаммат?..

— Но ты не стал частью Шаммат, — отрывисто заявила я. И мне стало страшно.

— Да что ты знаешь о Шаммат, сирианка? — И он вновь начал бродить по комнате, шагая от стены к стене.

Я почувствовала, что нащупала еще одну часть головоломки.

— Так, значит, Шаммат — не просто внешняя тирания?

— Разве это не очевидно?

— Так вот оно что.

Назар удивился по-настоящему.

— Какие тут могут быть вопросы?

— Есть масса вопросов, которые я буду задавать вновь и вновь. Но пока я так и не получила ответа ни на один из них.

— Но разве это был не ответ?

Я почувствовала, что отягощена полузнанием, туманным и мучительным, похожим на бесконечный, томительный вопль, терзающий душу. Подобные чувства отражались и на лице Назара.

— Это страшное место, — сказал он без выражения, словно только что понял это, он, который жил здесь так долго! — Страшное место.

— Но почему? — спросила я. — Объясни мне. Что такое Шаммат? Вот что я хочу знать. Может быть, тогда я смогу понять Канопус?

Он снова засмеялся, абсолютно искренне.

— Что такое Шаммат? Я объясню тебе. Ты строишь город, идеальный город, где все чувства и мысли пронизаны духом Канопуса. Но мало-помалу гармония звуков начинает нарушаться фальшивыми нотами — сначала изредка, потом чаще и чаще, — пока дух Канопуса не исчезнет без следа… Так случилось и со мной… Ты начинаешь все сначала, и собираешь вместе несколько человек, и снова учишь их руководствоваться принципами Канопуса — если ты способен на это, — но Шаммат поднимает голову и наносит ответный удар, и против десятка последователей Канопуса появляется вдесятеро больше сторонников Шаммат. Те, кого ты взрастил, — *если* они выстоят и не сломаются, как я… И если за словом «любовь» для тебя действительно стоит Любовь… — его речь становилась все более невнятной, а в голосе слышалось страдание и отчаяние. — …Но потом в ней появляется надлом, фальшивый звук, который становится все фальшивее, и любовь превращается в вожделение… О, Элиле, Элиле, моя прекрасная Элиле…

— Назар, — оборвала я его. Он вздохнул и пришел в себя.

— Да, — сказал он, — Любовь поет свою песню недолго, она быстро теряет голос… Она постепенно убывает, сходит на нет и превращается в Ненависть. Все прекрасное превращается в свою противоположность, вот что такое Шаммат. Что такое Шаммат, спрашиваешь ты? Ее зловредная суть заключается в том, что, полюбив, ты не успеваешь оглянуться, как твоя Любовь превращается в Ненависть… Возжаждав гармонии, ты получаешь скандалы и ссоры, а если ты произносишь слово «Мир», это означает, что вот-вот разразится Война, — все это Шаммат, сирианка.

— Однако Канопус не хочет уходить с этой планеты. Он не считает ее обузой, от которой пора избавиться. Вы продолжаете опекать Роанду.

— Такова наша политика.

— И ты поддерживаешь ее?

— Нет, лично я ее не поддерживаю, но ведь теперь я тоже стал частью Шаммат, поэтому мое мнение уже не имеет значения.

— Тебе приказали вернуться, а ты не хочешь уезжать?

— Да.

— Ты боишься возвращаться, потому что зна-

ешь, что тебе придется снова отправиться на Роанду?

— Да.

— А если я отдам тебе серьги и все остальное…

— Будет вполне достаточно, если ты отдашь мне только серьги… Более чем достаточно… — горячо пробормотал он.

— Но ты должен соблюдать ритуал, который расписан до мелочей и меняется, когда меняются обстоятельства… Разве не так?

Назар посмотрел на меня с уважением, смешанным с неприязнью.

— Абсолютно верно.

— Серьги нужны тебе не для того, чтобы обеспечить свою безопасность, а для того, чтобы подарить их Элиле. Правильно? Или есть что-то еще?

— Возможно.

— Может быть, путтиоряне, которые не умеют пользоваться украденными серьгами, хотят, чтобы ты присоединился к ним?

— Что-то вроде того.

— Это просто не укладывается у меня в голове! Тебя соблазнила Путтиора?

— Почему бы и нет? Если я не устоял перед Элиле — а ведь она не просто соблазнила меня — в

сущности, я был ее мужем… И довольно долго… Лучше я не буду вспоминать об этом…

— И сколько времени это продолжалось? — спросила я, подумав, что жизнь этих созданий очень коротка.

— Именно так, сирианка, — подтвердил Назар. — И это делает мою боль еще острее… Эта безупречная непостижимая красота мимолетна, она — как снег на ладони. И кажется, что это дает тебе право влюбляться до безумия, напиваться, лететь на огонь, как бабочка… На Сириусе есть бабочки?

— Нет. Но мне приходилось видеть их на других планетах.

— По понятиям Шикасты, я любил Элиле целую вечность. С нашей точки зрения, я пью и пускаюсь во все тяжкие, пытаясь овладеть снежинкой. Способна ли ты понять меня, сирианка?

— Назар, тебе нужно вернуться домой. И рассказать все это кому следует.

— И что потом? — изумленно спросил он таким тоном, словно разговаривал с маленьким ребенком.

— Ладно, — сказала я. — Пускай тебя не устраивают методы Сириуса. Но ведь дисциплина остается дисциплиной везде. Ты должен под-

чиняться приказам, признавать свои ошибки и нести заслуженное наказание — впрочем, ты утверждаешь, что у вас не бывает наказаний.

Назар вздохнул и снова зашагал по комнате.

— Кроме того, тебе следует объяснить властям Канопуса свою точку зрения. Сказать, что ты считаешь вашу политику на этой планете неправильной.

Он сел на груду подушек, вытянул ноги, сцепил руки за головой и посмотрел на меня с улыбкой.

— Ты предлагаешь Канопусу спорить с Канопусом, — вздохнул Назар. — Что ж, почему бы и нет. Такого еще не бывало. Хотя… — Он засмеялся.

— Не вижу здесь ничего смешного, — парировала я. — У меня огромный опыт административной работы, и я знаю, как вести себя с подчиненными. Я всегда считала, что нужно постоянно прислушиваться к мнению персонала. Администрация, которая не покидает пределы родной планеты, не может быть в курсе происходящего на местах. В этом случае политика властей делается несбалансированной и негибкой. Мой опыт говорит о том, что в отсутствие оперативной связи между Главным управлением и чиновниками на местах редко удастся добиться поставленной цели.

Выслушав эту тираду, Назар расхохотался и

смеялся так долго, что я разозлилась не на шутку. Мне было обидно не за себя, а за Сириус. Ведь он смеялся именно над ним.

— Отлично, — сказал он, — ты считаешь, что я должен подчиниться приказу и вернуться назад. Я должен сделать все, чтобы вернуть себе доброе имя, поскольку я запятнал его. Мне следует выступить против нынешней политики Канопуса… И сказать, что я делаю это по рекомендации Сириуса… — Он был готов снова расхохотаться, но, увидев мое лицо, осекся. — Извини, — пробормотал он. — Не обижайся. Но ты просто не понимаешь…

— Да, я не понимаю. Но я хочу, чтобы ты действовал именно так. Если твои аргументы окажутся несостоятельными и нынешняя политика Канопуса не изменится, тогда… — Я поколебалась и решительно заявила: — Не скрою, Сириус хотел бы заполучить всю Роанду. Наши идеи, судя по всему, резко отличаются от ваших. И, возможно, они не столь прекраснодушны… Эта планета очень удобна для проведения экспериментов. Мы весьма эффективно использовали южное полушарие… — И здесь я была вынуждена остановиться. Разговаривая с этим канопианским чиновником свысока, я совсем забыла, что наши

помыслы были далеко не всегда чисты! Я очень надеялась, что Назар не сумеет прочесть мои мысли, но знала, что он уже прочел их.

Я заставила себя сказать:

— Известно ли тебе, что наши эксперименты на юге не всегда соответствовали нашим договоренностям?

— Разумеется.

Похоже, он не собирался продолжать. Считал, что в этом нет смысла?

— Мы знали, что вы не станете придерживаться духа — не говоря уже о букве — наших соглашений, и делали поправки на это.

Теперь я разозлилась по-настоящему. И была готова защищаться.

— Я не понимаю одного: вроде бы Канопус придает этой маленькой, убогой планете куда большее значение, чем мы, — разумеется, я отдаю должное вашим достижениям, — но в то же время вы относитесь к делу весьма небрежно… А теперь ты наверняка скажешь, что вы действуете в соответствии с Необходимостью.

— А что еще я могу сказать? — спросил Назар с искренним удивлением.

В эту минуту мне почему-то вспомнились «люди-насекомые» с Планеты 11 — один из них

держал в руках розового хрупкого младенца, и тот извивался, как червяк, окруженный волнообразно движущимися щупальцами взрослых. И эти омерзительные создания стояли на эволюционной лестнице выше меня, во всяком случае так говорил Клорати, а значит, Назар думал так же. Разговоры про «Необходимость» требовали от меня терпения, которым я не располагала. И вновь мы, я и Канопус, подошли к тому пределу, когда вот-вот должны были забрезжить свет и возникнуть взаимопонимание. Но это опять закончилось ничем. Гнев, чувство вины и неверие в собственные силы мешали мне двигаться вперед.

Чего же именно я все-таки не сумела понять?

Я невольно пробормотала:

— Я не понимаю, не понимаю.

— Бедный Сириус, — повторил Назар уже знакомым мне тоном.

— А если тебе не удастся переубедить власти Канопуса? — спросила я.

Он встал. У него был измученный вид — мертвенно-бледное лицо, тусклые глаза. Силы окончательно покинули моего собеседника.

— Я последую твоему совету. Мне действительно нужно вернуться домой. Я попытаюсь

изменить колониальную политику Канопуса и скажу, что нам следует отказаться от Шикасты. Я дам понять, что намерения Сириуса серьезны и он хочет, чтобы мы отдали Шикасту в его распоряжение. Если я не добьюсь своего и наша политика останется прежней — а именно этим все и закончится, сирианка, не жди от меня слишком многого, — я буду иметь удовольствие снова встретиться с тобой здесь.

— Тебе нельзя попросить о переводе на другую планету?

— Не думаю, что… Впрочем, пусть будет так, как ты говоришь. Если, вернувшись сюда, я вновь сделаюсь самим собой, я не стану просить о переводе.

— Но почему бы и нет, — упорствовала я. — Во всяком случае, надеюсь, ты догадаешься попросить, чтобы тебе регулярно позволяли брать отпуск, дабы сменить обстановку.

Назар улыбнулся. На сей раз его улыбка была нежной, даже благодарной, и в ней — вновь — чувствовалось восхищение.

— Я передам нашему руководству твои пожелания, — сказал он.

— И как ты думаешь, какую работу тебе поручат, когда ты вернешься? Если только ты и

вправду вернешься.

— Какую работу? Все будет как обычно. Меня отправят в новое место. От твоего внимания наверняка не ускользнул тот факт, что города на востоке Основного Материка вскоре будет погребены под песками?

— Да, я это заметила!

— Это значит, я опять окажусь в каком-нибудь паршивом городишке, где поначалу жизнь покажется мне настоящим адом, а потом… все вернется на крути своя. В любом случае, я буду следить за порядком и безопасностью и наблюдать за Шаммат, как делал всегда! Может быть, мне прикажут создать новый город вместо тех, что погибнут, — прекрасный, совершенный город… до тех пор, пока…

— И каким будет этот новый город? — спросила я и, не удержавшись, съязвила: — Разумеется, его облик будет определяться *Необходимостью.* И все же, *каким он будет?*

— Думаю, мне нужно уехать прямо сейчас, — сказал Назар. — Если я не уеду, может случиться все что угодно! Возможно, я даже вернусь к Элиле, вряд ли я сумею так просто вычеркнуть ее из своей жизни.

— Как же ты вызовешь космический ко-

рабль? — поинтересовалась я.

— Я вернусь другим путем, — ответил он. — Прощай, сирианка. Спасибо тебе. Береги свои серьги и все остальное. Тебя будут преследовать и могут ограбить, а если обнаружится, что я исчез, путтиоряне не оставят тебя в покое… Вызывай космический корабль и улетай. Таков мой совет.

С этими словами он выскочил из комнаты, и через некоторое время я увидела внизу, у подножия башни, маленькую темную фигурку. Он не взял с собой никакой одежды. Лишь теперь я догадалась, что Назар имел в виду. Он собирался уйти в заснеженные пустоши и умереть. Так вот какие средства перемещения использует Канопус! Но у меня не было времени раздумывать о случившемся и о долгом разговоре с Назаром, разговоре, в ходе которого я столько раз вплотную приближалась к прозрению. Я смотрела, как канопианец с трудом бредет по улице. Низкая поземка на северо-востоке говорила о том, что скоро снова пойдет снег. Но задолго до начала снегопада Назар замерзнет в сугробах. Он погибнет очень скоро, я знала это. Я была уверена, что его не найдут, пока не стает снег. А обнаружив его тело, путтиоряне придут за мной. Возможно, мне предъявят обвинение в убийстве или в том,

что я не доложила им, что Назар исчез, — кто знает, чего можно ожидать от обитателей подобного места! Однако до того, как растает снег, еще далеко. Я надеялась дождаться весны. Я стояла, глядя на то, как снег укрывает все вокруг белой пеленой, и думала, что все это — просто вода. Когда станет тепло, она забурлит и затопит все вокруг этих башен. Я буду стоять здесь, наверху, и смотреть на потоки мутной воды, а потом — так мне хотелось верить — все вокруг зазеленеет. Я никогда не видела ничего подобного.

У меня не было причин не верить предостережениям Канопуса. Я знала, что к ним стоит прислушаться. Мне не хотелось сталкиваться с путтиорянами или с деградирующей местной элитой — эта праздная, избалованная публика всегда отличалась изощренной жестокостью… Тогда чего я ждала? Разумеется, я надеялась, что увижу Клорати.

Я прибыла сюда, чтобы встретиться с Клорати.

Я понимала, что здесь была какая-то тайна. В то время я не надеялась ее разгадать, но знала, что она есть.

Я решила, что вызову космолет и улечу. Я отправила запрос и собрала свои вещи. Я нашла в сундуке белое одеяние с капюшоном и надела

его. Я не хотела, чтобы меня видели, а беглянка в черном была бы слишком заметной на снегу, и меня бы немедленно задержали.

Собираясь, я заметила на полу несколько исписанных листов бумаги. Они валялись там, где лежал Назар. Я пробежала написанное глазами. Его отчаяние, его печаль, его ненависть к самому себе — все это было описано здесь, причем текст пестрил бранными словами и вульгаризмами. Передо мной была целая пачка бумаги, а записи велись на протяжении нескольких месяцев. Последняя из них явно была сделана непосредственно перед тем, как я вошла в комнату. С трудом разбирая торопливый, небрежный почерк, я прочла:

«Вновь и вновь я возвращаюсь к одной и той же мысли. Мне стыдно за себя, и этот стыд не позволит мне смотреть в глаза Канопусу и даже самому себе. Я надеюсь, что Сириус поможет мне вновь обрести силу духа, и тогда я сумею заставить себя вернуться к выполнению своих обязанностей. Размышляя о Сириусе, я недоумеваю, как могло случиться, что могущественная Сирианская империя

— деятельная, изобретательная и умелая — не имеет представления о самых существенных фактах? Она то процветает, то переживает периоды упадка, ее власти принимают решения и вновь идут вперед… Сириус позволяет населению бесконтрольно расти, а потом сокращает его численность почти до нуля. При этом он ориентируется исключительно на расстановку сил в текущий момент и настроение общества и никогда не думает о Необходимости. Разумная и компетентная сирианка, которая вряд ли способна потерять свой моральный облик так же легко, как и я, не имеет понятия о предназначении Канопуса и не представляет, каким могло бы быть предназначение Сириуса. Одно это является для меня великим стимулом к тому, чтобы вновь обрести себя».

Я свернула листок вчетверо — он был изготовлен из незнакомого мне хрупкого и в то же время гибкого материала, — сунула записку в карман, быстро спустилась по ступеням и нырнула в холодный туман. Снаружи снова шел снег, хотя

и не сильный. Я не боялась, что не найду космолет, но опасалась, что меня могут остановить. У подножия башни я заметила пару путтиорян-охранников. Обогнув башню, я бросилась бежать. Вскоре я оказалась на дороге, по которой пришла в город. Я бежала без остановки, спотыкаясь и тяжело дыша. Пару раз я едва не упала в придорожную канаву, — заметенная снегом, она показалась мне тропинкой. Я размышляла о том, где сейчас Назар. Продолжает ли он свой путь или упал в снег и умирает? Эти мысли казались странными и непривычными — ведь мы не должны умирать! Сириане с Планеты-Матери могли обновлять свои тела почти бесконечно. Смерть для нас была чем-то запредельным. Неужели Канопус распоряжается телами как машинами или одеждой?

Вскоре сквозь снежную мглу я увидела мягкий блеск космолета. Я проворно забралась в него, и через минуту мы уже взлетели над густой белой пеленой. Внизу промелькнули коричневые конусы, торчащие из белого покрывала, и вскоре мы поднялись над облаками, и я увидела над собой ночное небо Роанды, усыпанное мерцающими звездами. Я поискала глазами звезду, которая освещала мой родной Сириус, но мы уже летели

над южным полушарием. Белые просторы внизу сменили горные цепи, а потом безбрежный океан.

Подводя итоги своего визита на Роанду, я разработала программу проведения экспериментальных исследований, но она не имеет отношения к теме данного отчета.

На этом я завершаю свой рассказ о встречах с Канопусом в Коши и о городах в восточной части Основного Материка.

Планета 3(1). Обитатели Планеты 9

Долгое время я находилась вдали от Роанды. Я работала в другой части Сирианской империи, в основном занимаясь психологическими проблемами, связанными с сокращением численности населения. Нельзя сказать, что эта работа доставляла мне удовольствие, и если бы эти проблемы не были столь остры и зачастую опасны для империи, я бы непременно побывала на Роанде, чтобы лично проконтролировать ход проводимых там экспериментов. В этот период там не проводилось социологических исследований, речь шла лишь о небольших работах по генной инженерии.

Я смогла с чистой совестью вернуться домой, лишь когда встал вопрос о Планете 3(1) и ее будущем и мне пришлось участвовать в дискуссии о нашей дальнейшей стратегии. Я надеялась, что после этого меня вновь направят на Роанду.

Дебаты оказались длительными и бурными. Наше решение не присоединять к Сирианской империи новые планеты оставалось в силе. Планета 3(1) была спутником Планеты 3, которая использовалась весьма активно. При этом мы никогда не занимались развитием ее спутника

— Планета 3(1) была практически лишена кислорода, хотя считалась весьма перспективной. Освоение 3(1), богатой различными полезными ископаемыми, началось в период интенсивного расширения империи. Но реализация программы по сокращению численности населения привела к тому, что необходимость в новых запасах полезных ископаемых отпала. Полагаю, сказав, что мы попросту забыли про Планету 3(1), я буду недалека от истины. Жизнь на Планете 3 шла своим чередом, и ее обитатели тоже не интересовались судьбой спутника, вспоминая о нем лишь в связи с изменениями уровня гравитации.

Вопрос об освоении 3(1) возник вновь, поскольку сотрудники Колониальной Службы в глубине души всегда тосковали по былым временам. Не сомневаюсь, что эти слова могут спровоцировать весьма нелицеприятные высказывания в мой адрес. Но зачем скрывать правду? Я считаю, что первопричина очень многих проблем и неприятностей нашей службы — потребность действовать. Сирианам необходимы ситуации, которые позволяют испытать себя, требуют напряжения сил. Такова наша натура. Освоение новых планет позволяет удовлетворить эту потребность. Хотя расширение Сирианской им-

перии нельзя назвать естественным процессом, оно создает все условия для самореализации. Когда Колониальная Служба просто следила за порядком на планетах, что не требовало особых усилий, ее сотрудники относились к своей работе без воодушевления, считая, что она не позволяет им расти и развиваться. Не зря мы то и дело изобретаем разнообразные программы, которые помогают персоналу службы не потерять форму.

Планета 3(1) вновь привлекла наше внимание потому, что значительная часть моих коллег, и в первую очередь молодежь, жаждала настоящих трудностей, мечтала бороться и рисковать. Людям хотелось смотреть в лицо опасности — настоящей опасности, а не той, что возникает время от времени при всплесках недовольства населения. Впрочем, я не хочу поднимать здесь метафизические вопросы! В мои намерения не входит углубляться в сферы, детально исследованные специалистами в области социальной философии. Скажу одно — на многих планетах со стабильной и хорошо сбалансированной экономикой мы в определенные эпохи намеренно распространяли слухи о несуществующих опасностях, поскольку людям это шло только на пользу. Мы внушали населению мысль о том, что

нам угрожают Путтиора и Шаммат, выдумывали истории о надвигающихся космических катаклизмах — например, о приближении комет или неблагоприятном расположении звезд — и даже провоцировали небольшие восстания. Все это делалось для того, чтобы людям не казалось, что их жизнь лишена смысла, — ведь если пустить дело на самотек, мысли о бесцельности существования вполне могут привести к массовым самоубийствам.

Именно по этой причине мы пересмотрели свое отношение к Планете 3(1). Впрочем, — и это весьма показательно — данное соображение даже не упоминалось в пресс-релизе, который подводил итоги Конференции. (По моему опыту, такова общая закономерность: важнейший фактор, который определяет ход событий, решение или изменение курса никогда не упоминается, и подлинная причина всегда прячется за второстепенными и несущественными.)

В пресс-релизе были перечислены следующие причины.

1. Планета 3(1) — единственная колония, которая осталась неосвоенной.

2. Проводя параллель с реалиями далекого прошлого, можно уподобить ее заброшенному полю

в крепком крестьянском хозяйстве. (Молодые сотрудники обожали поэтические сравнения, от которых веяло ароматом старины.)

3. Использование этой планеты, расположенной недалеко от Сириуса, выгоднее, чем использование более отдаленных планет, богатых минералами.

4. На Планете 3 заметны знакомые симптомы нравственного застоя, поэтому дебаты и разногласия, которые породит решение возродить ее спутник, пойдут ее жителям на пользу.

5. 3(1) поставит перед нами новые проблемы, и их решение углубит наши научные знания.

6. Наш персонал на Роанде неоднократно оповещал Колониальную Службу, что территории Сирианской империи страдают от перенаселения людьми и иными видами живых существ — таков результат наших необдуманных экспериментов. При создании соответствующих атмосферных условий на 3(1) следует учитывать условия на Роанде. (Подробности см. в Приложении.)

Я послала запрос на Канопус, спрашивая, сможет ли он выделить нам часть своих территорий на ограниченный период времени. В этом вопросе была доля лицемерия, которую кто-то назовет обычной дипломатией. Дело в том, что мы не

знали точно, на какой срок нам понадобится эта территория. Нам были нужны самые высокие горы. Очень высокие горы в южной части Основного Материка. Теперь в результате смятия и изломов земной коры во время пресловутых «Событий» они стали выше и занимали еще более обширную территорию. По данным нашей разведки, Канопус практически не использовал эти гористые зоны. (Позднее выяснилось, что мы ошибались.) Тем не менее, на данный запрос Канопус ответил, что не может предоставить в наше распоряжение эти территории или их часть и хочет обратить наше внимание на достаточно высокие горные цепи на Втором Южном Континенте. «Вот спасибо!» — подумала я. Эти горы действительно вполне годились для нашей цели. Стремление хотя бы временно проникнуть в Большие горы Канопуса имело вполне определенную причину — по данным наших отчетов, именно там находился Клорати. Других сведений о нем меня не было.

Как не было и сведений о Назаре.

История наших взаимоотношений с Назаром отступила для меня на второй план вскоре после того, как мы расстались. Ситуацию не изменил и чрезвычайно любопытный отчет о конференции

на Канопусе, которая вызвала «небывалый интерес общественности». Там обсуждался вопрос о Роанде — не пора ли окончательно отказаться от этой планеты.

«Политике властей» был брошен вызов. «Бурные и продолжительные дебаты, в ходе которых обсуждались принципы колониальной политики Канопуса, закончились тем, что большинство проголосовало против отказа от Роанды». И все же колониальная политика претерпела беспрецедентные изменения. «Недовольное меньшинство внесло предложение, которое было принято. Было решено, что, за исключением ограниченного круга должностных лиц, на Роанде должны работать только добровольцы и направлять туда людей вопреки их желанию недопустимо». Эти принципы были очень близки Сириусу. Таким образом, на Канопусе состоялась конференция, где обсуждались условия работы на Роанде (или Шикасте). В необходимости подобных шагов я когда-то убеждала Назара. В свое время он высмеял эту идею, но теперь она стала реальностью. И все же у меня имелось слишком мало информации. Все сведения, которыми я располагала, были получены даже не из вторых рук. Один из наших сотрудников, который отправился в Колонию 10

для планового обмена информацией с тамошними чиновниками, услышал упоминание об этой конференции в частной беседе и стал наводить справки, не представляя ее подлинного исторического значения… Впрочем, может быть, она и вправду была не так уж важна. Откуда мне знать, какое значение придает тем или иным событиям Канопус, который соизмеряет все с пресловутой «Необходимостью»? То, что горстка должностных лиц — по всей вероятности, временно — разошлась во мнениях с высшим руководством, еще не означало, что речь идет об эпохальном событии! Сотрудникам моего уровня постоянно приходится решать вопросы такого рода, и для меня это не более чем рутина. И все же эта конференция состоялась, хотя некогда Назар высмеял саму мысль о ней… Полагаю, я осветила этот факт достаточно подробно, и дальнейшие умозрительные построения на данную тему неуместны.

Причина, по которой я не описываю свое пребывание в Коши во всех подробностях, состоит в том, что этот визит дался мне очень нелегко. Такова реальность. То, что я узнала, заставило меня во многом пересмотреть свои взгляды. В том числе и принципы, которых я придерживалась как официальный представитель Сириуса. Я часто

вспоминала, как Назар называл меня сирианкой. Теперь во мне словно было два разных человека. Я чувствовала, что совершаю предательство. Я усомнилась в правоте Сириуса. Кто и когда делал это до меня? Я не припоминаю такого! Сириусу приходилось сталкиваться с восстаниями в своих колониях и недовольством политикой властей, но даже в ходе подобных актов гражданского неповиновения никто не позволял себе усомниться в наших основных принципах. Взять знаменитую «экзистенциальную проблему», при ее решении не было и речи о нарушении границ, установленных Сириусом. Однако когда я под влиянием представителей Канопуса проникалась иным образом мышления, я начинала сомневаться в фундаментальных принципах, на которых зиждилась Сирианская империя.

Я не желала стать изгоем в родной империи. А дело шло именно к этому. Может быть, мне следовало выйти вперед на одной из конференций по Всеобщей Стратегии и сказать — но что? Заявить, что, по моему мнению, Канопус действует тоньше и достиг большего, чем Сириус, и что мы должны пойти к нему на поклон и смиренно просить наставить нас на путь истинный? На это я была не способна. В данном отчете — или, если

угодно, воспоминаниях — я уже давала понять, что наша позиция в отношении Канопуса делала это немыслимым.

А может быть, я должна была начать пропагандистскую работу среди моих коллег и ближайших друзей, убеждая членов Большой Пятерки, Амбиена Первого и своих детей в необходимости сменить верховную власть, что постепенно позволит изменить Сирианскую империю в целом? Однако, чтобы создать сплоченную группу единомышленников, требуется трудиться долгие годы, и мы предпринимали подобные меры, лишь сталкиваясь с инакомыслием в масштабах планет и повстанческими движениями.

Хотя я обдумывала и тот, и другой вариант, мне и в голову не приходило, что я и впрямь буду действовать подобным образом. Существует понятие искусства возможного. Для человека в моем положении, с моим опытом и моим характером было немыслимым приняться за создание революционных ячеек.

Какие тут имелись альтернативы? Да никаких, вынуждена твердо заявить, что в моем понимании их просто не было. Я чувствовала, что у Канопуса есть собственные идеи… Я много думала об истории своих отношений с Канопусом

— о собственных промахах и об уроках, которые извлекла. Имея огромный опыт практической работы, я привыкла оперировать фактами, когда они были очевидны. Чем больше у тебя опыта, чем глубже ты погружен в процесс и чем пристальнее наблюдаешь за жизнью, тем лучше понимаешь факты. С годами сокровищница твоих знаний растет. Чтобы правильно понимать факты, не годятся готовые формулы — нужно пропустить их через себя, ощупью продвигаясь вперед. Размышляя о своих отношениях с Канопусом, я поняла, что они имеют определенный смысл. В этом я не сомневалась. Выбросить эту мысль из головы означало отказаться от всего, чему я успела научиться за долгие годы работы. И все же пока мне было не по силам постичь этот смысл. Тогда я решила отложить это до лучших времен. Долгое время я была занята работой, которая не доставляла мне удовольствия, — ее целесообразность вызывала у меня сомнения, а поскольку она казалась мне бесполезной — о да, это тоже предательство! — я чувствовала себя совершенно обессиленной. Я ощущала, что внутри меня неуклонно происходит становление личности, которая не подчиняется Сириусу.

Кем же я становлюсь? Неужели я превращаюсь

в канопианку?

Именно это побудило меня направить Канопусу запрос о возможности временного использования Больших гор.

И именно поэтому я была так расстроена, когда нам ответили отказом.

Это означало, что мне опять не суждено увидеть Клорати… Что ж, я снова взялась за работу, стараясь спрятать эти мысли в самый дальний угол своей души.

Если взглянуть на карту Второго Южного Континента, видно, что ближе к югу высоко в горах есть озеро.

Мы решили отобрать группу представителей одного из видов и приучить их к разреженной атмосфере с пониженным содержанием кислорода. На Планете 9 было несколько высокогорий, где обитали животные, которые привыкли обходиться сравнительно небольшим количеством кислорода. Эта способность сформировалась на протяжении нескольких поколений. Теперь нам требовался жизнеспособный вид, способный быстро адаптироваться к неблагоприятным атмосферным условиям. Обитатели Планеты 9 — холодной, сырой и унылой — были стойкими, суровыми и невозмутимыми. Мы переправили

30 000 особей этого вида на Роанду, где для начала поселили их на плато с сырым переменчивым климатом и достаточным количеством пищи. Там мы оставили их приспосабливаться к новым условиям под наблюдением наших сотрудников.

Тем временем, после тщательного обследования Планеты 3(1), там начались подготовительные работы.

Я решила слетать туда из любопытства, хотя, должна признаться, это было не то место, которое способно вызвать острый интерес.

Планета была сухой, холодной и пыльной. Она была покрыта полузамерзшими топями, где жили вялые ящерицы и лягушки. Растительность состояла из лишайников и любопытной разновидности болотных растений, которые порой вели себя как животные. Закрепившись одним концом в тине или ледяной слякоти, листья, ветви, усики расползались по поверхности почвы, временами приподнимаясь и переворачивая камни или закапываясь в грязь в поисках насекомых и ракообразных. Побеги были невероятно длинными, и одно такое растение могло покрывать площадь в квадратную милю. Эти растения оказались опасными для людей. Когда одна из наших сотрудниц пробиралась через заросли,

это создание, вытянув свои щупальца, рывком дернуло женщину за ногу, и она упала в топь. Ее едва успели спасти, потому что «растение» уже принялось сдирать с бедняги скафандр, вывинчивая шурупы, явно собираясь полакомиться тем, что находится внутри. Само собой, это «растение» привело в восторг наших естествоиспытателей, однако мой интерес к этому месту сводился к одному-единственному вопросу: насколько реальна возможность изменить климат этой планеты? Наши специалисты рассчитывали, что им удастся высвободить кислород, который содержался в почвах 3(1) в связанном состоянии.

Планета 3(1) в год совершала четыре оборота вокруг Планеты 3 и один поворот вокруг своей оси. Планета 3 находится далеко от солнца, а потому тоже отличается суровым, неприветливым климатом.

Я распорядилась следовать рекомендациям наших экспертов — они хотели повысить температуру на планете с помощью термоядерных взрывов — и вернулась в поселение в горах ВЮК.

Поскольку прошло уже достаточно времени, первое поколение испытуемых успело умереть, и теперь пришла пора обследовать его потомство на предмет возможных нарушений. Однако все

особи оказались в полном порядке. Хотя количество кислорода в атмосфере было на треть меньше, чем на Планете 9, наши испытуемые чувствовали себя прекрасно. Поэтому я решила, что продлевать период акклиматизации нет смысла, и распорядилась немедленно переселить всех как можно выше в горы. Новое место их обитания находилось на высоте 15 000 Р-футов, примерно в два раза выше, чем предыдущее. Количество кислорода здесь было намного ниже, чем на их родной планете. Специалисты, которые наблюдали за испытуемыми, сообщили, что их легкие начали увеличиваться. Я съездила посмотреть, как они устроились на новом месте. Обустраиваться в таких условиях было непросто, и я приказала отступить от правил и построить для них жилье. Неожиданно у нас появилась возможность воспользоваться жилищами из канопианского поселения на Северном Изолированном Континенте. Вот как это случилось. Я сидела, ломая голову, как решить проблему с жильем. В принципе, мы могли бы воспользоваться жилищами, построенными во времена ломби, но как назло у меня под рукой не было достаточного количества подходящих транспортных средств. И в этот момент я получила сообщение от Клора-

ти, который предлагал мне нужные материалы. Оказалось, что Клорати работал совсем близко от меня и знал, где я нахожусь. Машинально отметив это, я продолжила заниматься своей работой.

Я не пошла встречать грузовой корабль, поскольку думала, что Клорати вряд станет сопровождать его лично. Мы подняли материалы на плато в горах, и вскоре поселение было готово. К готовым модулям прилагались чертежи, и мы без особого труда собрали двухэтажные деревянные домики.

Обитатели Планеты 9 были не самыми привлекательными существами, которых мне приходилась видеть. Небольшого роста — не более трех-четырех Р-футов, — коренастые, они были покрыты густой шерстью, которая стала еще гуще в условиях холодного горного климата. Крупные, блестящие голубые глаза смотрели из-под низкого лба, заросшего густым рыжеватым мехом. Их приплод составлял три-четыре, реже пять детенышей, но пока у них появилось только по два, самое большее по три. Они были сильны физически, но самое главное — были отважными и выносливыми. Поэтому они не ломались, сталкиваясь с трудностями.

Я наблюдала, как эти создания медленно бродят по заснеженной равнине, без страха встречая любое испытание, — их не смущали ни мои визиты, ни появление специалистов, которые наблюдали за ними. Чтобы тверже стоять на ногах, они опирались на толстые, тяжелые палки и широко расставляли мохнатые ноги… Медленно, с трудом они поворачивали в мою сторону головы, поблескивая холодными голубыми глазами… Когда я видела их недоуменные застывшие взгляды, мне казалось, что эти животные находятся в состоянии наркотического опьянения или транса. В свое время я наблюдала за представителями этого вида на Планете 9. Тогда они были пусть не веселыми и юркими, но более оживленными. Признаюсь, мне было жаль их. Перед началом эксперимента беднягам сказали, что Сириус поручает им дело чрезвычайной важности и что империя оценит их подвиг. Это ощущение важности своей миссии они передали потомству — их дети считали себя избранными. Наблюдатели рассказывали, что, отдавая распоряжения молодым особям, старшие всегда говорили о том, что им уготована «особая судьба», и упоминали об их «непревзойденных качествах». Все это было отрадно.

В долине, где их поселили, было прекрасное озеро. Лето здесь продолжалось три месяца. За это время успевали созреть скороспелые зерновые культуры, которые мы завезли с Сириуса. Такие культуры хорошо росли в засушливых зонах и давали урожай через три месяца. Зерно служило для наших испытуемых основным продуктом питания. Кроме того, они выращивали кабачки и тыквы и разводили овец. Но не могли обеспечить себя полностью, поскольку условия их жизни были слишком суровы, а период снегопадов чересчур долог. Нам приходилось ежегодно пополнять их запасы съестного, объясняя, что так империя выражает им свою благодарность. В конце концов, в наши планы не входило выводить вид, который будет полностью самостоятелен в самых сложных обстоятельствах. Нам нужен был вид, способный выжить на ранних этапах освоения 3(1).

Я не собиралась оставаться в горах надолго. До меня дошли слухи, что поселение на склоне гор, где выходцы с Планеты 9 жили в период акклиматизации, посетили обитатели некоего «царства», которое находилось к северу от нас. Эти непрошеные гости пытались похитить несколько особей, по-видимому намереваясь превратить их в ра-

бов. Это было рабовладельческое государство чрезвычайно неприятного типа. Было понятно, что подобные попытки станут предприниматься и далее.

Так написано в моем отчете. Далее я совершила ошибку. Считая, что высота, на которой было расположено новое поселение, будет достаточным сдерживающим фактором, я не стала увеличивать штат наблюдателей.

Я послала в это «царство» разведчиков, попросив связаться со мной сразу, как только они что-то выяснят, а сама взяла корабль и отправилась в предгорья по другую сторону горной цепи, где теперь простирались джунгли, которые за последнее время покрыли значительную часть континента.

Я хотела навестить Амбиена Первого, с которым не виделась очень давно.

После того как ось планеты наклонилась и это привело к сезонным изменениям климата, в состоятельных кругах стало модным проводить отпуск на южных континентах, наблюдая смену «времен года». Впрочем, такие развлечения были доступны не только зажиточной публике. Для чиновников рангом пониже и даже для простых граждан, в первую очередь пожилых,

устраивались экскурсии на Роанду. Таким образом, планету посещали две категории туристов, для которых строились отели разного уровня. Моего старого друга Амбиена Первого назначили ответственным за прием рядовых граждан и колонистов. В сущности, его работа сводилась к надзору за подчиненными. Однако он сразу заметил, что не прочь отправиться в хороший отель, где мы могли бы побыть вместе.

Поскольку эта весьма приятная поездка не имеет отношения к теме данного отчета, я не буду рассказывать о ней подробно. Мы жили в поселении для отдыхающих, и из окон нашего домика с одной стороны открывался вид на горы, а с другой — на джунгли. Мы могли наблюдать, как на склонах гор тают снега и потоки сверкающей воды устремляются вниз. Мы оба были рады встрече и с удовольствием обменялись новостями, а их накопилось немало за то время, пока мы не виделись. При подсчете оказалось, что с момента нашей последней встречи прошло пятьдесят тысяч Р-лет! В последний раз мы виделись здесь же, на Роанде, когда совместно занимались обследованием наших лабораторий.

В тот раз нам показалось, что встреча была очень короткой, но нынешняя пролетела еще

быстрее. Я получила ряд донесений от наших разведчиков и понимала, что нужно немедленно принимать меры. Агрессивное «царство» направило в горы свои войска, которым удалось взять в плен около 2000 выходцев с Планеты 9. Судя по тому, что я успела выяснить про Гракконкранпатл, их ожидало мрачное будущее.

Обсудив все это с Амбиеном Первым, я выработала план действий. Мне было жаль расставаться с ним и не хотелось покидать место, где отдыхали выходцы из самых разных уголков нашей империи, наслаждаясь острыми ощущениями от меняющейся погоды. Смена «времен года» приводила их в восторг — подобное удовольствие можно было получить только на Роанде, во всяком случае, только здесь это явление принимало такие масштабы.

Понаблюдав за реакцией отдыхающих, мы посоветовали группе медицинских экспертов побывать на Южных Континентах, чтобы решить, не поможет ли смена времен года исцелять определенные психологические расстройства — в частности, меланхолию или переутомление на почве попыток решить «экзистенциальную проблему», — словом, облегчить состояние тех, кого «заела экзистуха», как насмешливо опреде-

ляла это эмоциональное расстройство молодежь. Наши рекомендации были выполнены. Группа специалистов-медиков изучила условия на обоих континентах и согласилась с нашими — предварительными — выводами. Там были созданы клиники, и вскоре Роанда стала одним из самых популярных мест для лечения подобных недугов.

Другим положительным результатом было появление нового направления в литературе. В наших библиотеках его называют Эманации Времен Года. Сегодня немногие знают, что это древнее литературное направление зародилось на Роанде в ту давнюю эпоху, когда эта планета служила местом отдыха и лечения эмоциональных расстройств.

Гракконкранпатл

Как обычно, для начала я осмотрела этот район с воздуха. Мне предстояло решить, стоит ли обнаруживать свое присутствие. Поразмыслив, я решила, что лучше остаться незамеченной, и выбрала корабль, который с земли похож на световое пятно в облаках. Он развивает огромную скорость, поэтому те, кто находится внизу, видят лишь сверкающий проблеск в небе. Я выбрала день, когда дул сильный ветер, по небу быстро плыли белые облака и ярко светило солнце. Все это позволило мне достаточно долго летать над Гракконкранпатлом, не привлекая к себе внимания.

То, что я увидела, мне не понравилось. Самым неприятным было то, что с несчастными выходцами из Колонии 9 обращались очень дурно. Чтобы обдумать увиденное в одиночестве, я отправилась в бывшее Главное управление, где когда-то мы наблюдали за ломби и проводили другие эксперименты.

Вот что я увидела сверху.

В просветах между горами мелькала синева океана, а внизу было то, что на первый взгляд по-

казалось мне нагромождением огромных камней кубической формы. Растительность выглядела буйной, все было покрыто густой зеленью. От камней ее отделяли небольшие расчищенные участки красноватой земли. Массивные каменные кубы были унылого серо-голубого цвета, который напомнил мне окраску распространенной разновидности клещей, паразитирующих на животных. Скопление огромных камней оказалось городом, и, присмотревшись, я обнаружила, что кубы — это здания из тесаных камней. Мрачный цвет этих бесформенных сооружений таил в себе нечто угрожающее, я сразу почувствовала, какое это страшное место. Сам город был невелик. Здесь не было ни садов, ни зелени. Не было и обычной для любого города центральной площади. Всего одна не слишком длинная улица, точнее узкая прямоугольная площадка между двумя огромными зданиями, обращенными фасадами друг к другу. На этих фасадах не было окон. На других зданиях их тоже почти не имелось. Именно поэтому город выглядел таким мрачным. Это унылое зрелище немного разнообразили плоские крыши.

Я никогда не видела подобных городов, и если бы не донесения наших разведчиков, я бы не

поняла, что здесь происходит. По внешнему виду трудно было сделать какие-либо выводы в отношении социальной структуры. Я знала, что это богатая культура с многочисленной правящей элитой, которая принадлежит к одной расе, а также с рабами и слугами, в которых превращают пленников и чужеземцев.

Здесь не было богатых и бедных кварталов. Каждое из огромных мрачных зданий представляло собой общество в миниатюре, давая пристанище и богатым хозяевам, и их прислуге. Богатые жили в парадных покоях на верхних этажах, где было больше окон, и отдыхали на крышах, оборудованных навесами, которые защищали от солнца, и ширмами, заслоняющими от ветра. Рабы ютились в темных подвалах, напоминающих склепы. Общественных или публичных мероприятий не проводилось. Здесь не было празднеств, совместных развлечений, бань, магазинов или закусочных.

Вокруг центральной части города, сердца Гракконкранпатла, на пологих склонах располагались крестьянские хозяйства и рудники. Они тянулись на многие мили и занимали огромные территории. Сельским хозяйством занимались рабы. Они жили в длинных, унылого вида зда-

ниях, сложенных из тесаных камней. Сверху все эти здания выглядели одинаково. Здесь были и тюрьмы. Даже из своего корабля-разведчика я видела, что там большие группы рабов работали под охраной вооруженных надсмотрщиков. Я вспомнила ровные ряды деревянных хижин в горах, где выходцы из Колонии 9 привыкали к новому климату, и мысль о том, что скорей всего они чувствуют себя ничуть не лучше, чем эти несчастные, пронзила меня острой болью. Впрочем, за ними наблюдали ради их же блага — мы следили за их здоровьем и, разумеется, не позволяли никому сбежать, поскольку побег угрожал их благополучию. Да и наши наказания имели мало общего с теми, что применялись здесь.

И все же я должна отметить, что это невольное сравнение не доставило мне удовольствия, и несколько минут я мучительно размышляла об экзистенциальной проблеме.

Вдалеке от города, там, где заканчивались сельскохозяйственные угодья, начинались рудники. Здесь широко применялись самые разные полезные ископаемые. На рудниках высились такие же зловещие строения. Из Гракконкранпатла вниз по горному склону вела идеально прямая мощеная дорога — темно-серая полоса, прорезаю-

щая густой лес. Казалось, ее построили безумцы. Они не учитывали рельеф местности, не обращая внимания ни на подъемы и спуски, ни на горы и пропасти. Дорога не огибала горы, а прорезала их насквозь. Ущелье шириной в несколько миль было засыпано булыжником, и дорога была проложена по этой насыпи. Казалось, какой-то ополоумевший тиран отдал приказ: «Проложите дорогу, которая ведет прямо к океану!»

Позднее я узнала, что все произошло именно так. Сотни тысяч рабов погибли, строя эту дорогу.

Из своего корабля я видела длинные вереницы вьючных животных, груженных рыбой, которые тянулись в город с морского побережья. К основной дороге на всем ее протяжении примыкали дороги поменьше, тоже идеально прямые, по которым в город везли сельскохозяйственную продукцию и полезные ископаемые.

Мне предстояло решить, как преподнести себя обитателям Гракконкранпатла.

Мой опыт общения с подобными культурами был весьма скуден. Разумеется, те или иные разновидности «религий» встречались повсеместно. Но на Роанде — и в этом была виновата Шаммат — получили широкое распространение теокра-

тии, то есть общества, социальная структура которых определялась религиозной иерархией. Духовенство было всемогущим — оно правило государством, передавая власть по наследству, и держало в подчинении рабов.

Основной бедой Гракконкранпатла был цинизм духовенства.

Жрецов было не запугать с помощью «религии» — они не боялись своих божеств. Изучая отчеты о церемониях и обрядах, я пришла к выводу, что поскольку по меркам Роанды они правили достаточно долго, более тысячи лет передавая власть из поколения в поколение, вполне вероятно, что эти люди и вправду верили в свои отвратительные измышления.

В основе «религии» Гракконкранпатла лежала практика ритуальных убийств. Помимо того что я считала этот обычай варварским, он всегда поражал меня как крайне невыгодный экономически. Для населения необходимо создать такие условия, чтобы оно могло воспроизводить себя, поставляя государству трудовые ресурсы. Иначе обществу придется покорять более слабые культуры, чтобы обеспечить приток рабов.

Огромное количество несчастных созданий непрерывно «приносилось в жертву», и это дела-

лось самым отвратительным методом. У живой жертвы вырезали сердце. Так продолжалось веками. Узнав об этом, я долго размышляла о природе подчиненных классов и рас, которые можно заставить верить или покоряться.

Читая про этот обычай, я задумалась о его происхождении. И здесь мне на помощь пришли воспоминания о встречах с Канопусом и донесения наших агентов. Канопус всегда и везде старался нейтрализовать влияние Шаммат, смягчая природное стремление «принести в жертву сердце». Я пришла к выводу, что в процессе вырождения Роанды, о котором так красноречиво рассуждал Назар, это экспрессивное выражение стало восприниматься буквально. Если это так, подумала я, значит, за долгое время, которое прошло с тех пор, как я была здесь в последний раз, эта планета еще больше приблизилась к первобытному состоянию.

Мне подумалось, что в культуре, которая тяготеет к убийству, я тоже могу стать жертвой, но постаралась отбросить эту мысль — ведь в донесениях наших агентов говорилось, что в жертву приносили провинившихся рабов или пленников из других племен. Иными словами, я не годилась на роль жертвы. Опасные ситуации в

нашей жизни были чрезвычайно редки, и я, как и прочие представители администрации Сириуса, привыкла считать себя чуть ли не бессмертной! Поэтому я спокойно и бесстрашно шагнула навстречу самой большой опасности в своей жизни. Это была не смелость. У меня просто атрофировался инстинкт самосохранения.

Сначала я хотела взять с собой большую группу сопровождающих, но потом решила, что делать этого не стоит. Все жители Гракконкранпатла — и правители, и рабы — были темнокожими. Я планировала отправиться на курорт, где отдыхали сириане, и поискать среди представителей белокожих рас добровольцев, предпочтительно белокурых. Я представляла, какой фурор произведет неожиданное появление группы гонцов в серебристых костюмах среди меднокожего населения. Я неоднократно наблюдала, какое впечатление производило на жителей Планеты 2 появление огромных чернокожих субъектов с коническими узкими головами и тонкими чертами лица. Поначалу мне нравилась идея появиться в Гракконкранпатле в сопровождении себе подобных, но потом я поняла, что у этого плана есть свои недостатки.

Имелся также и другой план. Можно было

отправить в Гракконкранпатл прозрачные сферические корабли-разведчики с тем, чтобы они парили над городом, пока его жители не поймут, что им грозит опасность. После этого можно с помощью громкоговорителей пообещать, что город будет разрушен, если набеги на наши поселения не прекратятся.

Но я не любила ложь и предпочитала не использовать без необходимости сложные технические средства.

Каковы были самые простые средства в моем арсенале?

Следовало отправиться туда одной и потребовать, чтобы мне позволили побеседовать с Верховным Жрецом с глазу на глаз. Я скажу ему то, что считаю нужным: если он думает, что склоны гор безраздельно принадлежит ему, он заблуждается. На самом деле здесь владычествуют «Боги». Астрономия Гракконкранпатла достигла неплохого уровня, жители города знали достаточно много о перемещениях звезд и были способны оценить их влияние на погоду и урожай. Их вполне можно убедить сделать еще один шаг вперед и узнать, что Боги, которые властвуют над ними, живут на далеких звездах. Я представлюсь ему Богом.

С точки зрения жителей Роанды, это не было ложью.

Я поручила одному из наших разведчиков тайно пробраться в город и доставить туда письмо, написанное на материале, не известном на Роанде. Письмо уведомляло жителей города, что скоро с небес к ним спустится Посланник Богов.

Я выждала некоторое время, чтобы новость успела распространиться, и, воспользовавшись случаем, нанесла еще один непродолжительный визит Амбиену Первому.

Я отправилась в Гракконкранпатл на военном корабле, который вызвала с Сириуса специально для этой цели. Наши специалисты по контролю гражданского населения в свое время получили задание спроектировать космический корабль, одно появление которого будет наводить ужас. Этот корабль был чрезвычайно быстроходным, мог зависать на одном месте или делать круги над объектами, вести огонь в любом направлении, молниеносно садиться и взлетать. Он перемещался абсолютно бесшумно. Корабль был черного цвета с единственным тускло-красным глазом. Он испускал лучи, способные временно парализовать все живое. Больше всего его создатели гордились внешним обликом своего

детища. Корабль был воплощением неумолимой, безжалостной силы. Трудно было сохранить самообладание, когда сверху на тебя смотрел суровый и бдительный красный глаз. Эта машина использовалась очень редко. У обитателей наиболее развитых планет он вызывал всего лишь небольшое волнение. На отсталых планетах, например в Колонии 24, куда перевезли ломби, на него реагировали очень остро — его появление могло полностью разрушить существующую культуру. Но для моих целей эта машина подходила идеально.

Так я думала. И была права. Но я не знала, что мне следовало заказать целую эскадру таких кораблей, а самой не показываться вообще…

Корабль высадил меня в городе на такой скорости, что я не успела заметить, что центральная улица битком набита людьми. При этом толпа выглядела организованной и целеустремленной. Я стояла в конце улицы — у меня за спиной был хмурый фасад одного из двух длинных зданий. Улица оказалась длиннее, чем выглядела с воздуха. Она словно стала у́же из-за того, что вдоль тротуара стояли неподвижные фигуры, напоминающие изваяния. На них были длинные темно-серые балахоны до щиколоток, а их лица

скрывали надвинутые на лицо капюшоны с узкой прорезью для глаз. Расставив ноги в прочных кожаных башмаках, они держали наперевес длинные железные пики.

На фоне безликих домов эти мрачные фигуры смотрелись вполне органично. За спиной охранников неподвижными группами стояли обитатели домов — члены семейных кланов, с головы до ног закутанные в одинаковую черную одежду. Открытыми оставались только лица. Их выражение заставило меня содрогнуться. Жестокие, грубые и властные, они были похожи как две капли воды, точно передо мной была одна огромная семья. На головах у этих людей были жесткие конические шляпы из черного фетра. Именно такими шляпами Канопус некогда предписывал пользоваться своим эмиссарам. В руках элиты Гракконкранпатла не было оружия.

На некотором отдалении прямо передо мной стояла большая группа жрецов. На фоне серых балахонов охраны и черных одеяний представителей элиты их алые, желтые, зеленые и синие одежды казались ослепительно яркими. В ожидании жрецы безмолвно стояли у безглазой стены храма, ибо два хмурых здания, возвышавшихся друг напротив друга, были храмами.

Хотя и не сразу, я догадалась, что они собрались по случаю моего прибытия и что им было точно известно, в какой день и час меня ожидать. А ведь я решила, когда именно появлюсь здесь, всего два дня назад.

Я поняла, что совершила чудовищную ошибку. Во-первых, мне не следовало надевать легкое белое платье, поскольку здесь оно выглядело недостаточно официально. (Разумеется, на мне были украшения, предписанные Канопусом, — кое-что было спрятано под одеждой, другие — в том числе ожерелье из канопианского серебра и тяжелые браслеты — видны всем.) Должно быть, для этих людей, которых могло впечатлить лишь нечто грандиозное и жуткое, я была чем-то вроде сухого листа или мертвой травинки. Букашкой, которую можно раздавить одним пальцем.

В мертвой зловещей тишине я медленно двинулась вперед. В прорезях темных капюшонов поблескивали глаза. Я живо представила себе мрачные, свирепые лица охранников.

В горле у меня пересохло. Мои колени задрожали. У меня перехватило дыхание. Это были классические симптомы Страха, которого я не испытывала много лет. Это показалось мне чрезвычайно любопытным. В то же время я про-

должала анализировать ситуацию. Плохо, если местные жители желают мне зла, а судя по всему, у них были дурные намерения. Я попросила, чтобы космический корабль скрылся из виду и не возвращался без моего сигнала. Однако чтобы подать сигнал, нужно, чтобы набор ритуальных предметов оставался при мне.

Когда я преодолела примерно половину улицы, от группы жрецов отделились четверо. Они были в таких же черных одеяниях, как и другие аристократы. Они стремительно двинулись мне навстречу — двое зашли сзади, другие двое встали передо мной. От них исходил ужасный запах — густой, холодный, мертвый дух.

Я поняла, что меня взяли под стражу.

Когда я вплотную приблизилась к группе жрецов в ярких одеждах, богато украшенных золотом и драгоценностями, мои конвоиры вновь встали в строй, присоединившись к своим семьям. Судя по всему, у каждого из присутствующих было свое строго определенное место — здесь не было ни тех, кто действовал импульсивно, ни зевак, которые наблюдают за происходящим с крыш. Рабы, по-видимому, сидели в темных подвалах. Потом я узнала, что во время кровавых жертвоприношений рабов сгоняют на место убийства,

и они толпятся на небольшом пятачке под присмотром охраны.

В этом городе не имелось ни единого человека, чье местопребывание было не учтено или неизвестно.

Я стояла, не произнося ни слова. Иногда молчание тоже может стать оружием.

Жрецы тоже молчали, разглядывая меня презрительно и высокомерно. Однако я не опускала глаз, время от времени поглядывая по сторонам, показывая, что происходящее нимало меня не смущает.

Рядом с группой жрецов сидели два крупных зверя из семейства кошачьих с желтыми шкурами, испещренными черными пятнами, и большими зелеными глазами. Этот вид был мне не знаком. Оба сидели так неподвижно, что сначала я приняла их за изваяния, но потом заметила, как их грудная клетка поднимается и опускается в такт дыханию. Животные были без цепей и ошейников. Рядом с каждым стояла высокая женщина в юбке, обнаженная до талии. Тела обеих женщин были расписаны причудливыми узорами, в которых соски и пупок изображали глаза. Звери пристально смотрели на меня. Я поняла, что эти специально выдрессирован-

ные твари могут разорвать меня в клочья. Мне вспомнилось, что в свое время я изучала особую технику обращения с животными, которую до сих пор не имела случая применить. Я заставила больших кошек лечь и вытянуть перед собой лапы. Теперь они смотрели не на меня, а поверх голов безмолвной толпы.

Услышав, что жрецы еле слышно перешептываются между собой, я снисходительно улыбнулась и сказала:

— Я прибыла со звезды Сириус. Это ваш Господин и Повелитель.

Я произнесла эти слова достаточно громко, стараясь, чтобы меня услышали хотя бы охранники, которые стояли рядом со мной. Они еле заметно зашевелились. Я понимала, что теперь жрецам придется что-то предпринять.

Четверо в черных одеждах вновь приблизились ко мне и стали подталкивать меня к жрецам, пока те не взяли меня в кольцо. Со всех сторон ко мне были обращены мясистые бронзово-красные злые лица с пустыми черными глазами. Жрецы стали подталкивать меня к низкому входу в храм. Оттуда тянуло запахом несвежей крови. Кровь на этой планете представляет собой густую, легко разлагающуюся субстанцию с характерным

запахом. В храме было темно, лишь в вышине, под самой крышей, горели тусклые огни. Подталкиваемая сзади, я шла по узким коридорам, за которыми открывались еще более длинные и темные коридоры, холодные и пахнущие плесенью. По-видимому, я оказалась в подвале одного из огромных зданий, а возможно, несколько раз успела перейти из одного в другое под землей. Мы проходили мимо рабов, несчастных, мертвенно-бледных созданий, которые испуганно жались к стенам при виде моих спутников. Коридоры были слабо освещены тусклыми светильниками на стенах. Я оказалась в преисподней, где обитали рабы. В конце концов меня втолкнули в холодное, темное помещение и задвинули засов на тяжелой двери.

Я осталась одна. Вокруг — сплошной холодный серо-голубой камень. Помещение было не таким уж маленьким, но низкий потолок и почти полное отсутствие света делали атмосферу гнетущей. Здесь уместно напомнить, что, хотя Сириус уже тогда знал, что пропорции зданий влияют на психологическое состояние их обитателей, наши познания в этой сфере не могли сравниться с познаниями Канопуса. Моя темница была создана для того, чтобы приводить в уныние, угнетать, по-

рабощать. Надо сказать, что в Гракконкранпатле такие пропорции использовались повсеместно, даже в домах для правящего класса. Узнав об этом, я пришла к выводу, что данная культура сформировалась под влиянием Канопуса, а затем деградировала под воздействием Шаммат.

Стены были сложены из больших тесаных камней. Пол и потолок тоже были облицованы камнем. Дверь, вытесанная из монолитной каменной плиты, перемещалась в специальном пазу. Окон не было. Две небольшие масляные лампы стояли на камне кубической формы, который служил столом. Вдоль стены тянулся выступ, который можно было использовать как скамью. Серо-голубой камень не отражал свет. Духоты не было. Откуда-то поступал воздух.

В этом каменном склепе не было ничего, что могло бы успокоить или ободрить. По-видимому, те, кто захватил меня в плен, поместили меня сюда, чтобы сломить мою волю, намереваясь запугать меня, а возможно, и подвергнуть пыткам.

Я села на скамью и устроилась поудобнее, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию.

Самым важным был тот факт, что здесь знали, когда я появлюсь, и были готовы к этому. Это означало, что местным жителям известно о нашей

деятельности на этом континенте куда больше, чем мы думали. Разумеется, мы всегда учитывали возможность шпионажа или определенного интереса со стороны местных жителей, но то, как меня встретили, показывало, что дело зашло куда дальше. Мысленно перебирая своих друзей, местный персонал, сотрудников внутренних и межпланетных воздушных сил, я не находила среди них никого, кто мог бы совершить предательство. При этом мне не давала покоя одна мысль. Кто всегда знал обо всех наших перемещениях и планах? Канопус! Неужели Канопус снабжал это отвратительное государство сведениями про нас? Нет, это не укладывалось у меня в голове. И все же существовала определенная вероятность, которую нельзя было сбрасывать со счетов… Я решила, что вернусь к этой мысли потом, и снова стала анализировать сложившуюся ситуацию.

Если они собирались просто убить меня, они могли бы сделать это, как только я приземлилась или некоторое время спустя, не позволяя рабам узнать о моем существовании. Тот факт, что жрецы — правители государства — встречали меря в полном составе в сопровождении охраны, говорил о том, что скорей всего меня собираются

принести в жертву публично и, по всей вероятности, я стану главным участником омерзительной церемонии.

Я начала замерзать. Мне давно не было так холодно. Я заметила, что, по мере того как застывают члены, погружается в оцепенение и разум. В моем каменном склепе стояла абсолютная тишина.

Если они были так хорошо информированы о моих планах, зачем им меня допрашивать? Мои мысли начали путаться, и я решила пока не напрягать зря разум. Неожиданно огромная каменная плита отъехала в сторону, и в комнату вошла женщина. Это была рабыня. Ее лицо, смуглое от природы, побледнело из-за долгого пребывания под землей. Она была ниже ростом и более хрупкая, чем могучие охранники и представители правящей элиты. Но ее лицо было таким же жестоким, и по ее пустым злым глазам я увидела, что, если этой женщине прикажут, она убьет меня без колебаний. Она принесла миски и кувшины с едой и питьем. Я сказала рабыне, что очень замерзла. Она держалась так, словно не слышала моих слов. Приблизившись, она быстро оглядела меня с головы до ног, избегая смотреть мне в лицо. Затем принялась ощупывать меня,

по-видимому намереваясь отобрать у меня ожерелье и браслеты. Я видела, что этой женщине страшно прикасаться ко мне, но у нее не было выбора. То и дело поглядывая в сторону открытой двери, она осмотрела мои волосы, толстыми пальцами скользнула по моим предплечьям, а затем нагнулась и заглянула мне в глаза. Цвет моих глаз поразил ее, и некоторое время рабыня разглядывала меня с неподдельным изумлением. Я подумала, что с таким же любопытством она бы, наверное, рассматривала мой труп.

Внезапно она поднялась, повернулась и вышла. Я повторила, что замерзла, но она опять оставила мои слова без внимания.

Возможно, она была глухой. Или немой.

Кушанья оказались вполне съедобными. Сознавая, что в еду могли подмешать наркотики, я тем не менее принялась уплетать ее за обе щеки. С одной стороны, это объяснялось тем, что от холода я стала плохо соображать, с другой — я по-прежнему верила, что неуязвима и мне не грозит смерть.

Я понимала, что меня могут убить. Это был факт, который я принимала во внимание, но не могла осознать в полной мере.

Я, Амбиен Вторая, одно из высших должност-

ных лиц Синуса, принадлежала к расе, которая не умирает, за исключением несчастных случаев, например попадания метеорита в межпланетный корабль. Поэтому мой разум отказывался усвоить простую истину: «Я могу погибнуть в любой момент». Мне казалось, что со мной не может произойти ничего подобного. Я не понимала, каково жить этим несчастным — а ведь их жизнь не превышает четырехсот-восьмисот лет. Не успеешь родиться, уже готовься умирать. Ощущают ли они это? Понимают ли, как они недолговечны? Или те, кто живет на этой планете, попросту не в состоянии осознать этот факт?

Пока я ела, надеясь, что пища поможет мне согреться, мысли плыли у меня в голове точно облака, которые сначала растут, обретая форму, а потом постепенно тают.

Вскоре в мою камеру явилась другая женщина. Ее звали Родия.

Мне сложно вспомнить, какое впечатление она произвела на меня при первой встрече. Но я сразу сказала себе, что она не похожа на рабыню, которая принесла пищу. На ней была точно такая же одежда — длинные свободные брюки из синей ткани и блуза, подпоясанная кожаным ремнем, на котором висели ключи. Родия была тюремной

надзирательницей. Она была плотнее своей товарки, но ее смуглая кожа имела тот же бледный оттенок от недостатка солнца. В ее присутствии я сразу почувствовала такое облегчение, что невольно насторожилась, — будь бдительна, сказала я себе, возможно, это ловушка. Родия явно принадлежала к другой расе. Она была похожа на первую женщину — тот же цвет кожи, те же длинные черные волосы, — однако в ее движениях чувствовалась какая-то особая живость. Она подошла поближе и внимательно посмотрела на меня своими большими черными глазами. Казалось, Родия ожидает ответной реакции. Я улыбнулась ей, напомнив себе, что эта уловка — добрый и милосердный тюремщик — стара как мир. В руках у женщины был сверток из темно-синей шерстяной ткани. Она развернула его и протянула мне теплый плащ, в который я с благодарностью закуталась. Затем Родия взяла меня за руку и помогла встать, понимая, что от холода я стала неуклюжей. Ее руки были твердыми и уверенными, тогда как прикосновения другой надзирательницы казались пугливыми и вороватыми, словно змея ощупывала меня своим языком. Родия бережно подвела меня к двери и помогла выйти. Я окончательно растерялась. Я

твердила себе, что, если доверюсь ей, я горько пожалею. Стоило мне подумать об этом, женщина убрала руку с моего локтя, и я продолжала свой путь без ее помощи, спотыкаясь на каждом шагу. Мы шли по темным коридорам, освещенным тусклым желтым светом. Где-то наверху яркое солнце освещало заснеженные вершины гор. Но поверить в реальность этого факта было так же сложно, как и в то, что эта женщина может вонзить в меня нож.

Мы долго брели в темноте, время от времени поворачивая то в одну, то в другую сторону. Внезапно свет стал ярким, а пол под ногами — мягким, и я увидела яркие ковры и гобелены на стенах. Мы остановились. Перед нами была стена. Родия нажала на рычаг, который торчал из стены, и огромная каменная плита бесшумно отодвинулась в сторону. Я стояла у входа в ярко освещенную комнату с огромными окнами. Какое счастье вновь увидеть обычный дневной свет. Семеро высоких мужчин в уже знакомых мне черных плащах сидели за длинным деревянным столом. Восьмой стоял у окна вполоборота ко мне и смотрел наружу. И вновь мне сложно отделить то, что я узнала об этом человеке позднее, от того, что я почувствовала в тот момент. Я сразу поня-

ла, что он не принадлежит ни к расе жителей Гракконкранпатла, ни к расе надзирательницы, которая стояла рядом со мной. Он напоминал бессовестных и алчных пиратов Шаммат, которые посетили нас много лет назад, однако был выше ростом и более худощавым. У него были смуглая, но довольно светлая кожа, быстрые карие глаза, густые рыжие волосы и аккуратная кудрявая борода: прежний шамматянский тип, но гораздо более утонченный. Этот человек выглядел куда лучше, чем семеро в черном, которые смотрели на меня холодными и в то же время алчными глазами. Взглянув в его сторону с мольбой и надеждой, я внезапно услышала за своей спиной еле слышный шепот:

— Сирианка, будь осторожна.

Я не поверила своим ушам. Наверное, эти слова просто всплыли у меня в памяти или донеслись с далекой звезды. Немного скосив глаза, я увидела, что моя спутница остановилась чуть позади меня с неподвижным, бесстрастным лицом.

Я по-прежнему стояла в ожидании. Мужчина у окна тоже обернулся, и теперь меня изучали восемь пар холодных глаз. Пока никто не проронил ни слова.

Неожиданно один из мужчин поднялся из-за

стола, подошел ко мне, оценивающе осмотрел мои волосы и кожу, мою хрупкую фигуру, сорвал с меня плащ и, схватив меня за руку, рывком подтолкнул ближе к столу, за которым сидели шестеро его похожих как близнецы собратьев. Стоя у меня за спиной, седьмой взъерошил мне волосы, а затем поднял вверх сначала одну мою руку, потом другую — мои руки были обнажены, поскольку плащ валялся на полу. Потом принялся теребить мои браслеты — было видно, что он хочет забрать их себе. Затем, оставив браслеты в покое, мужчина принялся расстегивать ожерелье из канопианского серебра. От него исходил отвратительный запах, и мне стало дурно, но я спокойно сказала:

— Если ты отнимешь у меня эти вещи, тебе не поздоровится.

Когда я сказала это, шестеро мужчин за столом дружно посмотрели на того, что стоял у окна. Он с показным безразличием то поглядывал на происходящее в комнате, то отворачивался к окну, наблюдая за тем, что делается на центральной улице. Этот человек явно был здесь главным. Он мельком взглянул на остальных и еле заметно кивнул, это движение было таким мимолетным, что, если бы мужчина, который стоял у меня за

спиной, не перестал возиться с застежкой моего ожерелья, я бы решила, что оно мне почудилось.

Неужели у окна стоял сам Верховный Жрец?

Под платьем на мне был надет пояс с сапфирами, тяжелый и прохладный, — это был третий предмет, который я получила от Канопуса для защиты. Четвертым талисманом был золотой обруч с плоской пряжкой на моем левом бедре.

Если они не собирались отбирать мои талисманы или допрашивать меня, тогда зачем я здесь? Я чувствовала, что меня привели сюда по приказу восьмого. Но с какой целью?

Я продолжала стоять. Все молчали, восьмой с деланым безразличием смотрел в окно, остальные сидели за узким длинным столом прямо передо мной, устремив на меня пустые глаза. Не помню, чтобы кто-либо производил на меня столь же неприятное впечатление, как эти люди. Будь они неразумными животными — видом, который только начал выходить из звероподобного состояния, — они были бы куда более симпатичными. Однако они давно перестали передвигаться на четырех ногах и рвать добычу клыками. Я видела, что их развитие закончено, — жестокие и холодные, они могли думать лишь о личных интересах. Их эволюция завершилась.

Мне пришло в голову, что, быть может, намерения восьмого отличаются от намерений семерых, но последние не знают этого.

Один из сидящих за столом встал, нажал на рычаг, и на окна опустились каменные панели, которые перекрыли доступ дневному свету. Теперь я стояла в ярком луче света, который падал сверху, а все вокруг погрузилось во тьму. Я поняла, что это репетиция какой-то церемонии, — им хотелось посмотреть, какой я предстану перед теми, кто придет в храм, — возможно, это будут рабы и их хозяева, — прежде чем жрецы вырежут мое сердце.

Минуту спустя оконные панели снова открылись, свет был выключен, а Родия накинула мне на плечи плащ и отвела по длинным коридорам назад в камеру.

Там она оставила меня, не сказав ни слова.

Я сидела одна в ужасной тишине и вспоминала о Назаре. Я перебирала в памяти наши беседы в Коши. Эти воспоминания были такими яркими, что, когда дверная плита отъехала в сторону и в камеру вновь вошла все та же надзирательница, я все еще думала о нем и не сразу поняла, что она здесь. Я вновь напомнила себе, что не стоит доверять тюремщикам, подумав про мужчин,

перед которыми стояла недавно. Когда тот, что стоял у окна, показался мне лучше прочих, раздался голос, который прошептал: «Сирианка, будь осторожна!» Я посмотрела в глубокие темные глаза женщины, и она в ответ тоже внимательно посмотрела на меня.

Казалось, мой разум силится что-то понять, разорвать пелену, которая застилает мне глаза… Помолчав, Родия положила на каменную скамью пакет с постельными принадлежностями и сказала:

— Постарайся поспать.

Мне показалось, что она добавила: «Сирианка», но за ней уже закрылась дверь. Я легла на каменную скамью, завернулась в плотную ткань, но спать мне не хотелось.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что за меня боролись две силы. Одной из них был человек, который обликом сильно напоминал пиратов с Шаммат. Другой была Родия. Зло и добро. Минус и плюс. Два начала, которые присутствуют в любой ситуации, нужно лишь уметь различать их! *Теперь* все стало ясно.

Тогда я лежала и думала то про Назара, то про Клорати, почти не вспоминая загадочного восьмого мужчину.

Когда наступило утро нового дня, снова пришла рабыня и принесла мне поесть.

Закутавшись в одеяло, я сидела, обхватив ладонями миску с горячим мясным отваром, чтобы согреться. Мои мысли все время возвращались к Назару — я уже начала думать, что схожу с ума. Когда в камеру быстрым шагом вошла Родия и встала передо мной, я пробормотала: «Назар», — прежде чем поняла, что я делаю, и уставилась на нее, словно ожидая, что она объяснит мне, в чем дело. Она внимательно посмотрела мне в глаза, как уже делала раньше, и сказала:

— Ты должна отдать мне свои талисманы, сирианка!

Я не шелохнулась, а она добавила:

— Если тебя спросят, где они, ты скажешь, что уничтожила их, чтобы они не попали в недобрые руки.

— Я не умею лгать, — возразила я. Все это время Родия смотрела мне прямо в глаза, и мне казалось, что мой разум пытается выйти на свободу, но не может сделать это.

— Зато это умеют они.

— А эти бандиты знают о талисманах?

— Знают.

Пока я разворачивала тяжелое одеяло, во мне

крепло чувство дружеской близости к этой женщине. Теперь я не сомневалась — ей можно доверять. Я позволила Родии снять с меня тяжелые браслеты. Я также сняла обруч с бедра и пояс с камнями и отдала их ей. Я наклонила голову, чтобы Родия могла расстегнуть ожерелье. Все это исчезло в складках ее просторной одежды.

— Теперь на какое-то время ты станешь очень уязвимой. Ты безоружна перед Роандой. Ты должна быть очень осторожной. Это продлится недолго.

Не отдавая себе отчета, я произнесла:

— Как странно встретить тебя здесь.

И она ответила:

— Ты сделала ужасную глупость, сирианка.

Я снова прошептала: «Назар», — и, уже у двери, она быстро обернулась, сказала «Да» и вышла.

Оставшись без талисманов, я сразу почувствовала слабость, мои мысли путались. Я сидела не шевелясь, надеясь, что *он* сдержит свое обещание и это действительно продлится недолго.

Вскоре дверь открылась, и на пороге показались два человека в черном.

— Отдай нам свои сокровища! — потребовали они. Оба склонились ко мне, сверля меня злыми черными глазами, и от их запаха у меня закружи-

лась голова. Я ответила им так, как велел Назар:

— У меня их нет, я уничтожила талисманы, чтобы они не попали в недобрые руки.

Их лица исказились от ярости. Они сорвали с меня одеяло, обыскали меня и принялись переворачивать все вокруг. Разумеется, они ничего не нашли. Тяжело дыша, оба гневно переглянулись — они были похожи как две капли воды, точно роботы, у которых нет индивидуальности, — и, не глядя на меня, вышли из камеры, затворив за собой тяжелую дверь.

Я чувствовала, что мой разум слабеет, и старалась не сдаваться.

Спустя некоторое время снова пришла Родия, или Назар. Она принесла чашку с каким-то питьем, пояснив, что оно поможет мне восстановить силы.

Потом она села рядом со мной на скамью и, растирая мне руки, сказала:

— Ты должна делать все, как я скажу. Когда ты взойдешь на жертвенник и загорится зеленый свет, произнеси как заклинание: «Смерть Мертвому…» и падай назад. Тебя подхватят.

С этими словами Родия встала и направилась к выходу.

— Канопианец, зачем ты это делаешь? — про-

шептала я.

Родия тихо и быстро сказала:

— Ты спасла меня. Хотя ты и не знаешь от чего. Теперь мой черед помочь тебе.

И дверь закрылась.

Безотрадность этого темного, убогого места всей тяжестью навалилась на плечи, и я задумалась: что чувствуют те, кто не может защититься от этого мира с помощью талисманов, имевшихся у меня? Мой разум продолжал слабеть — казалось, что у меня в голове сгущается туман, — но я вновь и вновь повторяла, что я должна делать.

Все произошло очень быстро. Дверь распахнулась, и в камеру ввалилась целая толпа жрецов в черном. Подталкивая в спину, они потащили меня по темным коридорам, а потом верх по лестнице, пока мы не оказались в одном из храмов. Он был битком набит рабами — они стояли группами, и за каждой группой наблюдал надсмотрщик. Я заметила обитателей Колонии 9 — скованные одной цепью, эти бедолаги растерянно поглядывали на меня, поднимая кверху свои мохнатые лица. Мужчины и женщины, одетые в черное, стояли рядами по обе стороны от огромного каменного истукана. На месте живота у него зияла дыра, откуда пахло запекшейся кровью. О,

этот запах! Его было вполне достаточно, чтобы лишиться остатков разума. Позади чудовищной статуи — а вид ее был в самом деле ужасен: злобное лицо и огромные, толстые руки и ноги — находилось возвышение. Меня заставили подняться на него. Я была на грани обморока. Передо мной зияла темная бездна храма, наполненного каменными идолами. Внизу стояли толпы рабов и жрецы, которые благоденствовали за их счет. Все вокруг было залито жутким красноватым светом. Черные фигуры начали издавать протяжные, скорбные вопли. Это был гимн. Я старалась не лишиться чувств… Я представляла, что *они* видят: привидение в белом платье, фантом, со светлыми, как овечья шерсть, волосами, на которых играют красные отблески… Внезапно свет, падавший на мои руки, из кроваво-красного стал зеленым. Я знала, что это сигнал. Я начала лихорадочно вспоминать слова, которые должна была выкрикнуть, и когда жрец уже занес нож, целясь мне в сердце, громко закричала: «Смерть Мертвому! Смерть Мертвому!» Я знала, что должна сделать что-то еще, но не могла вспомнить. Надо мной по-прежнему был занесен нож, его лезвие поблескивало в зеленом свете, и я спрыгнула вниз, спиной вперед, и упала на что-то мягкое.

Сверху послышался удар камня о камень. Кто-то подхватил меня и понес. С чувством выполненного долга, я уснула или впала в забытье.

Я отключилась не полностью, поскольку понимала, что мы спешим куда-то по длинным темным коридорам, и слышала голос Родии. Я разговаривала с ней, задавала вопросы и получала ответы. Когда туман у меня в голове рассеялся, я увидела, что мы поднимаемся из подземелья на свет, а ответы Родии начали складываться в целостную картину.

Родия не была уроженкой города жрецов. Она родилась в Леланосе, недалеко отсюда. То есть на некотором отдалении… Она позволила взять себя в плен и сделать рабыней. Будучи умной и способной, Родия быстро получила должность тюремщицы. Ей доверили охранять пленников, которых впоследствии приносили в жертву. Через ее руки прошло множество несчастных. Она охраняла их, заботилась о них и смотрела, как они идут на заклание, поднимаясь на жертвенник над каменным истуканом. Родия не могла спасти ни одного пленника, хотя ей удалось похитить несколько рабов. Ее задача состояла в том, чтобы подготовиться к моему спасению, изыскать возможность спасти меня. Она… она… с

удивлением повторяла я про себя, когда в конце тоннеля забрезжил слабый свет. Меня нес на руках беглый раб, а Родия, сильная и красивая, бежала рядом. Я заставляла себя думать о ней как о женщине, хотя, погружаясь в забытье, чувствовала, что рядом со мной Назар.

Что представляет собой эта внутренняя сущность личности? Что заставляет тебя, не обращая внимания на внешний вид, пол, возраст, расовую принадлежность человека, запинаясь, пробормотать *имя!* И не важно, что это за имя. Назар. Родия. Канопус.

Со мной это случалось не раз.

Но впервые, отдавая должное внешнему облику и признакам, которые говорят о принадлежности к определенному полу, я чувствовала, что существует другая, глубинная истина. Я знала, что рядом со мной Назар, тот самый Назар, с которым я встретилась в Коши. Возможно, если бы сначала я познакомилась с Родией, мне было бы так же трудно произвести любое другое имя.

Свет становился ярче, и я не сводила глаз с Родии, словно пытаясь открыть для себя неведомую истину. Это существо было Назаром и Родией одновременно… За этим женским обликом скрывался иной, хорошо знакомый мне человек. Но

помимо этой загадки было и кое-что еще. Родия выглядела пугающе бледной, это было хорошо заметно, когда на поворотах на ее лицо падал свет… Я подумала, что она могла побледнеть, увидев свет, или в результате какой-нибудь болезни… В подземелье я не имела возможности хорошенько рассмотреть свою спасительницу: освещение было слишком тусклым, а мои мысли были заняты другим…

Ее вид встревожил меня до глубины души. Чтобы отвлечься, я попыталась проанализировать то, что мне было известно о недавних событиях, и попробовать сложить разрозненные факты в целостную картину.

Когда меня посадили в тюрьму, Родия прежде всего боялась, что канопианские талисманы попадут в руки жрецов и те употребят их во зло. Пока Гракконкранпатлу не удалось украсть ни одного предмета, наделенного силой Канопуса.

Во-вторых — и Родия очень надеялась, что я не обижусь на нее за то, что этот пункт был не первым, — ей нужно было вызволить меня из тюрьмы. Она убедила жрецов, что мне подвластны силы, которых нужно бояться. Они поверили, что с помощью этих сил я уничтожила свои украшения. Впрочем, нельзя сказать, что они

были единодушны, — Повелители, или Верховные Жрецы, на встречу с которыми меня водила Родия, в какой-то момент готовы были вывезти меня из города, чтобы я убралась восвояси. Но они видели, что я действительно «спустилась с небес». Они не могли стереть это событие из памяти рабов. Поэтому было решено объявить меня врагом, которого привели в город злые силы. Испокон века врагов публично приносили в жертву. Если бы я исчезла без следа, это могло бы подорвать авторитет правящей касты, которая держала народ в подчинении с помощью страха. Поэтому в конце концов было решено не нарушать традиций и вырезать мне сердце в храме. И все же Родии удалось посеять в их душах сомнение…

Когда меня заставили взобраться на жертвенник, все замерли в страхе. В этот момент жрецы начинают кричать, что они мертвы. Они взывают к своим Богам, отождествляя себя с будущей жертвой, которая погибнет через несколько мгновений. В их трактовке, которая с точки зрения здравого смысла кажется абсурдом, жертва и убийца представляют собой единое целое. Выкрикнув «Смерть Мертвому!», я вынесла приговор всему жречеству. Позади каменного ис-

тукана находился камень, который перемещался с помощью системы рычагов и использовался, чтобы устраивать различные трюки во время подобных церемоний, обманывая людей. Услышав мой выкрик, жрецы оцепенели, а затем бросились врассыпную, спеша оказаться подальше от того места, где стояла я. Родия и ее сообщники отодвинули камень и затащили меня в подвальное помещение под храмом. Это было самой опасной частью плана, поскольку жрецы оказались достаточно умны и быстро опомнились. Нас спасло то, что мы действовали очень быстро. Под подвальными помещениями, где жили рабы, находились подземные ходы, по которым можно было добраться куда угодно. Жрецы плохо ориентировались в подземельях, и это спасло нам жизнь. Родия знала эти катакомбы как свои пять пальцев. Преследуя нас, охрана жрецов бежала то по соседнему тоннелю, то у нас над головой и вполне могла столкнуться с нами на повороте, но Родия знала старую, заброшенную систему туннелей, которую в незапамятные времена построили рабы, пытаясь совершить побег. Отыскав вход в этот подземный лабиринт, мы были спасены.

Мы вышли из-под земли на склоне высокой горы и оказались в скалистом ущелье, заросшем

кустарником. Мрачный город жрецов остался далеко внизу. Я видела, как рабы, которым хватило смелости бежать вместе с нами, бросались на нагретую солнцем землю, целовали ее и плакали. А когда они поднимали лица от красноватой земли к солнцу, мне казалась, что на их бледных щеках буквально на глазах начинает проступать румянец. То же самое заметила и Родия, которая стояла чуть поодаль, ожидая, пока беглецы немного успокоятся.

Она прочла мой немой вопрос и пояснила:

— Это те, кого мне удалось уговорить и кому я могла доверять.

Это было так просто и так очевидно. Она не могла сказать ничего другого! «До чего же суровы законы, которым нам приходится подчиняться!» — подумала я тогда. Внизу, в холодных, темных подземельях города жрецов, жили рабы. Некоторые из них родились во тьме и не знали другой жизни. Могли ли они откликнуться на призыв себе подобной, да еще той, что имела возможность командовать ими и мучить их… И все же каким-то чудом рабы догадались, что на эту женщину можно положиться, что она заслуживает доверия. Те, кто понял это, теперь целовали землю на склоне горы и поднимали бледные

лица к солнцу. Некоторые из них испытывали подобное впервые в жизни. Этого было достаточно, чтобы простить Родии все, — ведь если бы не она, мое сердце уже лежало бы в луже крови в чреве каменного идола. Она поняла, о чем я думаю, и усмехнулась. Впервые я заметила в ней внешнее сходство с Назаром. В ту минуту передо мной был Назар, вместе со мной он размышлял о жестокой необходимости… Это ощущение было таким острым, словно мы с ним опять оказались на вершине башни, за окнами которой идет снег.

Я видела, как Родия успокаивает своих подопечных, заставляет их подняться на ноги и указывает на склоны гор на севере. Им предстояло пробираться туда лесами, а наш путь лежал в другую сторону. Когда они ушли — всего их было около пятидесяти, — улыбаясь и благодарно махая руками на прощанье, Родия, порывшись в складках своего платья, извлекла украшения и отдала их мне. Когда я надела их — сначала обруч на бедро, потом пояс с прохладными сияющими камнями, затем браслеты и, наконец, ожерелье, — я почувствовала, что благодаря тайной силе украшений мой разум прояснился, мысли стали четкими, а туман в голове рассеялся. Мое недавнее состояние казалось теперь таким же чудовищным, как под-

земелья города жрецов. Наслаждаясь ясностью мыслей, я посмотрела на Родию. И вновь мне показалось, что она страдает какой-то страшной болезнью, вроде проказы. Женщина выглядела такой бледной и изможденной, точно ее лицо было запорошено пеплом. Прежде мне не доводилось видеть ничего подобного. Ее лицо, руки, ноги выглядели словно увядшая листва, все ее тело съежилось, как порой случается с трупами. А в ее волосах, черных и блестящих от природы, появились белые пряди.

Родия перехватила мой взгляд и сказала:

— Сирианка, ты видишь симптомы дегенеративной болезни, которой страдают жители Шикасты.

— Неужели вырождение Роанды достигло такой степени?

— Теперь примерно в середине жизни, а иногда и раньше у них начинают появляться признаки увядания. Этот процесс ускоряется из поколения в поколение. При этом они не помнят, что еще недавно с ними не происходило ничего подобного.

Я не сразу оправилась от ужаса. Я попробовала представить, каково приходится этим несчастным, запертым в ловушке своего слабеющего

тела, и удивилась: неужели Канопус, который владеет методами, позволяющими избавляться от тела по собственному желанию, не в состоянии помочь бедным созданиям?

Родия вздохнула и усмехнулась точно так же, как посмеивался Назар:

— У нас другие приоритеты. Поверь мне. У нас есть масса других, более срочных дел.

— Приоритеты определяет Необходимость, — заметила я насмешливо.

Она улыбнулась в ответ и сказала:

— Вот именно, сирианка, Необходимость!

На этой знакомой ноте мы начали свое путешествие на восток через долины и перевалы гор, которые тянулись вдоль побережья. Мы карабкались вверх и спускались вниз, но двигались не спеша.

— Нам ничто не угрожает, — сказала Родия. — Потому что самая страшная угроза иногда становится нашей защитой.

Когда я попросила ее объяснить, что она имеет в виду, моя спутница внимательно посмотрела на меня своими темными глазами, и я заметила, что вокруг их радужки появилась бесцветная кайма — роандианское *старение* делало свое дело, — и этот взгляд заставил меня вспомнить

тихий голос: *«Сирианка, будь осторожна!»* — который теперь постоянно звучал в глубинах моего «я». Родия добавила лишь одно:

— Я говорю о том, что угрожает *тебе,* сирианка. — И больше не возвращалась к этой теме. Хотя много и с удовольствием рассказывала о городе, в который мы шли.

Несколько дней мы пробирались через густой, но очень красивый лес. Мы не спешили. У меня сложилось впечатление, что такой темп Родия выбрала из-за меня. Мне требовалось время, чтобы усвоить ее наставления. Наставления Канопуса. Я не возражала. Я избавилась от болезненного самолюбия той поры, когда общалась с Канопусом в лице Клорати в далекие дни «Событий». Я старалась не пропустить ни слова. Впрочем, теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что вновь и вновь пыталась всеми правдами и неправдами разузнать все о самом Канопусе, его организации, его методах самоуправления, его колониях, — но как только я заводила разговор на эту тему, Родия всякий раз переводила беседу в другое русло, вспоминая Гракконкранпатл, Шаммат и пару раз того загадочного восьмого человека из группы жрецов. Она сказала, что его зовут Тафта. Его образ прочно укоренился в моей

памяти. Нередко мне казалось, что я ощущаю его присутствие. Так же как, дрожа от холода в своей каменной тюрьме, я чувствовала присутствие Назара, имя которого помимо воли постоянно вертелось у меня на языке, так и теперь, когда мы шли через прекрасные леса, а за спиной у нас были заснеженные горы, этот человек все время незримо был рядом со мной. Я то и дело ловила себя на том, что думаю о нем.

Но когда я вспоминала Тафту, обаятельного, загадочного варвара, я всякий раз чувствовала на себе внимательный, предостерегающий взгляд Родии.

Леланос

Сначала мы увидели Леланос сверху — и меня поразило, как сильно он отличается от Гракконкранпатла. Здесь использовали тот же самый серо-голубой камень, но в Леланосе он мерцал и переливался кристаллами белого кварца и тонкими красными прожилками, что придавало этому месту особое очарование. Позднее, бродя по Леланосу дни напролет, я часто думала, что в расположении зданий есть определенная закономерность, но мне так и не удалось уловить ее до конца. Тогда я не догадалась спросить об этом Родию, а потом было слишком поздно. Так или иначе, когда мы смотрели на город сверху, в нем сразу чувствовались разнообразие и естественность. Здесь не было ни хмурых зданий, ни храмов. Камень и скалы не несли угрозы, а под землей не было мрачных темниц для заточения хрупкой и недолговечной плоти обитателей Роанды.

По словам Родии, у нас не было нужды опасаться городских властей.

История этого города такова. На месте небольшой равнины, окруженной невысокими горами,

жило несколько племен. Их жизнь была подчинена удовлетворению физиологических потребностей, в ней не было места поиску «высших целей» или религиозному осмыслению происходящего. Иными словами, уровень развития этих племен был значительно ниже, чем у ломби до того, как мы вмешались в их жизнь. Они ловили рыбу, охотились, ели, совокуплялись и спали.

Назар, на этот раз воплотившийся в Родию, родился в семье, где из поколения в поколение передавали «древнее высшее знание», поэтому никто не удивлялся, что девочка растет незаурядным ребенком. Ее семья была на хорошем счету среди вымирающего народа, который жил на севере узкого полуострова, отделяющего СИК от ЮИК, — этот перешеек многократно опускался под воду, отрезая путь на юг, но в результате «Событий» поднялся высоко над уровнем океана. В дальнейшем новые природные катаклизмы заставили его вновь погрузиться под воду. Там при поддержке Канопуса в свое время процветала культура, которая впоследствии начала вырождаться, и этот быстро исчезающий народ был всем, что от нее осталось. С Родией хорошо обращались, и когда она рассказала родителям о том, что хочет уйти из дома, с ней отправи-

ли несколько лучших юношей и девушек из ее народа. Вместе со своими спутниками она направилась на юг, ища место, где сможет выполнить свое предназначение. Разумеется, такие гости вызывали у аборигенов благоговейный трепет. Спутники Родии были высокими, широкоплечими, с красновато-коричневой кожей и густыми черными волосами. Все они имели непринужденные манеры и держались смело и уверенно. Аборигены были хрупкими, темнокожими и невысокими, с маленькими черными глазами и редкими жесткими черными волосами. «Боги», которые явились к ним, носили нарядную цветную одежду из хлопка, а аборигены ходили в шкурах. Родия и ее друзья помогли им освоить тысячи навыков, о которых они не могли и мечтать, и через несколько поколений — все это время Родия и ее друзья оставались по-прежнему молодыми — здесь появился большой, растущий город. Спутники Родии вернулись к своему народу, а она осталась в Леланосе. Ее по-прежнему считали богиней, хотя она жила как и все остальные: вышла замуж и родила детей, которые ничем не отличались от других жителей города.

Управление Леланосом осуществлялось следующим образом.

Здесь царила демократия, которая опиралась на выборную систему. Здесь не было кодекса законов в письменном виде, поскольку, как говорила Родия, порой самые жестокие тирании обзаводились «конституциями» и законами с единственной целью — обманывать несчастных жертв и сторонних наблюдателей. В конституции и законах нет особого смысла, если каждый ребенок и так осваивает культурное наследие, знает свои права, умеет себя вести, правильно оценивать поведение окружающих и быть бдительным. Поэтому законы формировались и обновлялись естественным образом. Если же не позволять людям быть полноправными участниками жизни города, они неизбежно станут опасными для окружающих, а законы постепенно утратят силу.

Я слушала Родию с жадным интересом, поскольку на Сириусе к этой проблеме подходили совершенно иначе. Организуя управление в очередной колонии, мы непременно разрабатывали конституцию. Соблюдение конституции обеспечивалось системой карательных мер. Но все наши правительства рано или поздно впадали в анархию или провоцировали мятежи.

Соблюдению законности и порядка в Леланосе

способствовали три фактора. Первым была сама структура руководящего органа, который занимался законотворчеством. Он избирался путем всеобщего голосования, причем все граждане старше шестнадцати имели право избирать и быть избранными. За частной жизнью должностных лиц следила специальная комиссия, избираемая отдельно. Подобные проверки позволяли предотвратить злоупотребления служебным положением и при первых признаках такого злоупотребления отстранить должностное лицо от власти. От должностных лиц требовали, чтобы слуги в их доме — здесь не было рабов — пользовались такими же правами, как и члены семьи. Сурово осуждались сексуальные преступления — унижение и ущемление свободы партнера, — чрезмерная любовь к роскоши и жадность. В Проверочную Комиссию, которая была высшей инстанцией, избирали самых уважаемых жителей Леланоса.

Вторым фактором была независимая судебная власть, которая следила за соблюдением законов. Представители этой власти тоже находились под постоянным надзором Комиссии, и к ним предъявлялись еще более строгие требования, чем к законодательной власти.

Того, кто хорошо справлялся со своими обязанностями, могли избирать в органы управления или судебной власти неоднократно, иногда на протяжении всей жизни. Однако членов Комиссии избирали только на один срок, который составлял четыре года. Впрочем, после увольнения они могли заниматься консультированием на добровольных началах. Деньги служили исключительно средством обмена. Если кто-то влезал в долги, проценты не взимались, а по истечении семи лет долги аннулировались. Родия создала целый свод наставлений в виде сказок и песен, чтобы донести до людей мысль о том, что, если деньги станут товаром, Леланос погибнет, поскольку тот, кто будет взимать проценты, вскоре начнет контролировать товары и рабочую силу, а это неизбежно приведет к формированию правящего класса. Эти песни и сказки рассказывали о бесчисленных городах и культурах на Роанде, где деньги стали править людьми. Вновь и вновь Канопус устанавливал законы и правила, которые запрещали превращать деньги в товар, но рано или поздно дело заканчивалось именно этим. Дух Шаммат был слишком силен в этих несчастных и не позволял им оставаться на высоте.

— Так, значит, Леланос тоже изменит своим принципам? — спросила я Родию.

Я задала этот вопрос, поскольку была поражена здравомыслием и благоразумием горожан, отсутствием бедности и лишений и подлинной демократией, — слишком часто мне приходилось видеть нечто совершенно противоположное, сталкиваться со страхом, раболепием и лицемерием.

Но Родия лишь сказала:

— Ты увидишь все сама.

У нее был маленький домик рядом с площадью в центре города. Она жила одна, поскольку ее дети выросли и поселились отдельно. На верхнем и нижнем этажах было по две маленькие комнаты. Родия жила здесь с тех пор, как был построен Леланос, хотя дети уговаривали ее переехать в дом побольше. Когда она рассказывала мне об этом, наши взгляды встретились, и в ее глазах мелькнуло насмешливо-удивленное выражение, знакомое мне по Коши. Я знала уже достаточно, чтобы понять, что город переживает период расцвета, за которым последует закат. В следующие несколько дней мне казалось, что Родия старается сделать все, чтобы я не только оценила прелесть этого места, но и поняла, что с

ним что-то не так. Мне было очень любопытно, зачем она это делает…

Теперь я понимаю: она взывала к моим чувствам, а не к разуму, чтобы я не осталась равнодушной к происходящему. Недаром я оказалась в этом удивительном городе после того, как бежала из тюрьмы Гракконкранпатла. Недаром я увидела две эти крайности, одну за другой, с интервалом всего в несколько дней. Кроме того, дорога из Гракконкранпатла в Леланос тоже научила меня многому. Было и кое-что еще. Мы шли через лес, который внешне не отличался от любого другого леса, но при этом представлял собой естественную границу между Леланосом и Гракконкранпатлом. На протяжении многих веков агрессивный и воинственный Гракконкранпатл боялся нападать на Леланос, поскольку Родия распустила слухи, что, если армия Гракконкранпатла вторгнется в полосу лесов, окружающих Леланос, ей не поздоровится. Леланос слыл прибежищем злодеев, которыми управляет олигархия, готовая уничтожить любое государство, если то осмелится посягнуть на ее владения. При любом удобном случае делалось все, чтобы придать этим слухам правдоподобие. Когда я услышала несколько историй такого рода по пути в Леланос

от аборигенов одного из племен, которые были наслышаны о зверствах Леланоса, это произвело на меня глубокое впечатление. Рассказывая о Леланосе, эти несчастные содрогались от ужаса: Родия и ее помощники поработали на славу. До сих пор только это позволяло уберечь Леланос. Однако хитрые и умные жрецы, которые сами не останавливались перед обманом, сумели раскрыть эту ложь. Появление тридцати беглых рабов из Гракконкранпатла вызвало волнения в городе. Стоя на высокой башне в Леланосе, я смотрела на леса, через которые мы брели вместе с Родией, и недоумевала, размышляя о пугающей склонности обитателей Роанды к самообману. Я нечасто испытывала подобные эмоции.

Тогда я была не в состоянии сделать выводы, к которым прихожу теперь. Пребывание в холодном подземелье, необходимость на время расстаться со своими талисманами, тесные контакты с канопианкой — все это лишило меня душевного равновесия. Кроме того, из головы у меня не выходила Шаммат: мыслями я все время возвращалась к Тафте, который загадочным образом влиял на меня. Родия стала вызывать у меня отторжение. Мне стало казаться, что эта немолодая женщина, прямая и простая, равнодушна

к чужим страданиям, — ведь она отказывалась использовать возможности, которые, безусловно, имела, будучи канопианкой, чтобы облегчить участь несчастных жителей Роанды.

Странно, что я, Амбиен Вторая, после долгих лет работы в Колониальной Службе, не раз наблюдавшая за мучительной адаптацией видов, культур, социальных структур и отдельных личностей к новым условиям, так сокрушалась над судьбой одного-единственного города. Словно не было на свете культуры, которая была бы для меня дороже Леланоса. Этот город казался мне уникальным достижением, светлым пятном в мире варварства и упадка. Я испытывала острое сострадание к его обитателям, и это было столь необычное для меня чувство, что я определила его не сразу.

Я бродила по улицам и переулкам, иногда вместе с Родией, иногда одна, и моя душа разрывалась от боли за этих людей. За короткое время они стали ответственными и просвещенными гражданами, а ведь их предками были полудикие племена… Эти люди были так внимательны и добры друг к другу… И при этом все они страдали роандианской дегенеративной болезнью: каждого из них, кто прожил половину отпущенного ему

срока, словно поражал невидимый вирус… Они начинали «стареть», слабея, седея и съеживаясь… Все это и многое другое заставляло меня злиться, одновременно испытывая жалость… Мне хотелось встать на защиту этих людей и уберечь их от неотвратимых превратностей судьбы.

Родия наблюдала за мной, и я знала, что она понимает все, но теперь я затаила на нее обиду. Я негодовала на нее и на Канопус. Сама я лишь изредка оценивала свое состояние здраво, хотя в глубине души понимала, что мои муки близки тем, что терзали Назара в Коши и издавна не давали покоя этой несчастной планете. Роанде. Или Шикасте.

Лишь позднее я поняла то, чего не понимала тогда. Взять, к примеру, мое легкомысленное поведение в городе жрецов, где я позволила так легко арестовать себя и бросить в тюрьму. Чем это объяснить? Никогда ни на одной планете я не вела себя подобным образом. Я поняла это, лишь когда все было позади и я вырвалась из лап Шаммат, которая, по-видимому, подтачивала мои силы задолго до того, как я высадилась на Роанде. Именно этим объяснялись мое дурное настроение и сомнения, которые раздирали меня, когда я выполняла свою работу.

Было и кое-что еще. Сколько бы мы ни восторгались порядком на планетах, которыми управлял Сириус, — а теперь численность сытого, ухоженного населения на этих планетах была сведена к минимуму и держать его в подчинении было несложно, — за долгие годы я ни разу не встречала такой яркой и глубокой культуры, как Леланос. Разумеется, на счету Сирианской империи были свои достижения, но пока Родия не привела меня в этот город, я не знала, что мы потеряли. Здесь кипела жизнь, бурлила энергия, которой не хватало нам. Апатия и потеря интереса к жизни сокрушили Сириус…

Почему Родия привела меня сюда вместо того, чтобы выделить мне охрану и отправить меня на юг, где находилась база Сириуса? Но я оказалась в этом городе, и рядом со мной была она, канопианка. Я увидела город, который добился совершенства, но должен был погубить сам себя.

Эта мысль казалась мне невыносимой. Она буквально переворачивала всю мою душу. От отчаяния мне хотелось кричать, плакать и жаловаться — но кому? Родии, которая беспрекословно подчинялась воле Канопуса?

Однажды утром мы сидели вместе с ней на втором этаже ее домика и молчали. Теперь нам

было тяжело разговаривать.

Солнце освещало узорчатые ковры на полу. Все вокруг дышало уютом и добротой.

Я неприязненно посмотрела на Родию, понимая, что она знает о моих чувствах. Несмотря на это, я была не в силах сдерживаться. Я смотрела, как эта женщина сидит, сложив руки на коленях, и спокойно смотрит в синее роандианское небо. Почему она упрямо отказывается сделать то, о чем ее просят? В тот момент Родия вызывала у меня те же чувства, что и Назар, который протестовал и возмущался, пытаясь подавить бунт у себя в душе. Но я не понимала, что на этот раз ситуация прямо противоположна.

Родия посмотрела мне в лицо спокойно и внимательно, как обычно, и сказала:

— Сирианка, я должна покинуть тебя.

— Отлично, значит, ты собираешься меня бросить! Небось решила убраться из этого места подобру-поздорову, не желая разделять его судьбу.

— Нельзя изменить законы Роанды, — сказала она, — как нельзя изменить законы Вселенной. Да, здесь они неразумны, но ничто не остается неизменным. Ты знаешь это по своей империи! Была ли среди созданных тобой хоть одна куль-

тура, которая не менялась и в конце концов не исчезла?

Посмотрев ей в глаза, я неохотно согласилась.

— Лучшее, что мы можем сделать — это стремиться, пусть ненадолго, приблизиться к совершенству. Мне удалось сделать это, создав Леланос. А теперь мне пора уходить.

— Ты считаешь, что на этот раз твоя задача выполнена?

— Да, я сделала свое дело.

— Спасибо, что ты спас меня, Назар.

— Как ты когда-то спасла меня.

Родия встала. Я заметила, что она выглядит усталой и передвигается с трудом.

— Должно быть, ты рада, что уходишь, — сказала я мрачно.

— Я всегда рада, когда приходит пора уходить, — отозвалась она знакомым насмешливым тоном. — Иногда кажется, что привыкнуть к этому невозможно, — сначала ты разбиваешься в лепешку, чтобы создать что-то стоящее, а потом — и этот момент всегда наступает слишком быстро — оказывается, что все позади и дело рук твоих превратилось в свою противоположность.

На мгновение ее лицо исказилось от боли. Затем оно снова стало спокойным и ясным. Родия

размышляла о будущем, о котором я могла лишь догадываться.

— Будь осторожна, сирианка, — сказала она. — Тебе грозит серьезная опасность.

— Зачем же ты привела меня сюда? — Я была сердита и обижена.

— Ты упряма, сирианка. Ты не в состоянии усвоить то, что тебе говорят, пока не набьешь шишек.

— Что ж, — усмехнулась я, — скажи, есть ли у меня шанс преодолеть опасность?

Родия посмотрела на меня с улыбкой.

— Не в этот раз, так в другой. — И меня вновь укололо ее безразличие.

Она почувствовала это и сказала:

— Сирианка, бунтовать бесполезно, ты это знаешь. Сейчас тебе хочется говорить только *нет, нет, нет.* Но спроси себя, против чего ты восстаешь. Когда ты бродила по городу, видя в его жителях жертв, которых бросили на произвол судьбы, задумывалась ли ты, кто их бросил и кто решает, что для них добро, а что зло? А ведь если бы кто-то взбунтовался против Сирианской империи, ты бы в два счета поставила его на место, так? — И она посмотрела мне в глаза так пристально, что я кивнула. — И наверняка нака-

зала бы его весьма сурово! В тебе нет сострадания к тем, кто восстает против Сириуса. Но когда ты или я восстаем против того, что управляет всеми нами, никто не сажает нас в тюрьму и не убивает во имя незыблемости власти и порядка. Все мы подчиняемся Необходимости, сирианка, всегда и везде. Неужели ты думаешь, что, сокрушаясь над тем, что кажется тебе потерей, ты в силах победить Необходимость? Что твои стенания и жалобы могут что-то изменить? Вспомни, что ты говорила мне, когда я кусала руки и выла как зверь в Коши?

Внезапно утреннюю тишину прорезали далекие гневные крики. Я не раз слышала подобное на других планетах, но мне не верилось, что это может случиться здесь.

— Да, — сказала Родия. — Когда человек или общество начинают опускаться, все происходит очень быстро. На Шикасте мы зачастую обнаруживаем это, когда равновесие сил уже осталось в прошлом. Лучшие времена Леланоса позади, сирианка. Будь осторожна. Прощай. Мы скоро встретимся. Нам еще предстоит встретиться здесь, на Шикасте, на этой злополучной планете… к *несчастью,* мы еще встретимся… — Произнеся слова «к несчастью», она усмехнулась совсем

как Назар, и, как ни странно, это успокоило и развеселило меня.

Родия молча вышла из комнаты и спустилась по лестнице. Снаружи бушевали толпы людей, которые потрясали оружием. Я услышала выкрики: «Смерть тиранам, смерть Родии, смерть олигархии…» Сверху мне было видно, как Родия вышла из дома и шагнула в толпу. Увидев бывшую надсмотрщицу, люди начали осыпать ее проклятьями, они окружили ее, повалили и принялись избивать, а когда толпа схлынула, на залитой солнцем мостовой осталось мертвое тело.

В городе не прекращались беспорядки, было не до похорон, и Родию просто бросили в общую могилу вместе с другими погибшими повстанцами. Я была уверена, что она хотела именно этого. И все же лучше бы меня там не было. Теперь я осталась беззащитной. Поскольку меня знали как ее соратницу, мне приходилось прятаться. После смерти Родии я впала в сонное оцепенение. Я забыла то, о чем размышляла прежде, и позабыла о своем долге. Целыми днями я бродила по Леланосу. Это стало для меня чем-то вроде траурного ритуала. Я скорбела не о Родии и не о Назаре, а об утраченном совершенстве. Мне

не надоедало бродить по улицам. Каждый город обладает индивидуальностью, и у Леланоса тоже было свое лицо. Невероятная изобретательность в применении строительных материалов делала его неожиданным и многоликим. Он был расположен на широкой равнине, окруженной горами, которые находились достаточно далеко, чтобы не подавлять своим величием. Рельеф тоже отличался разнообразием, а пышная растительность радовала глаз всеми оттенками зеленого цвета. О, как прекрасна зелень Роанды! Тот, кто никогда не видел этой планеты, едва ли сможет представить ее очарование. А после появления «времен года» палитра природы стала еще богаче. Равнина, где находился Леланос, — увы, но теперь о ней можно говорить лишь в прошедшем времени, — была одним из самых восхитительных мест, которые я когда-либо видела. Казалось, что город вырос из этой равнины и был пронизан ее духом, ее экспрессией. Куда бы вы ни пошли, повсюду видели блестящие зеленые листья деревьев и сочную траву, в которой утопали здания. Сами дома часто вызывали улыбку, они всегда строились с выдумкой, а порой даже пародировали архитектурный стиль самого Леланоса. Почти к каждому дому хотелось поскорее подойти поближе и рас-

смотреть его как следует, и в то же время было так приятно любоваться им издали, предвкушая еще большее удовольствие… В лучшие времена улыбка не сходила с лица обитателей Леланоса. Архитектура города была архитектурой радости. Небольшое с виду здание внутри могло оказаться куда просторнее, чем ты ожидал. Казалось, что дома сделаны из облаков, разноцветных мыльных пузырей или грозовых туч, которые появляются ниоткуда в синем бездонном небе. Мягкие, округлые колонны, светлые, легкие сферические или кубические формы, — казалось, что перед тобой прямо на глазах растет ледяной кристалл. Местами виднелись осторожные цветные мазки красного камня. Этот камень мог появиться, например, там, где он символизировал вспышку молнии. Архитектура зданий воздавала должное силам природы, которые давали жизнь обитателям планеты. Рядом с этими воздушными зданиями, которые так прекрасно вписывались в камень, подчиняясь *Необходимости* — я наконец-то научилась узнавать «Необходимость», о которой говорили канопианцы, — были и другие. На первый взгляд, они стояли в беспорядке, но на самом деле постепенно открывались твоему взору или прятались от него, точно ты гулял по

небу, а они парили в вышине. В Леланосе казалось, что до неба и облаков можно дотронуться рукой. Невозможно описать словами легкость духа и светлую радость, которые вызывало это место. Я вспоминала другой город, далеко в горах, где здания из такого же синевато-серого камня возвышались темными громадами, которое подавляли своим величием. На улицах прежнего Леланоса всегда было людно. Его обитателями были высокие, мускулистые люди с темной, почти черной кожей, приветливые, смышленые, ловкие и красивые. Их одежды были такими же яркими, как и их город. Они любили украшать одежду и волосы яркими перьями лесных птиц и живыми цветами.

Как-то раз, бродя по городу, я увидела группу детей. Они сидели на сочной зеленой траве. Их волосы блестели, одежда была светлой и яркой, но лица были мрачны. Ребятишек сопровождала женщина, которая была их учительницей, когда город процветал. Она пыталась разговорить своих бывших учеников, чтобы заставить тех выразить свое отношение к бунтам и разрушениям, которые теперь не прекращались. Когда-то это была мудрая, интеллигентная женщина, но теперь она выглядела усталой и отчасти по-

терявшей рассудок, — она явно не понимала, почему вокруг творится подобное. Внезапно один мальчик закричал: «Смерть олигархии!» — и его крик подхватили другие. Один за другим дети повскакали и с визгом и криками бросились прочь. Вскоре в той стороне, куда они устремились, в синее небо стал медленно подниматься столб черного дыма.

Учительница медленно подошла ко мне. Она подняла глаза, и я увидела в них знакомое выражение. Даже хорошие манеры не позволяли жителям города скрыть изумление и отвращение, которые вызывали моя белая кожа и светлые волосы.

— Если это твоя затея, — сказала она тихо и горько, — ты можешь гордиться!

После этого, явно удивляясь самой себе, она плюнула в меня и, шокированная собственным поступком, поспешила прочь. Я увидела, что из глаз учительницы брызнула прозрачная жидкость и оросила ее руки.

Я понимала, что меня могут убить так же, как убили Родию, но это не трогало меня. Я побрела туда, где в небо поднимался густой столб синего дыма, напоминающий башню причудливой формы. Улицы заполонили взбудораженные толпы

людей. Это был первый поджог в городе.

Вскоре я оказалась в огромной, угрюмой, молчаливой толпе, которая собралась посмотреть, как одна из самых изящных каменных фантазий исчезает в клубах темного дыма. Дом таял на глазах, пока не обрушился, подняв столб огня и искр. Теперь со всех сторон слышался недовольный ропот, — лишившись зрелища, толпа начала волноваться и подыскивать новый объект, чтобы занять себя. Стоящие рядом со мной злобно поглядывали в мою сторону. Меня явно брали в кольцо. Затем я увидела Тафту. Его появление не было для меня неожиданностью. Он пробирался ко мне через толпу. Тафта был одет так же, как жители Леланоса, — свободные голубые брюки и такая же блуза, подхваченная ремнем. Похожую одежду носила и я сама, хотя она не давала возможности скрыть или изменить мой облик. Тафта тоже выделялся в толпе — он был широкоплечим, загорелым и бородатым. Он держался уверенно и властно, и люди сразу расступились перед ним — ненадолго, но этого было достаточно. Он взял меня за руку и вывел из толпы, не бегом, но довольно быстро. Пройдя некоторое расстояние, мы завернули за прозрачное круглое здание и вошли внутрь.

Это было какое-то общественное учреждение. Снаружи оно ослепительно блестело, внутри мерцало и переливалось мягким светом. Казалось, мы находимся внутри пустой яичной скорлупы. Мы добрались до лестницы, которая вела наверх, и стали подниматься по ней, пока не оказались на небольшой плоской крыше, откуда был виден город. На месте рухнувшего здания все еще поднимался дым. Мы были так высоко, что толпа внизу казалась маленькой и безопасной. Я всегда испытывала подобное чувство, когда разглядывала города или толпы людей сверху, пролетая над ними в космическом корабле. Когда ты летишь, то, что попадает в поле твоего зрения, кажется крохотным и ничтожным. Нас окружали фигуры из белого и голубоватого камня. И все же мы были не так высоко, чтобы остаться незамеченными, спрятавшись за каменными глыбами.

Так я снова встретилась с Тафтой и пробыла с ним на крыше до глубокой ночи. Далее я кратко расскажу о нашей беседе и о своих мыслях.

Прежде всего, я должна описать свое эмоциональное состояние, хотя уделять ему внимание в отчетах мне приходится нечасто! В свое время на фоне отъявленных злодеев Тафта показался мне обаятельным варваром. Он по-прежнему вызы-

вал у меня симпатию, пожалуй даже большую, чем Родия, о которой я вспоминала неохотно, словно по обязанности. Мне не хотелось думать о ней. По непонятной причине моя память словно отказывалась дать то, что мне причиталось по праву, то, что я заслужила, — в свое время точно так же я реагировала на Клорати. Часть моего сознания стала для меня недоступной, а мозг отказывался выполнять мои, как я считала, вполне разумные требования.

А теперь здесь появился Тафта. Родия предупреждала меня, что он опасен. Он был ее врагом, врагом Канопуса. А значит, и врагом Сириуса. Но здесь была какая-то неувязка. Родия говорила, что мы сумели бежать из Гракконкранпатла благодаря нашему врагу, — получалось, что он помог нам, или, по меньшей мере, позволил нам бежать. Она упомянула об этом вскользь, так и не объяснив, что имеет в виду…

Тафта делал все, чтобы покорить меня. Я понимала это, но его тактика не вызывала у меня протеста, пока он оставался на почтительном расстоянии. Присутствие этого могучего, с пышной гривой варвара, от которого веяло грубой силой, пугало меня, как запах крови. Когда, сидя в низком кресле, он наклонился ко мне и улыб-

нулся, обнажив великолепные, блестящие зубы здорового животного, его улыбка, напоминающая звериный оскал, непостижимым образом успокоила меня. Я подумала, что вижу ее сходство с оскалом благодаря опыту общения с низшими видами. На самом же деле так мой собеседник выражает свое дружелюбие — обнаженные зубы говорят: я знаю, ты не станешь нападать на меня. Светлые, почти прозрачные глаза под желтыми бровями были мне знакомы: такие глаза встречались даже у обитателей Сириуса. Я понимала, что нас разделяет бездна, и догадывалась, какой Тафта видит меня, сирианку. И все же, думала я, его жизненная сила не была симптомом вырождения, как апатия и нерешительность, от которых страдала наша империя. Он был уверен в своей правоте, не терзался сомнениями и не размышлял об экзистенциальной проблеме. И когда этот человек объяснил, как я могу воспрепятствовать гибели Леланоса, я приняла его слова на веру.

Он говорил так, словно он, Тафта, враг Сириуса, каким-то образом сумел услышать мой внутренний голос. Словно он вместе со мной разрабатывал план моей последней поездки, задавая себе вопросы: *почему, ради чего* и *что дальше?* Точно он бродил вместе со мной по Леланосу, с

болью ожидая его неизбежной гибели.

Слушая Тафту, я едва не лишилась дара речи. Когда день подошел к концу и небо Роанды потемнело, я почувствовала, что этот враг — это я сама. Точно Тафта без моего ведома оккупировал часть моей души или моего разума. И задолго до того, как в небе Роанды замерцали звезды и я смогла послать приветственный сигнал своему родному дому, я согласилась помочь Тафте воплотить в жизнь его план. Вот что он предложил.

Я должна возглавить управление городом. Тафта поможет мне удержаться у власти столько, сколько нужно, чтобы вернуть Леланос в состояние гармонии и процветания. С его помощью я должна создать правительство, в состав которого войдут самые достойные граждане. И когда все это будет сделано, я либо останусь править городом, став его королевой, либо смогу уехать — и тогда он поможет мне добраться до места назначения в целости и сохранности.

Тафта сказал, что теперь я могу без опаски вернуться в дом Родии, потому что он берет меня под свою защиту, а на следующий день мы сможем встретиться и обсудить «наши дальнейшие планы».

Я провела эту ночь, сидя у окна и глядя в небо,

усыпанное звездами. До утра я увлеченно строила планы возрождения Леланоса.

На следующий день, когда я, ни от кого не прячась, шла по зеленым улицам к круглому прозрачному зданию, я продолжала размышлять о том, как лучше организовать в городе управление, как готовить и отбирать людей и назначать их на должности.

С этими мыслями я поднялась на плоскую крышу, но там никого не было. Тафта не явился на встречу в назначенное время. Я не придала этому большого значения. Я была поглощена раздумьями о судьбе Леланоса. В свое время Родия говорила, что одной из причин его гибели будет злоупотребление деньгами. Что ж, это легко исправить! Нужно лишь заставить людей соблюдать закон… при необходимости можно применить силу… Здесь может помочь Тафта со своими войсками… расширение полномочий Проверочной Комиссии… может быть, нужно ввести Тафту в состав Комиссии…

В тот день Тафта не появился вообще. Я чувствовала себя так, словно меня обокрали. Я вновь принялась горевать о Леланосе, Леланосе, который остался без моего мудрого и милосердного руководства. Я ждала Тафту, пока небо Роанды

не потемнело и не стало синим. Я смотрела на фигурки людей внизу, и мне казалось, что я беру их под свою защиту, обещая им вечную безопасность и благополучие.

Нельзя сказать, что я горжусь этим, но мой долг — написать об этом.

К концу дня я была не в лучшем расположении духа. Я считала, что Тафта подвел меня, и думала о нем как о провинившемся слуге. В ту ночь я была как в тумане. Я смотрела на звезды, но их вид не находил отклика в моей душе. Где-то в глубине моего сознания, на грани звука и тишины, я слышала предостерегающий шепот: «Сирианка, сирианка, сирианка…» Я встряхивала головой, словно зверь, в уши которого попала вода. «Сирианка, сирианка, — эти слова преследовали меня как наваждение, — будь осторожна, будь осторожна, будь осторожна…»

На следующий день я отправилась на свой наблюдательный пункт позднее и сделала это с расчетом. Когда я пришла, Тафта был уже там и при моем появлении почтительно поклонился — жест, который всегда казался мне чересчур подобострастным. Он прикоснулся своими мохнатыми губами к моей руке, а затем, не меняя позы, взглянул на меня с видом победителя и

обнажил белые зубы.

— Приношу свои извинения, — сказал он. — Но я трудился во имя нашего общего дела.

В этот момент мои иллюзии начали рассеиваться. Тафта стоял передо мной, воплощение уверенности и силы. Солнце согревало его бороду и кудри на голове. Его смуглая кожа, под которой бежала алая кровь, лоснилась на солнце. Я заметила, что при перегреве железы животных такого типа выделяют жирный секрет для охлаждения. Открытые участки его кожи, щеки, лоб, нос, ладони и даже уши были покрыты крохотными круглыми капельками. У этой влаги был солоноватый запах. Но что-то во мне по-прежнему говорило: это здоровье, это жизненная сила, это то, что тебе нужно!

Тафта объяснил, что не пришел из-за того, что ему пришлось привести к городу войска, которые будут охранять нас. Ему нужно было позаботиться об их безопасности и устроить солдат на ночлег. Он сказал, что зайдет за мной на следующее утро, и мы — он, я и наша охрана — вместе проследуем по улицам Леланоса в резиденцию городских властей и будем официально объявлены правителями города. По моим представлениям, все должно было происходить совсем не так. Таф-

та кивком указал вниз — с крыши открывался вид не только на Леланос, но и на всю равнину, — обвел рукой город и воскликнул: «Он твой, он принадлежит тебе. Вместе мы возвратим ему былую славу!» В Тафте было столько надменного самодовольства! Он торжествующе оскалил зубы и взглянул на меня с плохо скрываемым презрением, точно уже понял, что сирианку можно не принимать в расчет.

И все же, когда я смотрела на Леланос, у меня кружилась голова. Ощущая неразрывные узы, которые связывали меня с этим городом, я мысленно клялась: «Я не дам тебя в обиду. Я буду охранять тебя. Я возьму тебя под свою защиту». И предостерегающий шепот: «сирианка, сирианка, сирианка» превращался в неслышный шелест и затихал вдали.

Тафта еще раз поцеловал мою руку, и мы спустились вниз — я первая, он за мною следом. Я отправилась домой, но теперь меня одолевали сомнения.

Кто предупредил жрецов, когда я прибуду в Гракконкранпатл? Родия не могла, хотя и знала, что это должно случиться.

Почему этот галантный головорез появился в Леланосе лишь после смерти Родии? И с чего это

вдруг Шаммат решила посвятить себя возрождению культуры и порядка? Ведь еще недавно я видела, как ее слуга вместе с мракобесами-жрецами выполняет работу, которая куда больше подобала его натуре.

Как это могло случиться?.. Мне казалось, что внутри меня борются две силы. Я не желала прислушиваться к предостережениям, которые раздавались из глубин моей души, и не желала вспоминать про Канопус. Всем своим *нынешним* существом, которое пробудила к жизни Шаммат, я хотела править этим городом и преодолеть свое внутреннее бессилие, *поступая так, как поступал Канопус.* Я представляла, как передам возрожденный Леланос на попечение Проверочной Комиссии, а потом отыщу другие племена, возможно потомков ломби или участников более поздних экспериментов, и, как Родия, создам прекрасную и совершенную цивилизацию, опираясь на свой многолетний опыт и знания, которые она мне дала.

На следующее утро я спокойно ждала Тафту, мысленно перебирая официальные формальности предстоящего дня и строя планы на будущее. Когда вошедший Тафта увидел меня в будничной одежде Леланоса, он, не задавая вопросов, наки-

нул мне на плечи меховую накидку — она пахла убитыми животными, которые поплатились жизнью за свои шкуры, — и подтолкнул меня к двери, положив мне на спину свою ладонь, чтобы я не могла ускользнуть. Он торжествующе ухмылялся, не скрывая своей радости… Снаружи толпились солдаты Шаммат, самые отвратительные и грубые создания, каких только можно вообразить. Когда мы вышли из дома, заиграла громкая музыка, от которой у меня сразу разболелась голова, и мы зашагали по зеленым тенистым улицам Леланоса.

Я лихорадочно обдумывала возможности побега. От потрясения ко мне вернулся здравый смысл. Позади меня с песней — если эту какофонию можно было назвать песней — маршировали войска Шаммат. Рядом со мной вышагивал довольный Тафта. Жителей, которые вышли на улицу, чтобы посмотреть на непрошеных гостей Леланоса, загоняли обратно дубинами и мечами, и за нашей спиной на дороге, истекая кровью, оставались лежать несчастные, отчаянно пытавшиеся уползти, чтобы спрятаться.

Так Амбиен Вторая, член Большой Пятерки Сирианской империи, шествовала по Леланосу в сопровождении армии Шаммат. Мы двигались к

нарядному пестрому зданию — резиденции правительства Леланоса. Нам с Тафтой предстояло официально взять власть в свои руки.

Когда краткая и нелепая церемония завершилась, Тафта объявил, что он проводит меня во «дворец», а поскольку в Леланосе слыхом не слыхивали ни о каких дворцах, я сказала, что вернусь домой. В этот момент чары окончательно рассеялись, и я увидела рядом жестокого авантюриста, который не представлял, каким могучим силам он бросает вызов. Чтобы остановить меня, ему пришлось бы взять меня под стражу и тем самым расписаться в своей несостоятельности. Тафта жил, грезя о славе и величии, ему хотелось править собственным городом, заручившись поддержкой Сириуса. Он надеялся, что сможет манипулировать Сириусом, используя его в вечной битве Шаммат с Канопусом. Таким ему виделось будущее. Рассудок вернулся ко мне, и теперь, глядя в его пустые бесцветные глаза, я могла прочитать его мысли. По его горделивым и в то же время нелепым позам я видела, что, подобно жрецам Гракконкранпатла, Тафта мечтает о собственной империи. Внезапно я словно прозрела.

Обладая проницательным умом, Тафта сумел

вычислить, когда я прибуду в Гракконкранпатл, однако он не знал, что Леланос — мирный город, где нет тиранов. Он не осмеливался бросить вызов Канопусу и вторгнуться в Леланос, пока была жива Родия. Он не знал, что мы можем сокрушить Гракконкранпатл в любую минуту и ему позволили остаться в живых лишь потому, что его жизнь не имела для нас большого значения.

И, конечно, еще потому, что выжить ему позволил Канопус, — но это было для меня необъяснимым, и я терялась в догадках.

Я сказала этому жалкому выскочке, что возвращаюсь к себе домой, и он не остановил меня. Ему было попросту наплевать. Он получил то, что хотел — стал правителем Леланоса.

Я могла бы утешиться тем, что, хотя тирания быстро уничтожит город, Леланос так и так неизбежно ждал плохой конец. Я лишь ускорила развязку.

Я оставила новоиспеченного правителя Леланоса сидеть, развалившись, в зале для заседаний, в окружении дикарей, которые за день до этого бражничали в лесах, опасаясь входить в город, и отправилась к себе домой.

Я думала всю ночь напролет.

Голос, который еле слышно шептал мне: «Сири-

анка, будь осторожна», — теперь окреп и заглушал все остальные мысли, пока я не приказала ему замолчать — уж слишком наставительным был его тон. Но я уже не нуждалась в его предостережениях, поскольку вновь стала сама собой. Новым для меня было лишь острое чувство стыда. Мне было очень стыдно… как легко Шаммат удалось одолеть меня. Для этого ей почти не пришлось прилагать усилий! Как умело Тафта сыграл на моей зависти к Канопусу, как мастерски Шаммат применяла методы своего злейшего врага — Канопуса. Я так легко поддалась на лесть, так безоглядно позволила манипулировать своими слабостями, что одурачить меня было проще простого. И теперь я знала, что способна утратить здравый смысл и потерять лицо, и если бы не тихий голос — «сирианка, сирианка», — голос Родии, голос Назара, я бы окончательно забыла, кто я такая. И сейчас я пировала бы вместе со злодеями Шаммат, празднуя свое восшествие на престол.

Когда наступило утро, я вышла на пустую улицу и направилась прочь из города. Тафта скорей всего был пьян после вчерашнего, впрочем, в любом случае ему не было до меня дела. При необходимости он сочинит легенду о белой бо-

гине или придумает еще какую-нибудь историю, которая оправдает его притязания на власть. Зачем ему преследовать меня? Его лазутчики наверняка доложили ему, где я. Тафта знал, что я вышла из города и бреду по лесу на юг, но зачем ему строптивая пленница, которая доставляет массу хлопот? Ведь, чтобы держать меня в подчинении, ему придется одурманивать или бить меня. Добровольная помощь Сириуса — это одно. Непокорный Сириус не принесет ему пользы. Тафта боялся не меня, но Канопуса. Шаммат управляла Роандой с разрешения Канопуса. И именно Канопус установил границы ее власти. Напыщенный и самоуверенный Тафта не стал бы нарываться на конфликт.

Когда он приказал жрецам взять меня в плен, он не выходил за установленные рамки. Тафта считал, что я буду легкой добычей и ему удастся отнять у меня украшения, обладающие магической силой, которыми всегда стремились завладеть Шаммат и Путтиора. Кроме того, он надеялся, что тем самым завоюет доверие жречества и при его поддержке станет правителем Гракконкранпатла. Он знал, что Канопус наблюдает за ним, поскольку чувствовал его незримую силу, но не догадывался, что Родия, тюремная

надзирательница, была канопианкой. Но когда жрецы, опасаясь, что я могу стать разменной монетой в борьбе за власть, решили избавиться от меня и принести меня в жертву, Тафта догадался, что кто-то должен прийти мне на выручку; и он не стал бить тревогу, поскольку был по натуре авантюристом, которому всегда интересно посмотреть, к чему приведет новый поворот событий.

Проведя в раздумьях всю ночь, я пришла к выводу, что мне не угрожает погоня.

Я не спеша брела на юг, наслаждаясь одиночеством, и даже пережила несколько приключений — когда-нибудь я напишу о них, чтобы позабавить молодежь, — и в конце концов добралась до одной из наших станций, откуда можно было вызвать космический корабль, чтобы улететь.

Так окончился мой спуск в преисподнюю, где мне открылось лицо Шаммат. По крайней мере, закончился внешне. Но он не закончился в моей душе. Ибо, если ты попал под влияние Шаммат, пусть временно, это не проходит бесследно, а оставляет в твоей душе глубокую рану, и ты ощущаешь это каждой клеточкой своего тела.

Добравшись до Главного управления по надзору за обитателями Колонии 9, я некоторое время

приходила в себя. Я с изумлением вспоминала свой недавний психологический надлом и чувствовала, что подобная история может повториться. Я с любовью и благодарностью думала о Родии и с отвращением — о Тафте.

Нужно было решить, что делать с городом рабов Гракконкранпатлом. Я долго ломала голову над этим вопросом. Стереть его с лица земли было нетрудно. Но это не значит, что такой же гадкий и зловредный город не появится на Роанде вновь. Взвесив этот вопрос всесторонне, как требовал мой служебный долг, я решила, что аборигенные культуры — если культуры, корни которых лежат далеко за пределами Роанды, можно считать таковыми, — полезны для нас. Зачастую они представляют собой готовые лаборатории для проведения социальных экспериментов, созданные без каких-либо усилий с нашей стороны. Я решила ограничиться спасением двух тысяч пленников и направила в Гракконкранпатл пять грузовых и десять военных кораблей. Военные корабли сделали несколько кругов над Гракконкранпатлом, после чего грузовые корабли сели на поля, где работали узники, закованные в цепи. Две тысячи пленников были возвращены в поселение на высокогорье. Я не сомневалась, что

пребывание в зонах с мягким климатом и последующее возвращение в суровые условия укрепит их физически и повысит их приспособляемость. Так и оказалось впоследствии.

Поскольку дальнейшая судьба этих живых существ не связана с темой данного повествования, я расскажу о ней в двух словах. Взрывы на Планете 3(1) не привели к ожидаемому изменению атмосферы, но погубили ползучие растения-животные и уничтожили несколько уникальных и невосстановимых видов. Однако когда биологи начинали сетовать на это, им в ответ приводились обычные в таких случаях доводы: «Нельзя сделать яичницу...» и т. д. В почве и минералах этой планеты находилось некоторое количество связанного кислорода, сколько именно, мы не знали. Рассчитывая изменить атмосферу, мы провели серию термоядерных взрывов разной интенсивности. Несмотря на это, содержание кислорода в атмосфере осталось прежним. Мы перевезли обитателей Планеты 9 из бедной кислородом высокогорной зоны Роанды в зоны низменностей Планеты 3(1), тоже бедных кислородом. Около половины особей погибло, но остальные выжили, и это был неплохой результат. Одновременно мы ввезли сюда разные

виды растительности — в основном лишайники, болотные растения и водоросли, — надеясь, что это позволит увеличить количество кислорода. Полный отчет об этом эксперименте можно найти в архивах. Планета медленно оживала, и в течение пятисот С-лет там сформировались условия, которые позволяли начать добычу минералов. Климат на планете оставался холодным и промозглым. С потомками обитателей Колонии 9 происходили любопытные метаморфозы. Они стали мельчать, их мех стал походить на чешую или лишайники. Они начали откладывать яйца, которые носили в складке кожи под хвостом, пока из них не вылуплялись детеныши. В настоящее время они окончательно превратились в земноводных и больше не годятся для выполнения физической работы. Они передвигаются чрезвычайно медленно, что позволяет свести потребление кислорода к минимуму. Разработкой месторождений приходится заниматься нашим специалистам и рабочим, которые периодически сменяют друг друга и проходят регулярные медицинские осмотры.

Успех этого эксперимента отчасти определялся нашим опытом обустройства станций на луне Роанды.

Необходимо сказать пару слов о моем душевном состоянии. После того как я бежала из плена, я еще довольно долго пробыла на Роанде. Собственное эмоциональное состояние вызывало у меня опасения, и одной из причин такой нестабильности была ситуация на Сириусе. Я понимала, что должна изменить себя, чтобы избежать нелепых и опрометчивых поступков в будущем. Но, похоже, время не прибавляло мне ума. Беседы с Амбиеном Первым не давали ощутимых результатов — дело каждый раз кончалось взаимными заверениями в том, что мы в любую минуту готовы прийти на помощь друг другу, но мне требовалось нечто большее. В таком настроении пребывала не я одна, и, общаясь с другими сотрудниками Колониальной Службы, я видела, что предчувствие беды охватило многих.

Я все больше негодовала на Родию и недоумевала, почему Канопус позволил мне поддаться соблазну? С какой целью? Я не устояла, но потом сумела преодолеть себя — точнее, заставила себя прислушаться к предостережениям Канопуса, которые стали моим внутренним голосом. Он помог мне увидеть себя со стороны и освободиться. Но ради чего все это было?

Мое недоумение усугубляли мысли о том, что

Шаммат, в сущности, слаба и ничтожна. *Что* стояло за силой, которая поработила Роанду? Хитрый и коварный Тафта был всего-навсего жалким, мерзким полуживотным, способным лишь на мелкие пакости. Подлинным злом мне казалось жестокое жречество. Что связывало Тафту с жрецами? Было ли жречество его детищем или он просто терпел и использовал его? Может ли потомство мелкого проходимца стать на порядок хуже своего прародителя? В результате долгих размышлений я пришла к следующим выводам. Если бы меня ввел во искушение порочный, но могущественный противник, я бы могла увидеть в этом какой-то смысл! Но попасться на удочку Тафты было унизительным. Я не понимала, что это говорит моя гордыня. Я злилась на Канопус за то, что он не подыскал для меня более изощренных злодеев! Меня недооценили, подослав ко мне этого мелкого негодяя. Я чувствовала себя оскорбленной, хотя голос разума подсказывал мне, что я не заслужила более масштабного противника, чем Тафта. Ведь я поддалась на его уловки, хотя и ненадолго. Я не устояла перед подлостью и пошла на поводу у своего тщеславия. При этом я не могла представить себе, чтобы я могла пойти на поводу у жрецов Гракконкранпатла. Они не вызывали

у меня никаких чувств, кроме глубочайшего отвращения… Возможно, слабость, которую я проявила, должна была дать мне понять, что вселенское зло всегда начинается с пустяка? Может быть, таким образом Канопус преподносил мне очередной урок?

Подобные мысли не давали мне покоя, и в конце концов я пришла к выводу, что с меня довольно, и решила им не поддаваться. Я показала себя легковерной и бесхарактерной. Что толку теперь это отрицать. Я улетела с Роанды, ощущая досаду, с которой была не в силах справиться.

Со временем эта досада превратилась в сдержанную печаль, которая была сродни психическому расстройству, вызванному экзистенциальной проблемой. К такому выводу пришла я сама, когда смогла хладнокровно оценить свое состояние.

Некоторое время я находилась вдали от Роанды.

Меня мало занимали эксперименты, которые проводились там в этот период. В основном это были научные, а не биосоциологические исследования. Я следила лишь за одним из них. Атмосфера Роанды на восемьдесят процентов состоит из азота. Однако млекопитающие суще-

ствуют за счет двадцати процентов кислорода. Идея состояла в том, чтобы вывести вид, способный дышать азотом или хотя бы смесью азота и кислорода. С этой целью проводилось множество довольно любопытных экспериментов, но их пришлось прекратить, поскольку Второй Южный Континент захватила империя, во главе которой стояли Гракконкранпатл и Леланос. Этот союз был непрочен, как любой альянс равных по силе государств, которые преследуют одни и те же цели. Подобная коалиция сохраняет жизнеспособность, пока одна из сторон играет роль великодушного покровителя другой. Теперь Леланос стал таким же средоточием зла, как и Гракконкранпатл. Жители Леланоса вступали в браки с кланом жрецов, которые были на редкость безобразны, и их сильные, умные и коварные потомки, перенявшие «религиозные» традиции жрецов, держали в страхе весь континент. Они подчинили себе Гракконкранпатл и превратили бывших жрецов в рабов. Поэтому, после того как два города объединились, чтобы творить зло, положение дел изменилось.

Но я была не расположена слишком много думать про Роанду. В Сирианской империи имелось много других, куда более важных дел. Когда я

получила от Канопуса приглашение принять участие в дискуссии «о текущем положении на Роанде и, в частности, о ситуации на Втором Южном Континенте», то сначала оставила его без внимания. Но затем я получила сообщение за подписью Клорати, о котором не переставала думать, даже когда была занята делами, не имеющими к нему отношения. Он писал, что «сложившаяся ситуация на континентах, которые находятся в ведении Сириуса, оказывает неблагоприятное воздействие на Роанду в целом».

Теперь я знала, что оба Южных Континента заселены свирепыми племенами, которые постоянно воевали между собой. Но, рассматривая эти территории как полигон для экспериментов, я не предполагала, что мы обязаны быть альтруистами. Я не видела причин, по которым Сириус не может просто покинуть Роанду. Мы бы с радостью уступили оба Южных Континента Канопусу. Кроме того, мои отчеты показывали, что положение дел в северном полушарии не делает чести этой империи. Пусть Сириусу и не удалось улучшить положение дел на Роанде, но ведь этим не мог похвастаться и Канопус.

Таково было мое видение ситуации.

Мне не хотелось принимать приглашение Кло-

рати, поскольку речь шла о бесперспективной планете, кишмя кишащей грубыми созданиями, которые решали любые проблемы одним-единственным способом — истребляя противника физически.

Если бы Клорати пригласил меня просто повидаться с ним на Канопусе или поговорить о другой планете, которая была предметом наших общих интересов, я бы с радостью согласилась.

Однако в данной ситуации я была разочарована. Я чувствовала себя так, словно вместо дружеского сближения (а именно на это я надеялась долгие годы) мне предложили выполнить неприятную работу, которая по определению не могла увенчаться успехом. Я отправила письмо в адрес Канопуса, сообщив, что не могу увидеться с Клорати, «хотя, возможно, сумею найти время для встречи позднее». Однако этот шаг не принес мне удовлетворения, и моя тоска лишь усилилась. Впрочем, на другом конце Галактики меня ждала непростая работа, которая требовала полной самоотдачи. Пока я готовилась к отъезду, меня снова вызвали на конференцию на высшем уровне. Речь опять шла о Роанде, а точнее о ее луне. Разумеется, мы знали, что на этой маленькой неуютной планете обосновалась

Шаммат, но теперь выяснились кое-какие новые обстоятельства. Поручив одному из сотрудников представлять меня на этой конференции, я решила выбросить мысли о Роанде из головы. Однако как только я начала собираться в дорогу, а поездка обещала быть долгой, меня снова стал преследовать вкрадчивый шепот. «Сирианка, — слышала я, — сирианка, сирианка…» Он не умолкал ни на минуту, заглушая все остальные звуки, которые сразу затихали, и в наступившей тишине немедленно раздавался настойчивый голос: «Сирианка, сирианка…» Это был голос Назара. И голос Родии. И голос Клорати. А также голоса тех, кого я никогда не знала. Я упрямо игнорировала этот призыв, стараясь сосредоточиться на проблемах, которые не имели отношения к Роанде, но обнаружила, что, чем бы я ни занималась, шепот становился громче, и я то и дело замирала, забыв обо всем и прислушиваясь.

Эксперименты в Леланосе

Я сказала в Главном управлении, что мою командировку придется отложить. Я сообщила Клорати, что собираюсь приехать на Роанду, и вызвала космолет, который должен был высадить меня на одной из наших старых станций. Мы сохранили ее, несмотря на то что она не использовалась постоянно и дважды пострадала от землетрясений. Мы восстановили ее отчасти из сентиментальных соображений: когда-то моя жизнь здесь была такой плодотворной и счастливой. Теперь у меня имелась возможность побыть здесь наедине с собой и хорошенько подумать, поскольку Клорати требовалось время, чтобы добраться сюда. Я успела забыть, на что способны канопианцы!

Я самостоятельно добралась до небольшой группы строений, расположенных в предгорьях. У меня за спиной лежали высокие хребты западных гор, а далеко на юге остался Леланос, откуда я когда-то пришла сюда. Приближаясь к станции, я подумала, что она не выглядит заброшенной. Неужели Леланос успел захватить сирианскую станцию? Если правители Леланоса перестали

бояться Сириуса, значит, они окончательно потеряли разум. Прикидывая, как себя вести, если меня ожидают непрошеные гости, я вошла в ближайший дом. Когда-то я жила именно в таком доме — внутри было просторно и уютно. Прямо отсюда можно было вызвать космолет, который поблескивал в вышине надо мной.

В глубине комнаты, спиной к свету, сидел человек. Я сразу узнала Клорати. Он никак не мог успеть добраться сюда за время, которое прошло с того момента, как я послала ему сообщение. Это означало, что Клорати знал о моем приезде задолго до того, как я отправила ему письмо, и даже до того, как я сама приняла это решение… Переваривая эту мысль, я подошла к нему со словами:

— Привет с Сириуса!

— Понимаю, я тут незваный гость, — сказал он, и я оставила эти слова без ответа, давая понять, что дело обстоит именно так, и села напротив, чтобы видеть его лицо. В последний раз мы виделись в Колонии 11. На планетах Канопианской или Сирианской империи нередко случается, что, узнав знакомого, ты говоришь ему: «Здравствуй», — и видишь, что тот, кого ты принял за старого приятеля, при ближайшем рассмотрении

оказывается незнакомцем. В подобных случаях я всегда приходила в смятение и начинала невольно перебирать в памяти прежние жесты, взгляды, манеры друга или сотрудника. Какую часть неповторимой индивидуальности и своей глубинной сущности он утратил? А иногда случается и наоборот. Ты встречаешь человека впервые, но тебя не оставляет ощущение, что перед тобой старый знакомый, — так узнаваемы и привычны для тебя его манеры.

Передо мной был Клорати. Я поняла это, еще не видя его лица, — один лишь силуэт, освещенный со спины. Но он стал другим. Новый облик, который этот человек для себя выбрал, очень напоминал прежний. Должно быть, неплохо, подумала я, быть сильным и здоровым мужчиной, который без труда приспосабливается к условиям жизни на любой планете, находит общий язык с любыми видами и одновременно не бросается в глаза. В этом смысле моя внешность была куда менее удачной: она привлекала слишком много внимания и часто причиняла мне неудобства.

Я хорошо изучила канопианские методы омоложения и смены тела. На анализ этой проблемы у меня ушло немало времени. Должна сказать, что мы, сириане, неплохо владеем подобными

технологиями.

Нет ничего, что мы не знали бы о замене тел и протезировании. Мы можем заменять любые части тела по мере их износа. Едва ли в моем организме остался хоть кусочек плоти, которая была Амбиен Второй в эпоху, предшествующую Катастрофе, не говоря уже о периоде, который канопианцы называют Первым Временем. Содержимое моих сосудов тоже заменялось многократно. Однако такие трансплантации и трансфузии требуют времени и терпения. Кто-то сейчас наверняка вспомнит о том, что огромное количество блестящих специалистов сидит без работы, оставаясь невостребованными. Но этот вопрос вновь возвращает нас к экзистенциальной проблеме. Если бы, отвечая на него, мы сделали своим приоритетом приобретение знаний, было бы вполне логичным взять на вооружение канопианские методы сохранения личности. Как просто «умереть», а потом обзавестись новой физической оболочкой. Это позволяет избежать утомительного периода младенчества и детства — канопианцы научились обходиться без него. Вдумчивое, педантичное отношение к изношенной физической оболочке, характерное для Канопуса, могло бы радикально

изменить наш облик. В то время как мы латаем собственное тело, меняя износившиеся органы, они просто отбрасывают отработавшее свой срок тело и без всяких хлопот и сантиментов обзаводятся новым.

С момента нашей последней встречи Клорати успел сменить три тела. Он сказал мне, что Назар сейчас живет на *нашем* Первом Южном Континенте в облике темнокожего охотника, который обучает аборигенов строить отношения с «Великим Духом».

В тоне Клорати я почувствовала укор. Он упрекал нас в халатном отношении к своим обязанностям. Мы махнули на ПЮК рукой.

Поэтому с первых минут между нами возникла некоторая напряженность.

Я пробыла с Клорати пятьдесят Р-лет и, подводя итоги нашего общения, могу сказать: он хотел, чтобы я по-новому взглянула на использование Роанды Сириусом, и не жалел для этого сил. Я сразу поняла, что, если Канопус поручил Клорати, одному из высших должностных лиц Колониальной Службы, опекать меня на протяжении столь длительного времени, он считает это делом чрезвычайной важности. Разумеется, я не обманывалась, считая это личной инициативой

Клорати. За ним, как всегда, стоял Канопус. Я понимала, что оказалась в уже знакомой ситуации. Назар… Клорати… какие бы имена они ни выбирали, какой бы облик ни принимали, они становились — и с этим мне приходилось смириться — моими наставниками.

Мы с Клорати сидели в просторной уютной комнате, любуясь пейзажами, которые открывались из окон, и разговаривали.

В лучшие времена, когда Роанда была для меня почти родным домом, отсюда, из предгорий, была видна саванна — светлые леса перемежались с долинами и лугами, покрытыми сочной травой. Теперь все изменилось. Здесь вырос тропический лес. Резкие изменения климата привели к появлению огромных рек, и их многочисленные притоки журчали под пологом листвы, такой густой, что порой она превращалась в непроницаемую завесу. Мы смотрели на разросшийся лес, огромные, сочные листья, пышные кроны деревьев, которые блестели под ослепительно ярким, обжигающим солнцем. От природы былых времен, которая освежала и давала силы, не осталось и следа.

Теперь на этом континенте ждать хороших новостей не приходилось. Клорати зорко следил,

чтобы я внимательно слушала его, давая понять, что это — моя обязанность. Он явно готовил меня к чему-то, и я внимала ему, стараясь не упустить ни крупицы истины. Лишь изредка я отворачивалась к окну и смотрела на зелень, окутанную горячими испарениями, и землю, пропитанную влагой теплых дождей, но по большей части я не сводила глаз с Клорати. Умение этого человека заставить прислушиваться к его советам при полном отсутствии авторитарности не переставало удивлять меня.

Ситуация на континенте была такова. Леланос превратился в тиранию и теперь контролировал не только территории, которые ранее делил с Гракконкранпатлом, но и перешеек, соединяющий Южный Континент с Северным Изолированным Континентом, что препятствовало свободному перемещению населения. На остальных территориях был распространен вид, предками которого являлись беглецы и мутанты, оставшиеся от наших многочисленных экспериментов (они скрещивались с местными видами приматов). По внешним признакам этот гибрид мало отличался от жителей Леланоса до того, как его население начало вырождаться. Это были высокие, гибкие, худощавые люди с разными цветами кожи — от

светло-коричневого до почти черного, — прямыми черными волосами и темными глазами. Они занимались охотой и собирательством. Хотя среди их предков встречались племена, освоившие сельское хозяйство, эти навыки не сохранились в их генетической памяти, что было неудивительно, — они были немногочисленны, и у них не было необходимости выращивать продукты питания. Эти существа жили в гармонии с природой и в согласии с собой. Все, что они делали, повиновалось воле Великого Духа. Именно так учил их Назар на Втором Южном Континенте. Все это говорило о том, что их жизнь подчинялась Необходимости, о которой я с улыбкой вспомнила в разговоре с Клорати. Наши отношения были непростыми. Сейчас я понимаю, что иначе и быть не могло, ведь за нами стояли две совершенно разные империи. При том мы шутили и смеялись, и наше общение бывало легким и непринужденным. На мои, надо признаться, довольно неуклюжие шутки Клорати отвечал еле заметной улыбкой. Да, признал он, эти люди в самом деле подчиняются необходимости. Точнее сказать, так было в прошлом, поскольку теперь их земли оккупировали леланианцы, которые превратили все население континента в своих

рабов. Они трудились в рудниках и на плантациях или становились жертвами ритуальных убийств, которых требовала религия Леланоса. Кроме того, они служили материалом для экспериментов. Клорати рассказал мне о том, что господствующая раса Леланоса постепенно превратилась в профессиональную элиту, которая рассматривала другие народы как гибкий и податливый материал, пригодный для достижения определенных социальных целей. Едва ли я была вправе осуждать такой подход, поскольку именно в нем Сирианская империя видела основу разумного управления. Но леланианцы пошли дальше, используя всех, кто оказался в их власти, как материал для более жестоких экспериментов. Хотя, слушая Клорати, который описывал происходящее в Леланосе, я временами испытывала дискомфорт, я могла твердо сказать, что Сириус никогда не проводил ненужных или жестоких экспериментов. Правда, наши эксперименты над физической природой отличались от биосоциологических исследований, но они проводились лишь в случае необходимости, даже если речь шла всего-навсего о нуждах локального характера… Слушая Клорати, я то и дело спорила сама с собой. Теперь я тоже воспринимала эти беседы

как подготовку. Хорошо продуманную, сознательную подготовку к тому, что ожидало меня впереди. Канопус всегда рассчитывал каждый свой шаг. Он предусматривал, оценивал и взвешивал все до последней мелочи, даже когда план был таким долгосрочным, что… Я должна еще раз подчеркнуть, что нам — я имею в виду Сириус и сознаю, что рискую подвергнуться критике, — не дано до конца постичь канопианское понимание долгосрочной перспективы и способность Канопуса предвидеть будущее. Я утверждаю это со всей ответственностью и настаиваю на данной точке зрения… Если я не выскажу ее, мой отчет потеряет смысл.

Клорати умело использовал ситуацию, сложившуюся на континенте, чтобы расширить и изменить мои представления. Поселившись на старой сирианской станции, я понимала: этот человек заранее знал, что мне понадобится время, чтобы перестроиться и усвоить уроки, которые он мне преподаст.

Узнав, что Клорати хочет взять меня в длительное и опасное путешествие, которое позволит мне своими глазами увидеть все, о чем он рассказывал, я воспротивилась. Меня не пугали опасности. В былые времена «смерть» в уста-

ревшем понимании этого слова смущала меня главным образом тем, что она приведет к утрате опыта, который я успела накопить. Теперь я верила, что, если мне предстоит физическое уничтожение, моя глубинная сущность переживет смерть. Кроме того, я думала, что, если нас схватят эти отвратительные звери, леланианцы, со мной рядом будет Клорати, для которого «смерть» — это всего-навсего изменившиеся обстоятельства. Я сопротивлялась, потому что так и не получила то, чего мне так не хватало раньше. То, что мне причиталось. Когда-то я была глуха к словам Клорати, поскольку не могла завладеть его вниманием безраздельно. Теперь, когда все его внимание доставалось мне одной — хотя для Клорати я была всего лишь представителем Сириуса, — мне по-прежнему казалось, что мною пренебрегают, что меня недооценивают. Все что мне предлагалось — это отправиться туда, где живут роандианские дикари. Я предпочла бы остаться в домике у подножия гор, смотреть на заросли тропического леса, слушать Клорати — хотя он говорил только о Леланосе, его жителях и его обычаях и никогда не заговаривал о Канопусе, интересовавшем меня куда больше, — и впитывать знания, которые в то время была еще не

готова усвоить. Слова Клорати всегда отражали точку зрения Канопуса и были пронизаны его духом, и я понимала это. Но он заранее определил срок для этих бесед, временами таких спокойных и неторопливых, и требовал, чтобы мы шли вперед и поднимались на новый уровень.

Мы могли путешествовать разными способами. Можно было вызвать мой космолет и отправиться в путь вдвоем. Местные жители не знали, какой силой и властью обладает Канопус, поэтому мы могли бы назваться представителями Сириуса и потребовать показать нам все, что нас интересует. Мы могли притвориться эмиссарами из другой части Роанды, прибывшими «из-за моря». Мы могли сказать, что явились с Северного Континента, и тот факт, что преодолеть перешеек между континентами было невозможно, добавил бы нам загадочности. Заявить, что мы прибыли из другого города Леланианской империи, было невозможно, поскольку это государство представляло собой целостную систему и его правителям было известно обо всем, что творится в ее самых отдаленных уголках.

Проблему создавала моя внешность, — мне было трудно остаться незамеченной.

Клорати предложил мне взвесить все варианты

и представить на его рассмотрение тот, который я сочту предпочтительным. Я решила, что лучше всего облететь территорию на космолете. На мой взгляд, такое решение было самым простым. Клорати не отверг его сразу, но продолжал предлагать разные варианты, давая мне возможность обдумать их. Вскоре я поняла, что не стоит «появляться с небес» там, где местные жители успели отвыкнуть от того, что Сириус наблюдает за ними сверху. Такое появление могло полностью разрушить социальную систему, и нам следовало продумать и спланировать свою линию поведения до мелочей — так, как это принято на Канопусе. Неужели нужно взвешивать все столь тщательно, даже если приходится иметь дело с такими неприятными созданиями?

Да, именно так, и мне придется принять это. Выходит, я получила еще один урок от Канопуса, поскольку такой образ действий был очень далек от того, к чему привыкла я.

Нет, мы не искали легких путей. В конце концов было решено, что мы представимся гостями «из-за моря». С помощью Клорати я сумела оценить преимущества такого варианта, и все они были характерны для подхода Канопуса. Главный плюс заключался в том, что даже отвратительные ти-

раны Леланоса прислушаются к нам, поскольку «живущие за морем» упоминались в их легендах. Без сомнения, к появлению таких легенд приложили руку сами канопианцы.

Наше путешествие по Южному Континенту было долгим, и по пути мы видели много такого, что я сумела понять лишь позднее. Вспоминая то время, я до сих пор продолжаю открывать для себя что-то новое. Я написала развернутый отчет об этом путешествии, который находится в открытом доступе. Заверяю со всей ответственностью, что там нет ни лжи, ни недомолвок. При этом надо сказать, что даже весьма обстоятельный и подробный рассказ может не выдержать проверки временем. Зачастую это связано с тем, что, подбирая слова и расставляя акценты, мы ориентируемся на тех, кто будет читать написанное. Пытаясь достучаться до читателя, следует помнить, что он поймет твой рассказ лишь отчасти. Но позднее люди могут открыть в твоих словах нечто большее. Мне очень интересно, захочется ли кому-то из моих коллег-сириан, которые прочли то, что я написала до сих пор, — а я отлично знаю, какие эмоции вызывают у них мои опусы, — заглянуть в этот старый отчет о путешествии. Полагаю, что и те, кто читал его много

лет назад, и те, кто познакомится с ним сейчас, найдут в нем массу полезной информации.

Мы не стали надевать то, что было принято носить в Леланосе. В этом государстве манера одеваться отражала социальную иерархию. Богато украшенные наряды привилегированного класса были слишком вычурными и сковывали движения. Мы надели простое платье и спрятали свои талисманы от посторонних глаз, хотя были уверены, что нынешние леланианцы уже не знали об их существовании.

Первым делом Клорати повел меня не в новую столицу Леланоса, а в главный исследовательский центр.

Он был расположен на отдалении от жилых зон и хорошо охранялся. С виду это место не слишком отличалось от наших исследовательских баз, которые некогда находились на Южных Континентах, и это обстоятельство неприятно поразило меня. Я подумала, что, возможно, леланианцы каким-то образом взяли на вооружение наши методы. Я не стала делиться своими подозрениями с Клорати, но когда эта мысль пришла мне в голову, он сказал:

— Предлагаю отложить все комментарии и сравнения до того момента, когда наше путеше-

ствие закончится.

На станции было несколько лабораторий. Неподалеку высились строения, где жили испытуемые — члены племени аборигенов.

Когда мы добрались до места и сказали, что «прибыли издалека, переплыв большое синее море» — эта фраза в разных вариациях повторялась во многих песнях и легендах, — нам были готовы оказать всевозможные почести, но мы убедили леланианцев не делать этого, попросив их продемонстрировать свои технические достижения.

Тем не менее, беседуя с нами, люди явно испытывали благоговейный трепет. Это мешало им давать простые и ясные ответы на прямые вопросы. Впрочем, того, что мы увидели, было вполне достаточно.

Вид, который правил империей, унаследовал худшее от обеих линий своих предков. Леланианцы походили друг на друга как две капли воды — они отличались грубой и невыразительной внешностью и плотным сложением. От легкости и ловкости бывших жителей Леланоса не осталось и следа. Их потомки стали лживыми и вороватыми. Наблюдая за ними, я не могла поверить, что передо мной потомки прежних леланианцев.

Среди прочих на станции проводились следующие эксперименты.

Во-первых, чтобы оценить выносливость и стойкость испытуемых, исследователи соорудили огромный резервуар со скользкими стенами и наполнили его водой. Отобрав около сотни самых здоровых и сильных членов племени, они опускали их в этот импровизированный водоем, где несчастные плавали, пока не выбивались из сил. Ослабевшие аборигены шли на дно. Экспериментаторы хронометрировали происходящее и следили за пульсом и дыханием испытуемых — время от времени то одного, то другого из них извлекали из воды, обследовали, а затем, невзирая на мольбы и крики несчастного, вновь кидали его в воду.

Когда одна группа исследователей уставала, ее сменяла другая. Испытуемые демонстрировали поразительную выносливость. Зрелище было не из приятных, хотя различия между отдельными особями оказались довольно любопытными. Некоторые, догадываясь о цели эксперимента, шли ко дну, как только их бросали в воду. Такое поведение расценивалось как свидетельство высокого интеллекта. Другие плакали и умоляли о пощаде. Кое-кто впадал в панику и, цепляясь

за своих товарищей, шел ко дну вместе с ними, захлебываясь во время борьбы и увлекая за собой других. Попадались и такие, кто старался не тратить силы попусту и размеренно плавал по кругу, поглядывая на исследователей, которые стояли вокруг резервуара. На их лицах — я обязана написать это во имя истины — было точно такое же выражение, как и на лицах особей, с которыми экспериментировали в свое время мы… Некоторые, видя, как другие слабеют, пытались помочь своим товарищам, хотя понимали, что это ускорит их собственную смерть. Но были и такие, которые продолжали плавать несколько дней подряд. Уже в полубессознательном состоянии они все плавали и плавали по кругу, пока наконец один за другим не утонули. Стоять на берегу и смотреть, как эти несчастные пытаются выбраться наружу, соскальзывая вниз и взывая о помощи, было свыше моих сил, и я предложила Клорати уйти.

Чтобы оценить силу и выносливость аборигенов, леланианцы придумали еще один эксперимент. Над штабелями бревен был подвешен огромный бак, наполненный водой. В него поочередно опускали мужчин, женщин и детей, зажигали огонь и медленно нагревали воду. Так

леланианцы проверяли, при какой температуре испытуемые погибнут. И вновь различия между особями были очень велики. Несколько аборигенов умудрились оставаться в живых до тех пор, пока вода не нагрелась почти до точки кипения. (Чтобы понять эту часть моего отчета, читатель должен обладать хотя бы базовыми знаниями по химии Роанды.)

Третий эксперимент заключался в пересадке конечностей и органов. Я была неприятно поражена тем, что при этом леланианцы использовали те же методы, которые в свое время применялись на Сириусе.

Возможно, чудовища, которых они создавали в процессе своих жутких экспериментов, и представляли определенный интерес, но тогда я была неспособна думать об этом. Я была в ужасе от увиденного. Молочные железы самок пересаживались им на спину или на бедра, а половые органы самцов — на лицо. Это вызывало у испытуемых тяжелейшие психические расстройства, которые экспериментаторы изучали с великим интересом. Я видела ребенка, голени которого пришили к бедрам! Нам сказали, что этого несчастного ждет не такое уж плохое будущее, поскольку он сможет развлекать богачей, передвигаясь на чет-

вереньках. Исследователям явно было приятно порадовать час лучезарными перспективами, которые ожидали этого мальчика. Они уверяли нас, что не испытывают удовольствия, причиняя боль другим. Исследователи были убеждены, что испытуемые принадлежат к низшей расе, а стало быть, им неведомы физические и психологические страдания, которые испытывают они сами. С таким взглядом на вещи мне не приходилось сталкиваться со времен становления сирианской науки, когда мы тоже убеждали себя, что наши испытуемые ничего не чувствуют.

Сирианцы, по крайней мере, не лицемерили на протяжении долгих эпох… Я сказала об этом Клорати, но он еще раз попросил меня воздержаться от комментариев до тех пор, пока наше путешествие не закончится.

Прежде чем покинуть центр, мы осмотрели поселение испытуемых. Здесь жили несколько сот аборигенов: мужчины, женщины и дети. Вдоль стен длинных бараков тянулись многоярусные нары, на которых они спали. Сами бараки были бетонными — нам объяснили, что это помогает уберечь испытуемых от паразитов и поддерживать чистоту. Раз в день бараки и испытуемых окатывали водой из пожарного шланга с добав-

лением дезинфицирующих веществ. От такого ухода некоторые простужались и погибали: аборигены привыкли к жаркому, влажному климату и были подвержены респираторным заболеваниям. Их кормили из больших котлов кашей из зерновых культур, которые мы завезли сюда в незапамятные времена с Планеты 17. Дважды в день испытуемых заставляли заниматься физическими упражнениями, потому что иначе они потеряли бы форму и не годились для исследований. Здесь имелись тюрьма с карцером для нарушителей и маленькая больница. Территория была окружена высоким забором и строго охранялась. Когда мы осматривали территорию, один из аборигенов сделал шаг вперед и с мольбой протянул к нам ладони. Когда охранник ударил его дубиной и приказал немедленно вернуться к своим товарищам, я попросила, чтобы этому мужчине позволили высказаться. Оказалось, что тот хотел обратиться к нам с ходатайством. Он сказал, что во многих экспериментах нет необходимости, поскольку, чтобы получить нужную информацию, достаточно просто опросить членов его племени, — в первую очередь это относилось к экспериментам по проверке выносливости. Некогда его предки обладали глубокими

знаниями о человеческом теле и разуме. Они умели исцелять больных с помощью лекарственных растений и решать психологические проблемы. Кроме того, они знали, как жить в гармонии с природой, не нанося ей вреда.

Бедняга выпалил все это на одном дыхании, поскольку боялся, что ему не дадут договорить. Он стоял перед нами, глядя на нас с мольбой и надеждой, нагой, бледный и исхудавший, но при этом держался с достоинством, которое производило глубокое впечатление. «Низшая» раса даже на первый взгляд явно превосходила своих господ честностью и прямотой.

Он сказал, что леланианцы никогда не интересовались знаниями аборигенов, которые могли бы принести им огромную пользу, хотя местные жители постоянно пытались поделиться с ними… Но леланианцы не желали слушать подобное — они набросились на несчастного пленника с кнутами и дубинами, и вскоре он уже лежал без чувств в луже собственной крови, а специалисты, которые сопровождали нас во время осмотра, шумно негодовали, возмущаясь его «наглостью», после чего один из них заявил, что «эти скоты вечно выкидывают подобные трюки». Я была вне себя от возмущения и ощущения собственного

бессилия. Я думала, что Сириус никогда — по крайней мере, с тех пор как для него началась эпоха цивилизации — не уничтожал бесценные, невосстановимые знания жителей колоний, — ведь лишь тот, кто вырос на планете и дышал ее воздухом, способен понять ее подлинное естество.

Клорати молчал. Я знала своего спутника достаточно хорошо, чтобы догадаться, что напряженное выражение его лица говорит о страдании. Не проронив ни слова, он развернулся, чтобы уйти. Мы прошли через толпы обнаженных аборигенов, которые смотрели на нас умоляющими глазами и протягивали к нам руки, не смея подать голос.

Прежде чем мы покинули это место, нам пришлось выдержать омерзительное пиршество, основным блюдом на котором было мясо аборигенов и других животных. Мы видели, что местные специалисты рады возможности поразвлечься. Они считали себя элитой, которую отправили работать в провинцию, и им не терпелось вернуться в столицу.

Они произносили речи, поздравляя друг друга с блестящими достижениями в исследовательской работе. Им и в голову не приходило, что мы не в

восторге от их успехов.

На следующее утро мы поблагодарили их и уехали.

Новость о появлении «великих из-за морей» достигла столицы быстрее нас. Нас приняли со всевозможными почестями и церемониями. Здесь по-прежнему заправляло жречество, но теперь элита состояла не только из семей жрецов, как в Гракконкранпатле былых времен. Участники торжественной встречи выстроились в две шеренги — с одной стороны под охраной солдат стояли жрецы в богато украшенных одеяниях, а с другой — представители привилегированных семейств в пестрых нарядах, манерные и инфантильные. С их стороны не было ни солдат, ни другой охраны. Они не нуждались в охране, поскольку были добровольными пленниками жрецов. Я не стану описывать наше пребывание в столице во всех подробностях, но скажу пару слов про архитектуру города. Когда Гракконкранпатл объединился с Леланосом и последний взял в этом союзе верх, он позаимствовал стиль Гракконкранпатла при строительстве всех административных зданий, тюрем, больниц и карательных учреждений. Все они были темными, зловещими и неуклюжими. Лишь жилые дома

и развлекательные учреждения остались легкими и воздушными. Соседство таких крайностей представляло собой весьма странное зрелище.

Мы пробыли в столице несколько месяцев. Насколько я поняла, Клорати требовалось время, чтобы выяснить, способны ли леланианцы вновь стать людьми. В основном он прислушивался к тому, что ему говорят, или, словно невзначай, задавал умные и тонкие вопросы. Иногда мой спутник ставил собственные эксперименты, но так осторожно и незаметно, что поначалу я не обращала внимания на то, что он делает, и мне пришлось учиться наблюдать за тем, что происходит. Клорати проверял, как местные жители реагируют на ту или иную идею или предложение, а иногда устраивал небольшие провокации. Познакомив группу людей с какой-либо идеей, он наблюдал за ее осмыслением. Моя подготовка была недостаточна, чтобы понять, какой отклик в его душе вызывает происходящее. Но я видела, что он становится все мрачнее, а временами — и я не сразу поверила, что представители великого Канопуса способны на такие чувства, — впадает в отчаяние. Он явно испытывал глубокую печаль, давно и хорошо знакомую мне самой.

Наше пребывание в столице подробно описано

в одном из моих старых отчетов.

Когда мы покидали столицу, несмотря на протесты Клорати, наши проводы превратились в церемонию, подобающую божествам. Мы строго-настрого запретили ритуалы, при отправлении которых несчастные аборигены приносились в жертву «Богам». Мы твердо заявили, что «за синими морями» такие обычаи давно признаны ненужными и бессмысленными, — объяснять этим самодовольным варварам, что они ведут себя как дикари, было бесполезно. Когда мы собрались покинуть город, нас провожали жрецы, которые устраивали свои омерзительные церемонии при первой возможности, и несколько молодых горожан — эти, нимало не смущаясь, называли себя «людьми для забавы».

Экспериментальная станция, на которую мы отправились далее, внешне напоминала первую. Испытуемыми тоже были сплошь представители местных племен, но здесь использовались и другие виды животных, прежде всего плотоядные. И все же леланиацы предпочитали ставить эксперименты на аборигенах, поскольку те были ближе к ним в физиологическом плане. Кроме того, уже проведенные исследования позволили им собрать богатый материал для сравнений.

На этой станции Клорати попытался уговорить специалистов побеседовать с аборигенами, чтобы собрать сведения о народной медицине. Он объяснил, что «за морями» передовая медицинская наука активно использует местные снадобья и целебные растения, учитывает расположение звезд и помогает людям жить в гармонии с природой. Эта медицина занимается не только исцелением и профилактикой: поддержание здоровья стало точной наукой, которой обучают каждого члена общества. Чтобы быть здоровым, нужно жить в гармонии с силами природы — вообще со всем, что происходит в Галактике. Да, именно так он все сформулировал. Я старалась не упустить ни слова, потому что Клорати рассказывал о том, что мне так хотелось узнать. Пусть обиняками, пусть не напрямую он говорил о Необходимости. Но меня, как всегда, захлестывала обида. Почему Клорати открывает эту ценнейшую информацию, сокровенные тайны Канопуса диким, отсталым леланианцам? Почему он обращается не ко мне, хотя я так давно мечтала поговорить с ним об этом? Лишь спустя долгое время, когда его уже не было рядом, я поняла, что на самом деле все это говорилось для меня. Клорати обращался к Сириусу… Он рассказывал это вовсе не жителям

Леланоса — его слова не могли принести им пользы. Они не слышали его и не могли услышать. Их поведение наглядно подтверждало основной закон эволюции: чтобы индивид, народ или планета могли подняться на определенную ступень в развитии, они прежде всего должны уметь слушать. Они должны быть способны усвоить и принять то, что им предлагают.

Всякий раз, когда Клорати беседовал с жрецами и прочей знатью, те сидели, всем своим видом демонстрируя бесконечное внимание и уважение. Однако невероятное самодовольство делало их глухими к любым увещеваниям — эти люди были непоколебимо уверены в собственном превосходстве по отношению к прочим живым существам. Клорати не удалось поколебать это убеждение.

Впрочем, некоторые из них в глубине души чувствовали, что им есть чему поучиться у Клорати, и они приходили к нему тайно, чтобы поговорить с глазу на глаз. И он обучал их всему, чему мог. Когда мы решили, что нам пора уходить, местные жители отправились проводить нас. Нас сопровождала довольно пестрая компания чиновников и жрецов, в число которых входили и просто любопытствующие, и те, кто был намерен учиться всерьез.

Третья станция представляла особый интерес, и, возможно, ее работа могла бы пролить свет на природу процессов на Роанде, будь леланианцы в состоянии понять их. Здесь исследовали дегенеративную болезнь, которая вызывала «старение» — состояние, о котором я узнала, когда сблизилась с Родией. С тех пор Роанда все быстрее утрачивала былое величие. Срок жизни леланианцев сократился вдвое. Теперь обычная продолжительность жизни в Леланосе составляла сто пятьдесят Р-лет. «Старение» начиналось в конце репродуктивного периода, в течение которого особь могла производить потомство. Кожа постепенно становилась сухой и морщинистой. Волосы теряли цвет и белели, глаза выцветали и делались водянистыми. Все чувства — зрение, слух, осязание, вкус — слабели или исчезали. Процессы мышления замедлялись, что иногда приводило к полному слабоумию. На территории станции были целые поселения местных жителей, которые перевалили определенный возрастной рубеж, и исследователи буквально истязали их, пытаясь раскрыть тайну «старения».

Любопытно, что аборигены сохраняли жизнеспособность значительно дольше, чем «высшая» раса. Почти до самой смерти их тело оставалось

сильным и гибким, зубы — белыми и крепкими, а волосы — темными. Кроме того, они не страдали от слабоумия. И все же они умирали до обидного рано. Клорати сказал, что это происходит потому, что аборигены поддерживают тесную связь с природой. Леланианцы же подчинили свою жизнь механистическим законам, которые придумали они сами, или же своим капризам. Аборигены занимались физическим трудом, который их хозяева считали для себя унизительным. Кроме того, в их жилах не текла кровь уроженцев Шаммат и Путтиоры.

На этом этапе нашего путешествия Клорати сказал мне, что леланианцам нельзя помочь. Им уже не измениться к лучшему. Как всегда, он попросил меня подумать, как следует поступить в этой ситуации, объяснив, что я должна взвесить все за и против «без эмоций».

Вернувшись на сирианскую станцию в горах, мы сели рядом — так же, как сидели раньше, — чтобы поговорить. Мне не терпелось услышать его выводы, я ждала, когда он «подведет итоги» — как любили говорить в Леланосе. Но Клорати не торопился и не заводил разговоров на эту тему несколько месяцев, давая мне возможность переварить новые впечатления.

Он то и дело заставлял меня вспоминать об экспериментах Леланоса и об отношении леланианцев к собственным исследованиям, тогда как у меня не было ни малейшего желания думать об этом. Увиденное казалось просто отвратительным, а я была бессильна изменить ситуацию, и мне хотелось поскорее выбросить все это из головы.

Клорати сказал, что у леланианцев, проживающих на богатом и плодородном континенте с хорошим климатом, нет необходимости работать дни напролет, чтобы обеспечить себя средствами к существованию. И даже если бы им пришлось упорно трудиться, они обзавелись бы огромным количеством рабов и слуг, которые выполняли бы тяжелую и неприятную работу. Они привыкли не утруждать себя и не перенапрягаться. Наблюдатели с Шаммат считали, что именно это позволяет держать их в подчинении, поскольку эти люди были развращены бездельем. Праздность сделала их рабами Шаммат. В то же время, если бы они предавались безделью постоянно, они стали бы бесполезными. Шаммат подталкивала их к проведению экспериментов. За исключением немногочисленной правящей верхушки, которая все чаще поручала выполнять свою работу спе-

циально обученным рабам, господствующая раса занималась исследованиями, методы которых становились все более изощренными. Поскольку тем для исследований было недостаточно, чтобы обеспечить работой всех, эксперименты становились все более нелепыми, масштабными и — бессмысленными. Истязаниям подвергалось все большее количество несчастных представителей других видов.

Леланианцы считали, будто все, что их окружает, безраздельно принадлежит им одним и может использоваться на их усмотрение. В результате неустойчивое равновесие силы и власти все больше нарушалось. Ситуация на Южных Континентах, территория которых находилась в ведении Сириуса, вышла из-под контроля, что усугубляло и без того нестабильную обстановку на Роанде. Клорати сказал, что поначалу он надеялся обуздать жестокость леланианцев, помочь им увидеть естественную гармонию земли, скал, воды и огня, бесконечное разнообразие растительного и животного мира, дать этим людям понять, что любое живое существо, обитающее на планете, играет свою роль в невидимом космическом танце. Но вскоре стало очевидно, что для этого они слишком самодовольны.

А теперь мы подошли к кульминационному моменту нашей встречи.

Я чувствовала, что Клорати недоволен. Позади у нас было совместное путешествие, во время которого я получила множество уроков, и долгие беседы, в ходе которых он никогда не давил на меня, но лишь объяснял и наглядно демонстрировал то, что я должна была понять. Однако Канопус и Сириус действовали по-разному, были, так сказать, в разных весовых категориях и имели разные приоритеты, поэтому упреки с одной стороны и возражения с другой были неизбежны.

Почему мы махнули рукой на Южные Континенты?

Мы считали, что дальнейшие работы здесь нецелесообразны.

Но Сириус просил, чтобы эти земли предоставили в его распоряжение, более того, он настаивал на этом.

В то время ситуация была иной. Южные Континенты были нужны нам. (К тому же нам не хотелось уступать Канопусу, хотя такая установка была мелочной и нелепой.)

Что мы намерены делать дальше?

Нынешняя Роанда не представляет интереса для Сирианской империи. На повестке дня в

настоящее время стоит освоение других планет, хотя, возможно, и эта еще пригодится нам в будущем. Однако какую бы позицию ни заняла я сама, никакие, даже самые убедительные аргументы не смогут заставить Сириус вновь активно эксплуатировать Роанду, поскольку теперь она кишмя кишит всякой нечистью и работать здесь слишком опасно. К тому же влияние Шаммат стало слишком сильным. По-видимому, Канопус смотрит на сложившуюся ситуацию сквозь пальцы, что вызывает у нас крайнее недоумение.

Я сказала Клорати, что Сириус не может помочь Роанде.

— Значит, вы не будете возражать, если мы воспользуемся этими землями?

— Но вы уже ими пользуетесь! Вы появились здесь не сегодня. Я не хочу сказать, будто то, что вы делаете, приносит вред, ничуть не бывало. Я уверена, что без вашего вмешательства дела обстояли бы куда хуже. Но нужно быть лицемером, чтобы просить разрешения на то, что уже сделано.

— Но вы всегда были в курсе того, чем мы занимаемся.

Когда Клорати сказал это, мы оба засмеялись: было понятно, что он имеет в виду нашу отлично

налаженную систему шпионажа.

— На мой взгляд, теперь на Втором Южном Континенте нужно принимать срочные меры. Такие же, как на Первом. В свое время этой работой занимался твой приятель Назар.

Я дала Клорати понять, что Сириусу безразлична дальнейшая судьба континента и мы с радостью предоставим решать все проблемы Канопусу.

— Сирианка, теперь, когда ты увидела все своими глазами и имела время обдумать увиденное, скажи, что, по твоему мнению, следует делать дальше?

— Я вызову сюда корабли с огнеметами, чтобы уничтожить этих негодяев! — с негодованием воскликнула я.

Последовала долгая пауза.

— Разумеется, ты шокирован.

— Нет. Я… мы не можем позволить себе подобных эмоций. Нам тоже приходилось уничтожать загнивающие культуры.

— Я удивлена, что великий Канопус применяет подобные меры.

— Скорее, ты удивлена тем, что я говорю об этом открыто, так?

— Пожалуй.

Ибо Сириус в подобных обстоятельствах, безусловно, не признался бы в содеянном.

— Впрочем, когда мы прибегали к таким мерам, чтобы сохранить равновесие, речь шла о небольших локальных культурах… Город… иногда несколько городов… или небольшая группа людей, которые причиняли слишком большой ущерб… Нам пришлось предпринять такие шаги в зоне Великих Внутренних морей… — Его лицо исказилось болью. — Это была не самая приятная работа…

— Могу себе представить.

— Но ты предлагаешь уничтожить жизнь на целом континенте? — спросил он с упреком.

— Они заслужили, чтобы с ними обошлись так же, как они сами обращаются с другими…

— Железное правило, сирианка… Скажи, ты когда-нибудь задумывалась о том, что на них влияет наше поведение?

Клорати опять прочитал мои тайные мысли, и я резко ответила:

— Возможно, аборигены пока что симпатичны и безвредны, но ты не хуже меня знаешь, что при первом удобном случае они станут ничуть не лучше леланианцев. Такова эта гадкая планета.

— Но разве ее обитатели виноваты?

— Этот вопрос не в нашей компетенции, канопианец, — отрезала я, стараясь держаться как можно суровее. Я надеялась, что Клорати наконец-то откроет мне истину и расскажет о тайнах Канопуса.

— Почему нет, сирианка?

Я не нашлась с ответом, поскольку сама расписалась в нашей несостоятельности.

— Вот мы все и выяснили… — произнес он тихо и укоризненно.

— Хорошо, а что предлагаешь ты?

— Я предлагаю убрать всех леланианцев с этой планеты, переправив их в другое место.

— Куда?

— А ты не догадываешься? — Клорати улыбнулся. — Конечно, на Шаммат. Каждому свое.

Я засмеялась.

— Но их тут тьма тьмущая!

— Сирианская империя очень богата. У вас есть огромные флотилии космических кораблей. Вам не впервой переправлять народы с одной планеты на другую. И к тому же вы страдаете от безработицы.

— Но мне ни за что не уговорить Колониальную Администрацию пойти на это. Они не станут тратить огромные ресурсы, чтобы устроить судьбу

низшей расы.

Клорати немного помолчал.

— Сирианка, зачастую на так называемую низшую расу приходится тратить очень много времени, сил и ресурсов. Ты же знаешь, все относительно!

Я не желала это слушать. Нашел время философствовать.

— Но Канопус тоже богат. Ты скажешь, что вы никогда не переправляли народы с одной планеты на другую?

— Да, признаю, было. Но мы делали это по совсем другим причинам. Мы шли на это крайне редко. Наша экономика отлажена до мелочей. И это хрупкое равновесие легко нарушить. Если нам придется переправлять миллионы людей с Шикасты на Шаммат, это бремя окажется для нашей экономики слишком тяжким.

Эти слова содержали ценнейшую информацию о Канопусе и о его устройстве, которую я так хотела получить. Но я была слишком взбудоражена, чтобы принять ее к сведению.

— Я не сумею организовать подобное.

— Не могу поверить, что член Большой Пятерки Колониальной Службы Сириуса не справится с такой задачей.

— Думай что хочешь.

— Я очень прошу тебя сделать это. Может быть, ты удивишься, но экономика Сириуса во многих отношениях гораздо устойчивее, чем наша.

— Извини, ничего не получится.

— Тогда этим придется заняться нам.

Видя его огорчение и тревогу, я попыталась пошутить:

— Наверное, Шаммат тоже придется нелегко, если ее население вырастет сразу на миллион!

— По крайней мере, какое-то время все будут при деле. Должен признаться, мне доставляет удовольствие недостойная мысль о том, что теперь леланианцы в свою очередь станут рабами. На Шаммат сейчас как раз не хватает рабочей силы.

— Я разделяю твои чувства.

— Готовы ли вы помочь нам в реабилитации туземных племен?

Я ответила не сразу. Я чувствовала, что была не права, когда отказалась посодействовать в перевозке людей. Я знала, что мы отстаем от Канопуса по всем статьям, но не понимала, зачем ему возиться со столь заурядными созданиями.

— Зачем? — спросила я. — Зачем вам столько хлопот?

— Всем нам будет полезно — я имею в виду

всю Галактику, — если эти племена вернутся на свои родные земли и будут продолжать жить привычной для них простой жизнью в гармонии со своим окружением. Увидишь, именно так оно и будет.

— И как долго это будет продолжаться? — поинтересовалась я.

— Разумеется, не вечно. Мы понимаем это.

— Но тогда зачем? Только не говори мне про Необходимость!

— Но других причин нет.

— Ладно, тогда продолжай! — воскликнула я требовательно. — Объясни же мне, я жду. Ты всегда умолкаешь, как только мы приближаемся к главному.

Мне показалось, что Клорати слегка опешил, потом погрустнел, и наконец печаль сменилась веселым изумлением.

— Сирианка, тебе трудно угодить.

Я разозлилась. Я понимала, что не права. Не в силах сдержаться, я вскочила и выпалила:

— Канопианец, я улетаю прямо сейчас.

— Не буду тебе мешать! — сказал он, пытаясь напомнить мне, что мы всегда относились к происходящему с иронией.

— Ты мог бы остановить меня, если бы захотел.

Но ты наверняка даже не попытаешься. Знаешь, я была бы очень рада, если бы ты хоть раз сделал что-нибудь ясное и недвусмысленное.

И тут Клорати рассмеялся. Он хохотал, качая головой, словно не верил своим ушам. Это привело меня в бешенство. Я выбежала из дома, вызвала космолет, который парил неподалеку, и, обернувшись, увидела, что канопианец стоит в дверях и смотрит мне вслед.

— Может быть, я могу подвезти тебя? Например, на Планету Десять. Мы полетим мимо нее.

— Мне нужно еще на некоторое время остаться здесь.

— Тогда прощай.

На этом мы расстались.

И вновь, когда Роанда осталась позади, я почувствовала облегчение. Это было выше моих сил! По пути домой я то и дело невольно бормотала: «На сей раз с меня хватит! Отлично, канопианец, пусть будет по-твоему!» Лишь позднее, уже написав отчет о командировке, я начала понимать, что стояло за вызывающим поведением Клорати. Внезапно я обнаружила, что стала рассуждать совершенно иначе.

Недавно, изучая историю тех лет в связи с другим вопросом, я наткнулась на фразу: «На

экспериментальные и исследовательские программы были наложены ограничения, поскольку численность животных, которых разрешалось использовать при реализации таких программ, резко сократилась».

Для меня за этой сухой формулировкой стоит очень и очень многое. Покинув Роанду, я не уехала на окраину империи и не подавала заявлений с просьбой об отпуске, на который имела право. Я не пыталась изменить позицию Сириуса в отношении Роанды, как того хотел Клорати. Но я стала бороться за то, чтобы заставить Сириус пересмотреть свою позицию в отношении народов, которые находились у нас в подчинении. В первую очередь это касалось использования этих людей в качестве материала для исследований. Этот бой еще не закончен. В то время как я пишу эти строки, сторонники разных точек зрения продолжают спорить до хрипоты.

Широкомасштабные биосоциологические эксперименты ведутся по-прежнему. Некто остроумно заметил, что они планируются по принципу: «А что, если мы…» Иными словами, мы продолжаем перевозить племена и целые народы с места на месте, подвергая их сильнейшему стрессу. Я убеждена, что при этом испытуемые

глубоко страдают. Я не разделяю точку зрения специалистов, которые заявляют: «Эти создания стоят на такой низкой ступени умственного развития, что не отдают себе отчета в происходящем». Да, когда-то я думала так же. Но надеюсь, что это время осталось далеко позади. Полагаю, что чуткий и внимательный читатель поймет: я не зря так подробно описала эксперимент с ломби. Но полностью избежать вторжения в естественный ход вещей на колонизированных планетах невозможно. Иначе в чем смысл колонизации? Однако, присоединяя новую планету, Сирианская империя теперь взвешивает и планирует каждый свой шаг. Впрочем, как я уже говорила, в настоящее время процесс колонизации приостановлен.

Стать частью Сирианской империи — значит способствовать прогрессу и развитию, придерживаясь принципа «один за всех и все за одного». Для достижения этого идеала каждому приходится чем-то жертвовать. На данном этапе я не требую полного отказа от социальных преобразований — это было бы равносильно уничтожению Сирианской империи, что никоим образом не входит в мои намерения… Однако я не желаю присоединяться и к тем, кто сентиментально восклицает:

«Природа имеет свои права!»; «У каждого должна быть родина!» или требует: «Руки прочь от...» О какой бы планете ни шла речь, эти лозунги сейчас стали очень популярны. Нет! Долг более развитых планет — вести за собой другие.

Однако это не означает, что мы должны подвергать не сотни, не тысячи и даже не миллионы, а миллиарды особей всевозможных видов и рас жестоким и бессмысленным экспериментам. А именно этим мы занимались очень долгое время. Говоря о бессмысленных экспериментах, я имею в виду те, в которых *нет Необходимости.* Именно она стала основной темой дебатов. Чем определяется Необходимость?

Когда я вернулась с Роанды, две трети специалистов Сирианской империи были заняты проведением экспериментов над самыми разными видами. Это были весьма разнообразные эксперименты — от самых безобидных до приводящих в ужас. При проведении одних исследователи заботились о том, чтобы испытуемые не испытывали страданий. В ходе других об этом не думали вовсе. Но, как часто случается, споры, которые разгорелись в результате моих усилий, вылились в дискуссию о том, испытывают ли подопытные животные страдания, насколько сильны эти

страдания и как их контролировать. При этом вопрос о том, насколько законны эти эксперименты и вправе ли мы использовать виды, которые оказались у нас в подчинении, для удовлетворения своих текущих нужд, даже не обсуждался. А ведь этот вопрос порождал следующий, не менее важный: в чем состоит предназначение каждого отдельного вида? Какова его роль во всеобщей космической гармонии?

И здесь я вплотную приблизилась к канопианской доктрине *Необходимости.*

Разумеется, эти вопросы были связаны и с нашей экзистенциальной проблемой. А она в числе прочего состояла в том, что около пятнадцати миллионов высококвалифицированных специалистов Сирианской империи сидели без работы. Их жизнь не имела цели. В конечном счете бурные споры изменили общественное мнение до такой степени, что люди были больше не согласны допускать массовые пытки — вот самое подходящее слово! — массовые и бессмысленные пытки миллиардов живых существ. Если Сириус хочет понять, ради чего мы существуем и каково наше предназначение, рано или поздно нам придется задуматься и о том, ради чего существуют эти низшие создания.

Теперь об этом размышляют почти все…

Пятнадцать миллионов специалистов, оказавшихся не у дел, были отправлены доживать свой век на планетах, которые выбрали сами. Предполагалось, что там они проведут остаток своей жизни в покое и почете, посвящая свободное время размышлениям о самой острой и серьезной из наших проблем. Однако все они очень быстро умерли, поскольку привыкли работать, а теперь почувствовали себя ненужными.

Разумеется, подобные события вызывали у людей боль и отчаяние, порождали в их душах конфликты, а на некоторых планетах вызвали даже восстания и беспорядки. Лозунги, под которыми велись эти битвы, приводят нынешнюю молодежь в ужас и изумление: «Мы не отдадим того, что принадлежит нам»; «Прав тот, на чьей стороне сила»; «Пусть победит сильнейший»; «Цель оправдывает средства»; «Роль низших — служить высшим».

Все это поставило под угрозу правящий класс в целом. На протяжении долгого времени меня практически подвергали остракизму. Мне то и дело говорили, что я упорствую в своих заблуждениях, и это был еще самый мягкий из упреков. Меня едва не отправили на принудительную

Коррективную Госпитализацию. Поползли слухи, что длительное проживание в неблагоприятных условиях на неблагополучных планетах сказалось на моих умственных способностях и душевном состоянии. Прежде всего, в этом винили Роанду. В минуты отчаяния я была готова согласиться со своими критиками. Моя судьба по-прежнему была частью судьбы Сириуса, и я не могла сказать, что Клорати оказал на нее благотворное влияние.

Вот что стоит для меня за официальной формулировкой: «На экспериментальные и исследовательские программы были наложены ограничения…»

В этот период я не получила ни одной весточки с Канопуса. А ведь я считала Клорати и Назара своими друзьями, хотя наши отношения всегда были очень непростыми. Впрочем, они и не могли быть иными. Подобное напряжение всегда отличает отношения низших с высшими. Надеюсь, что это высказывание не послужит поводом для очередной попытки отправить меня на Коррективную Госпитализацию!

В тот день, когда наша Легислатура узаконила ограничения на эксперименты над животными, я получила письмо от Клорати.

Надеюсь вскоре увидеть тебя на луне Шикасты. С нетерпением жду встречи. Обострение кризиса на Шикасте делает наше сотрудничество очень желательным.

Луна Роанды

Думаю, нет нужды описывать мою реакцию на это письмо.

Я всерьез подумывала о том, чтобы предложить Клорати конкретную дату встречи, но дело осложнялось тем, что Сириус решил больше не заниматься Роандой. Поэтому я оставила письмо Клорати без ответа. По прошлому опыту я знала, что решения Канопуса так или иначе воплощаются в жизнь. Я намеревалась продолжить свою прерванную работу, когда мне приказали отправиться на луну Роанды и помочь преодолеть возникший там кризис. Нисколько не удивившись такому повороту событий, я собралась в дорогу, ожидая встречи с Клорати или Назаром.

В то время на луне Роанды сложилась следующая ситуация.

Длительное время Шаммат держала там свою базу, которая была невелика и использовалась как перевалочный пункт и заправочная станция. Поскольку ситуация на Роанде неуклонно ухудшалась, с точки зрения Канопуса, и улучшалась, с точки зрения Шаммат, последней потребовались дополнительные источники излучения, и на

луне был установлен мощный аккумулятор. Для его обслуживания понадобились специалисты, которые принадлежали к элите Шаммат и привыкли жить в удобстве и комфорте. На луне были созданы все условия для отдыха и развлечений, и сюда стали все чаще наведываться шамматяне, работающие на Роанде. Они приезжали отдохнуть и задерживались все дольше. Это привело к созданию довольно больших поселений. Условия на луне были достаточно специфическими из-за отсутствия атмосферы, поэтому поселения находились под землей. В первую очередь луне угрожали кольца астероидов, которые представляли собой остатки погибших планет. Именно в это время мы направили туда для наблюдения за Шаммат группу персонала, которая активно занялась добычей полезных ископаемых. Ни Канопус, ни мы не возражали против этого, поскольку в нашем распоряжении было достаточно нужных минералов. Канопус тоже создал на луне свой наблюдательный пункт. Шаммат не проявляла враждебности ни к представителям Канопуса, ни к представителям Сириуса, поскольку боялась нас. Шамматяне старались избегать нас, но мы были только рады этому.

Теперь на Роанду прилетали в основном кос-

мические корабли с Шаммат. Влияние Канопуса было менее заметным. Он почти не использовал космолеты, а если его представители и прибывали сюда, чтобы дать необходимые наставления племенам, обитавшим на Роанде, то делали это незаметно и осторожно. Шамматяне летали над Роандой, не задумываясь о том, как обитатели планеты могут отреагировать на вид космических кораблей. Они давно создали на Роанде ряд подземных поселений и использовали самые разные виды транспорта, в том числе подводные лодки. Продовольствие на луну тоже доставлялось с Роанды, ибо это было значительно проще, чем везти его с Шаммат. Там же они брали свежую воду. Шамматяне забирали с Роанды представителей любых видов, которые казались им забавными или любопытными. На луне их превращали в домашних любимцев или отправляли на Шаммат, где они развлекали представителей правящего класса. Шамматяне взлетали в воздух с поверхности океана и в заповедных местах. Как и следовало ожидать, такие события отражались в фольклоре — о них слагались легенды и сказания. Но хотя корабли Шаммат летали над Роандой десятки лет, а в последнее время их стало особенно много, обитатели планеты не

понимали, что именно они видят. Почти у всех племен Роанды появились легенды о «высших существах» — «летающих змеях», «летающих ящерах» и прочих созданиях, которые могут подниматься в небо, когда им вздумается.

Следует сказать, что на луне Роанды жили также и представители трех других планет той же самой солнечной системы. Встревоженные обострением распрей на Роанде, которые угрожали их благополучию, они создали здесь собственные наблюдательные пункты. Это было недавнее нововведение. Я не буду рассказывать о нем подробно, поскольку это не связано с основной темой моего отчета, но именно поэтому меня отправили на луну. Высшее руководство Сириуса опасалось, что, если эти три планеты объединятся с Шаммат, равновесие сил будет нарушено. Изучив обстановку, я сообщила руководству, что, на мой взгляд, ситуация на луне стабильна. Однако я не спешила домой. Хотя я никогда не любила жить под землей, даже в самых комфортных условиях, мне хотелось дождаться Клорати. При встрече выяснилось, что он вновь сменил свою физическую оболочку, которая, впрочем, не слишком отличалась от прежней. Вместо приветствия Клорати улыбнулся и сказал:

— Даже если мне не рады, меня трудно назвать нежданным гостем, ибо ты меня ожидала.

Наше общение продолжалось на дружеской ноте, хотя я была полна решимости не уступать его требованиям.

И вновь наступил час, когда мы просто сидели рядом, ощущая свою близость, степень которой Клорати так умело регулировал.

Диалог, приведенный ниже, дает представление о долгих беседах, которые мы вели на луне Роанды.

— Вы взяли на себя обязательства, сирианка, а потом отказались их выполнять.

— Я не припоминаю, чтобы мы обещали навеки связать свою судьбу с Роандой.

— Обещания не всегда произносятся вслух. Уже тот факт, что вы участвовали в происходящем, влияли на обстоятельства и сами подвергались их влиянию, можно считать обещанием.

— Ты говоришь об этом так, точно это закон!

— Его придумал не Канопус. Тебе наверняка приходилось видеть, что, если кто-то, не считаясь с другими, выходит из игры, связи рвутся, процесс развития останавливается, и в конечном счете от этого страдает инициатор подобных действий.

— Когда ты говоришь об этом, мне кажется, что

я действительно наблюдала подобное. Общаясь с тобой, я возражаю и возмущаюсь, но позднее начинаю понимать, что ты был прав. И все же не я определяю стратегию Колониальной Службы. Скажи, кто устанавливает законы, которым подчиняетесь вы?

Клорати рассмеялся.

— Законы не нужно устанавливать — они заложены в самой природе Вселенной.

— Ты сказал, что мы должны научиться наблюдать за тем, как действуют эти законы.

— Да, сирианка, да.

— По-моему, ты неисправим! — Услышав это замечание, Клорати усмехнулся. — Сколько времени ты провел со мной? Сколько сил на меня потратил? Предположим, что в конце концов я начала кое-что понимать. Но я всего лишь крохотная песчинка в огромной Сирианской империи. Ты знаешь, что меня уже считают чудачкой, эксцентричной особой, которая требует снисходительного отношения? Мне угрожают самыми разными способами промывания мозгов — разумеется, ты знаешь и об этом. Видимо, для тебя мало что значит судьба одного… — Я хотела сказать «одного человека», но осеклась, поскольку собственный тон показался мне невы-

носимо фальшивым. — Ладно, пусть тебе удалось изменить меня, пусть я стала немного похожей на тебя, но чего ты можешь ожидать от Сирианской империи? — Говоря это, я подумала: «А ведь именно я положила начало спорам о плохом обращении с подопытными животными…» И эта мысль так ошеломила меня, что на какое-то время я смешалась и очнулась не сразу…

— Зачем тебе моя помощь? Ведь Канопус всемогущ.

— В настоящий момент наши силы на Шикасте слишком распылены.

— Из-за того что теперь служба на Роанде стала добровольной и добровольцев не хватает?

— Добровольцы есть, но текучесть очень велика. Нам нелегко поддерживать связь с Шикастой. Очень нелегко. И с каждым тысячелетием становится все труднее.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась домой и постаралась убедить Сириус снова взять на себя ответственность за Южные Континенты?

— Да, нам бы хотелось этого.

— Хотя мы управляли этими территориями куда менее успешно, чем вы? Несмотря на то что Сириус не смог справиться с происходящим так, как справлялись вы?

Клорати сказал смиренно и мягко — видеть его таким мне доводилось нечасто:

— Если вы согласитесь сотрудничать с нами и мы сможем рассчитывать на вашу поддержку, возможно, ситуация и улучшится. Или, по крайней мере, не станет ухудшаться дальше.

— Но зачем вам это нужно? Какие цели вы преследуете?

— Иногда нужно просто верить другим на слово!

— А вы верите другим на слово?

— А как же иначе? Сирианка, Галактика велика и бесконечно разнообразна. Она постоянно меняется. Мы не можем видеть и понимать все, что происходит в каждом уголке нашего дома.

— Но Канопус — не маленький уголок. Я не понимаю, о чем ты… Почему именно тогда, когда я изо всех сил пытаюсь понять тебя, канопианец, почему, несмотря на мое отношение к тебе, ты… — Я запнулась и не сумела закончить фразу. — Ты никогда не говорил мне зачем! Неужели ты сам не знаешь, почему нужно уделять столько внимания этим…

— Этим кровожадным полуобезьянам?

— Если не сказать хуже! — Мои губы невольно скривились от отвращения…

Я видела, что он опешил.

— Что ж, прекрасно! Но скажи честно, канопианец, неужели со стороны, если рассуждать объективно, с твоей точки зрения, обитатели Сириуса, по крайней мере некоторые из нас, кажутся тебе такими же отвратительными, как мне жители Роанды? — И поскольку Клорати не ответил, я выкрикнула: — Этого не может быть! Ты забыл, сколько сил вложено в нашу империю. Как мы добивались своего и как, потерпев неудачу, начинали все заново! Ты не замечаешь успехов нашей Колониальной Службы, ты не видишь, как ее сотрудники жертвуют собой, выполняя свой долг! Если мы совершали ошибки — а разумеется, мы их совершали, — мы всегда старались исправить их. Ты не воздаешь нам должное за долгие периоды мира и процветания на территориях, которые находились под нашим управлением, пусть не всегда и не везде! Да, я понимаю, создается впечатление, что в самой природе вещей заложено нечто такое, что неизбежно приводит к поражению, и, что бы мы ни создали — хорошее или плохое, — оно оказывается недолговечным… Но разве это вина тех, кто изо всех сил стремится?..

— Стремится к *чему,* сирианка?

— Мы очень даже не плохие, — сказала я упрямо. — Мы не такие, как…

— Не такие, как кто?

— Как те, кто живет на Роанде. Или на Шаммат.

— Разве я сказал, что вы такие?

— Нет, но когда я сижу здесь и говорю с тобой, мне начинает казаться, что величие Сириуса — не более чем мираж. Что это лишь тень величия. И что мы ушли недалеко от того, что мы видели, когда… Нет, я не хочу сравнивать нас с Шаммат. Мне не вынести этого… Мне невыносимо думать о том… кто мы такие, — с трудом закончила я.

— Но вы станете другими.

— Это сказал ты, канопианец.

— А теперь я хочу тебе кое-что показать. — Клорати жестом указал мне на скамью рядом с ним.

Это смутило меня, и я подчинилась не сразу. Физический контакт жителей разных планет всегда опасен. Очень часто я видела, как он приводит к нежелательным последствиям и даже к смерти. Одно из первых правил, которому обучают работников Колониальной Службы: «Не приближайся к жителям другой планеты, если не знаешь, какое воздействие вы можете оказать друг на друга». Раньше я никогда не приближалась к Клорати

ближе, чем на расстояние вытянутой руки, — просто остерегалась делать это.

Кочевники

Сев рядом с ним, я ощутила некоторое напряжение физиологического свойства. Но Клорати крепко взял меня за руку, кивнул на стену перед нами и сказал:

— Смотри внимательно.

На стене появилось изображение, четкое и ясное, потом оно пришло в движение, и передо мной стали стремительно разворачиваться события, которые так захватили меня, что я чувствовала себя скорее их участником, нежели сторонним наблюдателем.

Я смотрела на Роанду сверху, двигаясь к востоку Основного Материка и немного забирая на север. Недалеко от этого места я встретила Назара во время визита в Коши, а где-то здесь попала в ураган во время «Событий». Этот район на тысячи лет превратился в пустыню, потом при очередном изменении климата опять стал плодородной зоной, затем вновь пустыней, в недрах которой были погребены старые города, а теперь его покрывали зеленые луга. Подо мной расстилалось море зелени, потом показались горы, поросшие редким лесом. Здесь текли полноводные реки, но

это был засушливый и суровый край, где кочевало небольшое племя с табуном лошадей.

Вокруг Великих Внутренних морей, на юге и на востоке Основного Материка и у подножия Больших гор было множество бесконечно разнообразных культур и племен, стоявших на всех мыслимых ступенях развития.

Я видела, как небольшие группы кочевников росли и распространялись по всей территории огромных равнин, затем климат стал меняться, сочная трава высохла и сменилась пылью и засухой, и кочевники из центральной части материка стали совершать набеги на восток, на юг и на запад — и возвращались обратно, нагруженные награбленным добром. Затем ветры вновь сменили свое направление, и равнины, где жили кочевники, опять покрылись травой. Некоторое время они воздерживались от набегов на соседние территории — завоевания подорвали их силы. И вновь на окраинах этих огромных, покрытых травой равнин начали процветать государства, которые затем, как водится в нашей Галактике, гибли под натиском местных завоевателей и возрождались опять… И вновь на травянистых равнинах стали множиться точно саранча полчища кочевников… И когда ветер в

очередной раз принес пыль вместо дождя, они устремились на восток, на юг и на запад, и им удалось добраться дальше и награбить больше; и они опять вернулись домой, нагруженные золотом, украшениями, одеждой и оружием, и когда на равнинах вновь выросла трава, покрыв необъятные просторы нежной зеленью, они вновь остались дома. Но хотя награбленное добро доставляло им радость, кочевники по-прежнему оставались всего лишь степными бродягами. Отважные и неприхотливые, они довольствовались тем, что давали им табуны лошадей, и не нуждались ни в чем другом. Никто не мог сравниться с ними в умении обращаться с лошадьми. Молва об этих степных разбойниках, которые могли без предупреждения появиться в долине, где жили зажиточные крестьяне, или у стен богатого города, шла по всему Основному Материку. И даже в северо-западной его части, где обитали полудикие племена, которые были так далеки от своих великих предков, жителей Адаланталэнда, что о них не осталось даже воспоминаний, — даже здесь, в темных лесах, топях и на туманных островах, рассказывали легенды о страшных кочевниках. И, думая о них, дети не могли уснуть от страха, и даже слухи об их при-

ближении заставляли людей в ужасе пускаться в бегство, ища укрытия.

Между тем на землях, примыкающих с востока к Первому Южному Континенту, который некогда был лесистым и плодородным, а потом превратился в пустыни и полупустыни, как и значительная часть Роанды, зародилась очередная религия, третья по счету из тех, что появились в регионе Великих Внутренних морей. Все три религии были похожи одна на другую и опирались на одни и те же постулаты, хотя сторонники каждой из них были убеждены в своем превосходстве и боролись за мировое господство. Третья вариация местной религии породила удивительные, богатые и сложные цивилизации, терпимые — в той мере, в какой это возможно на Роанде, — к всевозможным сектам, культам и идеологическим течениям. Наступила эпоха процветания и непрочного мира, которая положила начало развитию знания о космических материях. Я не могла наглядеться на эту удивительно сложную и богатую культуру. Затем я увидела, что полчища кочевников вновь перешли в наступление во всех направлениях. После себя они оставляли лишь дымящиеся руины городов, сожженные поля и горы трупов. Они преследовали и убивали

всех, кто пытался спастись бегством, даже домашних животных. Все земли с севера Первого Южного Континента до самого востока Основного Материка были разорены. Я заплакала и очнулась, обнаружив, что сижу рядом с Клорати на луне Роанды. Я посмотрела на него с мольбой и упреком.

— Всё! — сказала я. — Они уничтожили всё! Как можно допустить, чтобы такие достижения подчистую стирались с лица земли?

— Такое случается, и едва не случилось и на этот раз.

— Значит, то, что я видела, — неправда?

— Это то, что произойдет, если…

— Если я не соглашусь помочь тебе?

— Мне нужна твоя помощь. Я говорил об этом неоднократно. Когда слабый смотрит на сильного, он видит уверенность, мощь, сноровку, но редко понимает, что при отсутствии помощи, поддержки, уважения сила беспомощна.

Я долго молчала, а потом сказала:

— Что ж, мне полагается длительный отпуск, и я могу взять его сейчас. Признаюсь, до сих пор мне не приходилось проводить отпуск подобным образом. Впрочем, я еще не знаю, чего ты от меня хочешь.

— Ты должна стать правителем небольшого государства на западном склоне Больших гор. И противостоять кочевникам с равнин.

— А ты?

— Я буду предводителем армии кочевников, которые уничтожают все вокруг. Они подойдут к твоим воротам, чтобы убить тебя, уничтожить твой народ и разорить твою страну.

— А Назар?

— Он и другие тоже будут там.

— Отлично.

Я отправила домой соответствующие письма и отдала себя в руки Клорати.

Мне было нелегко стать добровольным участником событий, которые я буквально накануне видела во всех подробностях. Только что я наблюдала за происходящим со стороны, как зритель, а уже в следующую минуту, не успев опомниться, стала царицей Шазвин, которая правила небольшой горной страной. Шазвин знала, что к предгорьям приближаются кочевники, которые уничтожают все на своем пути.

Мне было любопытно познакомиться с техникой, которую канопианцы использовали для проникновения в чужой разум. Царица оказалась красивой, умной и решительной женщиной

средних лет. Она овдовела еще в молодости, и ее мужа тоже убили кочевники. Итак, Шазвин стояла у окна в своих покоях и смотрела на равнину за городской стеной, туда, где должны были показаться кочевники. Она рассуждала быстро и четко, мысленно перебирая тысячи мелочей, которые нужно держать в голове, управляя страной. Я проникла в ее разум, но это не означало, что теперь его заменил мой собственный, — скорее, я оставалась сторонним наблюдателем, который вмешивается лишь в моменты принятия решений. То же самое в сотне миль отсюда делал Клорати с предводителем кочевников Гонкезом.

Царица Шазвин не знала, что я проникла в нее, хотя ее тревога немного усилилась. Мои ощущения были куда острее, чем я ожидала. Я не забыла свои сирианские взгляды, сирианскую систему измерения времени и пространства. Но теперь я видела эту цивилизацию изнутри и ощущала свою принадлежность к этому миру: мне были знакомы все его радости и тревоги, я знала, что с севера ему угрожают кочевники, а на юг тянутся темные леса, где живут дикари, которые, по мнению этого народа, ушли недалеко от животных. Обитателей Южного Континента жители царства тоже считали варварами, однако с ними можно

было торговать или использовать как рабов. О Северном Изолированном Континенте и Южном Изолированном Континенте здесь не знали ничего. В представлении великой и могущественной царицы мир ограничивался пределами Основного Материка, а роль звезд на небосклоне сводилась к тому, что они — до некоторой степени — влияли на ход событий на земле. Я оказалась в мире странных, пугающих, противоречивых представлений… Что касается истории, царица знала прошлое собственной культуры и несколько легенд о «глубокой древности», хотя данный период времени, по моим меркам, относился к той же эпохе, что и ее правление.

Стоя у окна и глядя на залитую солнцем равнину, Шазвин чувствовала, что ей и ее народу в скором времени угрожает гибель. На своем веку она не раз сталкивалась со смертью. Ее царство лежало на пересечении торговых путей, что позволяло контролировать территории, лежащие к югу, к востоку и к западу. Кочевники уже успели опустошить земли на западе. На протяжении сотен миль не осталось ничего, кроме развалин, трупов и зловония, которое источала смерть. Шазвин окинула взглядом свое царство, которое пока было изобильным и мирным, и ветер донес

до ее ноздрей запах пожаров и трупов. Кочевники окружали ее с юга, где уже гибли в огне города и царства. На востоке, высоко в горах, еще осталось несколько небольших безопасных лощин — как долго они останутся такими? По ту сторону Больших гор тоже бесчинствовали кочевники, убивая и грабя мирное население. Ее страна выжила лишь благодаря тому, что находилась на небольшом плато среди скалистых гор. Кочевники с равнин не любили горные хребты, скалы и крепости — они привыкли жить на равнинах, и на высоте у них кружилась голова. Поэтому они решили оставить царство Шазвин на потом.

Население ее страны составляло пятьсот тысяч человек. Здесь всегда царили довольство, порядок и гармония. Шазвин всегда считала, что удостоилась Божьего благословения, поскольку в период ее правления не случалось никаких бед, которые, как ей было хорошо известно, рано или поздно начинаются в любом государстве. Однако за последнее время количество ее подданных увеличилось втрое. Мужчины, женщины, дети, убежавшие от кочевников, просили Шазвин предоставить им убежище. Она не отказывала никому. Там, где раньше жило десять человек, теперь было тридцать. Все дома, вплоть до са-

мой крохотной лачуги, были битком набиты беженцами, земли которых были опустошены и сожжены. Еды не хватало. Вода в ключах и колодцах иссякла. На рынках и улицах города наступила тишина. Как часто она стояла здесь раньше, любуясь своим народом, но теперь казалось, что его жизнь прекратилась. Не было слышно ни криков торговцев, ни песен, ни смеха. Все вокруг замерло в ожидании смерти.

Внезапно со стороны западных ворот города послышались стук и крики. Царица обернулась, ожидая увидеть кочевников, которые карабкаются на высокие стены. Но ничего подобного пока не случилось. В ее покои вбежал гонец. Он был бледен и задыхался.

— У западных ворот беженцы — около десяти тысяч. Они пришли просить помощи Вашего Величества.

Царица ответила не сразу. Она подумала, что решение, которое ей предстоит принять, будет расплатой за годы спокойствия и счастья. Ей ни разу не приходилось делать столь тяжкий выбор. Шазвин хотела сказать, что не откроет ворота, потому что, если население города вырастет еще на десять тысяч, ему грозит голод… Оставшихся запасов продовольствия хватит ровно на неделю,

а значит, ее долг…

Но я заставила ее сказать:

— Впусти предводителя этих людей. И запри ворота, чтобы остальные пока не входили.

— Они умирают от голода и жажды, — возразил гонец.

— Дай беженцам немного воды и пищи, чтобы они могли подкрепиться.

Он выбежал, и вскоре в покои вошел молодой человек. Судя по всему, еще недавно он был красив, силен и полон жизни, но теперь черты его изможденного лица заострились, а сам он с трудом держался на ногах. Чтобы не упасть, юноша оперся рукой о пеструю арку у входа. Видя его состояние, царица Шазвин наполнила чашу водой, подошла к нему и поднесла воду к его губам. Предводитель беженцев глотнул живительной влаги, посмотрел ей в глаза и сказал:

— Смилуйся над нами, великая царица.

Это Назар, догадалась я. Я знала, что это он, хотя *внешне* мой друг стал совсем другим. Решения царицы теперь контролировала я, сирианка, а полчище грубых и жестоких тварей, готовых уничтожать все на своем пути, шло на нас под предводительством канопианца.

— Среди нас есть ученые, мудрецы, поэты,

географы, те, кого Аллах спас от смерти ради будущего. Позволь им войти, и поторопись, потому что монголы вот-вот будут здесь.

Царица ответила с улыбкой:

— В городских стенах эти благородные люди погибнут так же быстро, как и оставшись снаружи! — Но я заставила ее добавить: — Я прикажу впустить их. Веди их сюда.

Она хлопнула в ладоши и отдала приказ слуге, который немедленно убежал.

Мы втроем стояли в просторных покоях роскошного дворца, и ветер, который слегка колыхал вышитые портьеры, нес запах смерти. Казалось, что этот тяжелый, неистребимый запах въедается в стены, колонны и великолепные мозаичные потолки.

— Так ты выиграешь время, — сказал Назар. — Ты выйдешь к северной стене и встретишь их там одна, когда они будут подниматься по ущелью.

— Всю дорогу от Китая до Северо-Западных Окраин и южных морей они первым делом убивали женщин.

— Зато ты поможешь нам на какое-то время сохранить наши иллюзии, великая царица.

— Должно быть, эти иллюзии очень сильны, — заметила она с улыбкой, и я отступила в глубины

ее сознания. Из-за нашего вмешательства все пошло не так, как показывал мне Клорати. Ничего подобного я не видела.

Назар немного ожил от глотка воды, но его походка оставалась нетвердой. Он спустился по лестнице и вышел из дворца, которому вскоре предстояло превратиться в руины, на квадратную площадь. В это время люди, которых он привел с запада, вошли в городские ворота. Они едва держались на ногах и были похожи на толпу призраков. И все же многим из них предстояло выжить.

Царица сняла кинжал и украшения, завернулась в темный плащ и направилась к северной стене своего царства. Тем временем первые кочевники уже пробирались по ущелью.

В ее сторону полетели стрелы, но предводитель кочевников отдал приказ не стрелять, и воины, которые убивали врага на скаку так же легко, как и на земле, опустили луки на шеи коней. В узком ущелье между скалами не было места для нескольких сотен человек. Кочевники не сводили глаз с городской стены, где в солнечном свете лицом к ним, не двигаясь, стояла женщина.

В какой-то момент им показалось, что она излучает свет. Однако это остановило их ненадолго

— светящаяся женская фигура не ассоциировалась в их сознании с высшими силами. Кочевники поскакали вперед, поднимаясь все выше, и когда по сигналу царицы ворота были подняты, город, утопающий в роскошных садах, предстал перед ними во всем своем прихотливом великолепии. Вид достатка и роскоши всегда распалял этих людей, привыкших к тяготам кочевой жизни, и неосознанная ярость заставляла их крушить все вокруг и причинять боль. Каждое дерево и цветок перед ними искрились и переливались мириадами крохотных радуг. При виде этой странной картины — женщина на высокой стене, великолепные сады, сияющие здания — кочевники издали глубокий страшный рык. Их предводитель крикнул, что здесь их подстерегают демоны. И всадники в кожаных штанах и рубахах, пропахших потом — их собственным и лошадиным, — бросились назад, в ущелье. В ужасе оглядываясь назад, они видели высокую стену из красного песчаника и неподвижную фигуру женщины, окруженную сияющим ореолом.

Кочевники встали лагерем под обрывом, и казалось, что костры, на которых они готовили себе пищу, пылают каким-то потусторонним светом. Но вскоре их страх превратился в ярость, а потом

в насмешку. Они были не робкого десятка, эти разбойники. Не было случая, чтобы они не довели до конца то, что задумали. К тому же не все успели увидеть заколдованный город, окруженный радужным ореолом. И даже те, кто его видел, теперь сомневались, не пригрезилось ли им все это. Их предводитель Гонкез отдал приказ подождать до утра, чтобы с рассветом вновь подняться по ущелью и осмотреть город при дневном свете. Он отлично знал, что его воины отличаются строптивым нравом и выполняют лишь те приказы, которые считают разумными.

Утром кочевники вновь двинулись вверх по ущелью, осыпая своего предводителя проклятьями. Ворота города были по-прежнему открыты. Они ворвались внутрь и обнаружили то же, что видели в сотне других мест — лабиринт уютных улочек, богатые дома, сады и рынки. От загадочного сияния не осталось и следа. Они жгли и разрушали все на своем пути. Однако город был почти пуст. На пороге одного из домов сидела собака, а на подоконниках грелись кошки. Люди же исчезли без следа. Изредка им встречались старик или старуха, которые говорили, что решили остаться, поскольку уже отжили свой век. Кочевники убивали их, не раздумывая.

Они ворвались во дворец и нашли там царицу Шазвин, которая стояла у окна в своих покоях. Убив ее, они набросились на своего предводителя Гонкеза и сразили его мечом. Мы вдвоем, мертвые, лежали рядом, а вокруг нас пылал дворец.

Между тем Назар вывел людей из города через восточные ворота. Жители города тянулись за ним длинной вереницей, и те, кто замешкался, были убиты. Но снежная буря, неожиданная в это время года, остановила кочевников. Зимы на северных равнинах были суровы, и кочевники знали, что такое морозы и метели, не понаслышке. Но снежные заносы, коварные ледяные оползни и пронизывающие до костей ветры в горах были для них в новинку. Они поскакали прочь, чтобы вернуться на равнины и дождаться, пока погода улучшится, уж тогда они смогут догнать беглецов и убить их. Кочевники поклялись, что не оставят в живых никого из них, но путь им перекрыла зима. Тысячи беглецов погибли от холода и лишений, но большая часть добралась до высоких, защищенных долин. Весной, когда снега в ущельях растаяли и путь был открыт, кочевники не пришли. Поговаривали, что их покарали демоны и убийство предводителя обернулось для них проклятьем. Кроме того, среди

них прошел слух, что никто из беженцев не пережил суровой зимы.

Но среди выживших было достаточно тех, кто сохранил наследие своей разрушенной культуры и был готов обучать других. И, между прочим, в числе тех, кто у них учился, были и потомки кочевников.

Так я, Амбиен Вторая, а также Клорати, Назар и другие, не упомянутые здесь, сыграли свою роль в этой драме. И она была не единственной. В эпоху беспощадных кочевников нам пришлось исполнять и другие роли. Порой это помогало нам где спасти несколько человек, где сохранить целый город, а иной раз уберечь горстку тех, кто чувствовал требования времени и здраво относился к превратностям судьбы. Эти люди были учеными. Мудрецами, которые глубоко и тонко понимали происходящее, несмотря на происки Шаммат.

Мы с Клорати снова сидели рядом на сирианской станции на луне Роанды. Я только что избавила его от медленной смерти в заточении. Назар взял меня в плен, чтобы спасти от верной гибели, а потом тайно освободил. Я побывала одним из кочевников, Клорати — судьей, смещенным с должности, а Назар — рабыней,

родившейся в самом сердце Первого Южного Континента, женщиной, которой предстояло стать экономкой ленивого и деспотичного князька.

Монитор показывал, что на поверхности луны наступила ночь. Похолодало. Роанды не было видно, поскольку в это время она заслоняла от нас солнце.

Клорати хлопнул в ладоши, и на белой стене появилась карта Роанды — материки и океаны. Клорати подошел к ней и пальцем обвел ту часть Основного Материка, которая страдала от набегов кочевников. Не сводя с меня глаз, он медленно обвел ее еще раз. Он хотел, чтобы я увидела, что на протяжении сотен лет набеги и разрушения происходили именно здесь. И чтобы я сравнила эти события с тем, что происходит в Сирианской империи.

— Понимаю, — сказала я.

— Кочевники держали в страхе эту часть Роанды сотни лет, и для местных жителей этот страх стал второй натурой. Но вскоре кочевников поглотят завоеванные ими же народы. Цивилизации будут зарождаться и погибать, пока здесь, на северо-западе, — и его палец скользнул вдоль побережья Основного Материка, — не сформируется новая раса. Она наводнит весь мир, а не

только центральную часть материка, как кочевники с равнин. Этот народ уничтожит все. Его кредо: все, что я вижу, мое. Все, чего я пожелал, должно стать моим. Всех, кто не похож на меня, нужно покарать или истребить. Все, что не есть я сам, — примитивно и скверно… И такие взгляды распространятся по всей Шикасте.

— По всей планете?

— Почти.

— Наставник этого народа Шаммат?

— Дух Шаммат у них в крови. Хочешь посмотреть, что будет дальше? — Клорати щелкнул пальцами, и на стене появилось движущееся изображение. Точно так же он в свое время показывал мне нашествие монголов.

— Нет-нет, не надо! — Я зажмурила глаза. Он вернулся на свое место рядом со мной.

— Ты хочешь нашей помощи?

— Да. А вам нужна наша помощь.

— Да, — сказала я. — Я знаю.

Через земляные стены нашего убежища доносился скрежет и грохот — неподалеку работали машины Шаммат.

— Вернувшись домой, я скажу, что решила провести здесь отпуск. Мне не будут задавать лишних вопросов — все уже привыкли к моим

странностям. Несмотря на то что я сирианка, я вряд ли сумею объяснить своим соотечественникам, через что прошла вместе с тобой…

— Точнее, не сумеешь рассказать о работе, которую проделала вместе с Канопусом…

— Пусть так. О работе, которую мы проделали. На Сириусе не поймут ни слова из того, что я скажу. Теперь меня могут понять только на Канопусе.

— Ты одинока, Амбиен.

— Страшно одинока.

Клорати кивнул.

— Делай то, что тебе по силам, сирианка.

Прежде чем покинуть луну, я приказала экипажу космолета пролететь на бреющем полете над той ее стороной, что была освещена солнцем. Шаммат вовсю разрабатывала месторождения полезных ископаемых. Поселения шамматян размещались главным образом под землей, но на поверхности виднелись их обсерватории и лаборатории. В огромных кратерах работало специальное оборудование. Все машины были мне хорошо знакомы — Шаммат не создавала ничего оригинального, она лишь воровала чужие идеи и копировала то, что подсмотрели ее шпионы.

Самым ходовым видом оборудования была

огромная машина, похожая на кольчатого червя. Она состояла из модульных элементов, которые можно было соединять разными способами, а ее длина могла составлять милю и более. Внутри находились рабочие места и помещения для временного проживания рабочих и специалистов. Такие машины были оснащены специальными «конечностями» для выемки грунта. Увидев машину, которая всасывала грунт, а потом фонтанами исторгала из «пасти» жидкую грязь, я вспомнила драконов из роандианской мифологии. Эти машины были весьма остроумным изобретением — они могли карабкаться на крутые склоны, цепляться за скалы и удерживать равновесие в самом невероятном положении. Их размеры можно было менять, соединяя разное количество сегментов. Они легко перемещались по пересеченной местности и при необходимости служили мостами или туннелями. Их было легко ремонтировать, заменяя вышедшие из строя сегменты другими, — мы разработали эти машины, чтобы добывать полезные ископаемые на планетах с суровым климатом, но они оказались такими удобными и многофункциональными, что стали применяться не только в горном деле.

Осмотрев территории Шаммат, я направи-

ла космолет к дому. Некоторое время за нами летело около дюжины истребителей Шаммат. Без сомнения, такое поведение шамматян было неслыханной дерзостью, но я была даже рада. Это помогло мне укрепиться в своих намерениях. Дома мне предстояло убедить Колониальную Службу, что наше активное присутствие на Роанде необходимо нам самим.

Большая Пятерка

Мысленно перебирая способы убедить своих коллег, я пришла к выводу, что все они обречены на провал. Как только я пыталась сформулировать свои аргументы, их безупречная логика моментально рассыпалась в прах, таяла, как снег под горячими лучами восходящего солнца. Я поняла, что оцениваю ситуацию не вполне адекватно. Я даже заподозрила, что пребывание на Роанде сказалось на моих умственных способностях. Возможно, думала я, теперь я стала в большей степени канопианкой, чем сирианкой. Одолеваемая сомнениями, я пребывала в растерянности.

Между тем мои коллеги отзывались о моем «отпуске» на луне весьма осторожно, избегая категоричных оценок. Я знала, что они вряд ли догадываются, чем я занималась на самом деле, но не могла понять, почему со мной обращаются так, словно меня вот-вот вызовут на официальное заседание следственной комиссии или арестуют. Между тем коллеги оживленно обсуждали мою давно прерванную работу на окраинах Сирианской империи. Я пришла к выводу, что в

данной ситуации есть нечто недоступное моему пониманию.

Время шло. Я не поднимала вопрос о Роанде, втайне надеясь, что проблема как всегда решится сама собой. Впрочем, я не забыла обещание, которое дала Клорати. В конце концов, не зная, что еще можно предпринять, я созвала заседание Большой Пятерки.

Большая Пятерка, членом которой была и я сама, руководила Колониальной Службой. Это знали абсолютно все в Сирианской империи. Именно мы проводили в жизнь политический курс, который определяла Легислатура. Всем было известно, что мы оказываем влияние на политику, но никто не представлял степень этого влияния. Возможно, то, что я сейчас скажу, перевернет представления сириан о своем государстве, но факт остается фактом — Сирианской империей управляет Большая Пятерка. В сферу нашей компетенции не входит разве что частная жизнь привилегированного класса. Это единственное, что нас не касается. Элита может делать все, что ей вздумается. В определенных пределах. А эти пределы устанавливаем мы. Я уже говорила, что избежать появления элиты невозможно. Но хотя нас нимало не занимает жизнь

этих инфантильных, избалованных созданий, они пристально следят за каждым нашим шагом. Есть закон, который действует в любом обществе, независимо от его устройства. Он заключается в том, что подлинная власть всегда сосредоточена в руках тех, кто выполняет работу, как бы они ни назывались.

Власть в Сирианской империи принадлежит Большой Пятерке. Вот кто мы такие на самом деле. Так повелось с момента окончания войны между Сириусом и Канопусом.

Я решила ограничиться созывом Большой Пятерки, не собирая расширенный совет представителей планет. Любые решения Большой Пятерки имеют силу закона. На собрании Совета Тридцати мне придется апеллировать к двадцати пяти членам совета, которые выслушают мою точку зрения, не принимая участия в дискуссии. Совет Тридцати вправе приостанавливать наши решения на тот или иной срок в зависимости от важности и остроты вопроса. За это время членам Большой Пятерки предлагается пересмотреть свои доводы.

Собрание шло обычным порядком. Внешний облик каждого из членов Большой Пятерки знаком любому сирианину с детства, поэтому я

ограничусь лишь одним замечанием, — исключительный характер обстоятельств, в которых проходило это совещание, заставил меня ощутить его драматизм. Мы заняли свои места, и я вгляделась в лица коллег. Мы работали вместе тысячи лет и были так близки, что стали единым целым. Но в то же время теперь я была для них чужой и далекой, поскольку за мной стоял Канопус. Их лица были такими разными — закон требовал, чтобы Большая Пятерка состояла из представителей разных планет. Я смотрела на них, удивляясь нашей сплоченности, и с грустью думала, что уже не принадлежу к этому братству.

Когда люди знакомы так давно, нет нужды в строгом регламенте. Мы понимали друг друга без слов и нередко на собраниях какое-то время просто сидели молча, пока не приходили к согласию, а потом расставались, так и не произнеся ни слова.

«Возможно ли такое на этот раз?» — подумала я. Наконец я обратилась к своим коллегам:

— Полагаю, вам известно, что я хочу, чтобы мы изменили свою политику в отношении Роанды.

По лицам, обращенным ко мне, я видела, что от меня ожидали более красноречивого выступления.

— Мне трудно говорить, — пояснила я. — Я не знаю, как лучше сформулировать доводы, которые кажутся мне убедительными.

Ответом мне вновь было молчание. Затем заговорила Стаграк с Планеты 2:

— Поскольку последние события отдалили тебя от нас и теперь мы уже не можем понимать друг друга без слов, я кратко изложу наши соображения.

Ее слова причинили мне боль, но я видела, что остальным тоже нелегко.

— Первое. Для Сириуса нет никакого смысла продолжать заниматься Роандой. Она больше не может служить исследовательским полигоном из-за избытка населения, а также смешения рас и видов…

— Это, между прочим, и наша вина.

Последовала пауза. Я сразу взяла неверный тон, к которому здесь не привыкли.

— Мы готовы примириться с тем, что ты смотришь на происходящее иначе. Следует ли нам продолжать? Это бесполезно для Сириуса, но, быть может, в этом заинтересован Канопус. — Снова пауза. — А Канопус издавна был нашим врагом.

Я сидела молча. Интонация, с которой были

сказаны эти слова, привела меня в недоумение.

В отношении Канопуса в Сирианской империи сложились прочные стереотипы. О нем говорили как о сильном и опасном противнике, превосходящем нас силой и умением. Упоминание о Канопусе неизменно сопровождалось презрительным смешком или, напротив, металлическими нотками в голосе, которые означали, что на серьезное обсуждение этой темы наложен запрет. Разумеется, среди членов Большой Пятерки этот тон был не в ходу. Мы говорили о Канопусе скорее как о старшем партнере, который достиг своего положения неправедными средствами. Но на сей раз слово «Канопус» было произнесено совершенно иным тоном. Это был своего рода пробный шар.

— *Некогда* Канопус действительно был нашим врагом, — возразила я.

— Ты только что провела много — очень много — времени с Клорати.

— Я была на луне Роанды.

— Вряд ли твою затянувшуюся отлучку можно объяснить тем, что тебя покорила луна.

Я медленно переводила глаза с одного лица на другое. Коллеги запросто могли прочесть в моих глазах правду, но, по-видимому, им это не

удалось, поскольку Стаграк сказала:

— Для нас заняться Роандой означает опять открыть дискуссию о роли Сирианской империи. О том, следует ли сохранить масштабы нашей деятельности на нынешнем уровне или лучше задуматься о продолжении колонизации. Нам придется заняться обучением специалистов, которые будут работать на двух Южных Континентах. А такое обучение обойдется нам недешево, поскольку на Роанде сложилась непростая ситуация. Почти наверняка кто-то из них погибнет, а это породит в нашей среде новые сомнения. Важно понять, что если мы примем твое предложение, то вновь столкнемся с экзистенциальной проблемой, а это чревато опасными последствиями. Такова наша точка зрения, Амбиен.

Я сидела, обдумывая ее слова. Все было решено без меня. Они *вчетвером* обсуждали меня одну. Мои старые друзья и соратники сделались мне чужими, и от этой мысли мне стало так горько, что я была готова сдаться. Если бы не думала о Клорати.

Я продолжала надеяться на него, и чем дольше я сидела перед своими коллегами, тем сильнее крепло во мне чувство, которое не поддавалось определению. На протяжении всего разговора

внутри меня словно звучало эхо: Клорати, Клорати, Клорати.

Внезапно Стаграк произнесла:

— Мы заботимся о *нашем* благе.

Это была угроза. Впрочем, угрозы бывают разными.

Зачастую не важно, что произносится вслух: собравшиеся могут сколько угодно клясться друг другу в вечной дружбе, но эти заверения останутся пустыми словами, если ситуация, в которой они оказались, стала для них опасной. И наоборот. В данном случае все лежало на поверхности — угроза была явной. Мне было отлично знакомо выражение молчаливого укора на лицах моих коллег. Они считали, что этого требует ситуация. И все же…

Где-то на задворках моего сознания лихорадочно проносились мысли. Все задуманное Канопусом, любые его планы воплощались в жизнь, даже если я не ударяла палец о палец, чтобы поспособствовать этому. Все, что происходило между Сириусом и Канопусом в связи с Роандой, все, что было между мной и Клорати, тысячью голосов твердило мне: то, чего хочет Канопус, непременно сбудется. В худшем случае мои милые коллеги придумают мне какое-ни-

будь наказание, но это не помешает Сириусу вернуться на Роанду. Это неизбежно, потому что *мы уже вовлечены* в происходящее. Решение уже принято. Неприятности грозят мне одной, но поскольку моя личная судьба не имеет большого значения, этой угрозой можно пренебречь.

Пока я размышляла об этом, опять наступила пауза, и тут у меня мелькнула еще одна мысль — невозможно, чтобы то, что творится у меня в душе, не отразилось на тех, с кем я была так близка. *На тех, с кем я составляла единое целое.*

Чувствуя, что эти слова уже обрели плоть и кровь, хотя и не были произнесены, я сказала:

— Я убеждена, что этот союз всегда приносил нам пользу. Именно в этом было его предназначение.

Это было почти предательство. Но оно позволило высказать подразумеваемое вслух. Именно в этом вопросе Амбиен Вторая, если так можно выразиться, «сбилась с пути истинного». Причем довольно давно.

Я почувствовала громадное облегчение, точно у меня и у всех остальных гора свалилась с плеч. Напряженное ожидание достигло кульминации, и наступила развязка.

Присутствующие смотрели на меня, но на их

лицах не было враждебности. Разве что ненавязчивое любопытство.

— Ты ни разу не упомянула про Шаммат, — сказала Стаграк.

— Да, в самом деле.

— Ты считаешь, что она не опасна?

— Несомненно, Шаммат контролирует Роанду. И ее луну. Шамматяне заполонили Роанду, они повсюду. Нет уголка, где бы они не рыскали. Однако все это происходит с разрешения или при попустительстве Канопуса. Кто остановит их завтра?

— И ты считаешь, что мы поверим тебе на слово?

— Да.

Я знала, что они согласятся. Воздействуя на меня, на мою природу, Канопус влиял и на них, не подозревая об этом. Коллеги наблюдали за моими отношениями с Канопусом, размышляли о них, и их глубинная сущность тоже была затронута происходящим. Поняв это, я вновь ощутила такую близость к ним, какой не чувствовала никогда прежде. И эту близость я ощущаю по сей день.

— Так нужно, — твердо заявила я. — Поверьте мне. Это пойдет нам на пользу. На благо… — Я хотела сказать «на благо Сириуса», но вместо

этого произнесла: — …Галактики.

— Ладно, — сказала Стаграк. — Мы пойдем на это. Ты возьмешь на себя ответственность за новый курс. И ты же будешь отвечать за обучение персонала. И за связь с Канопусом. Ты объявишь о смене политического курса и будешь контролировать политические дебаты. — Улыбнувшись, она добавила: — Но у меня к тебе одна просьба. Давая официальное обоснование смены курса, ты должна упомянуть угрозу, которая исходит от Шаммат, и сказать, что в перспективе мы намерены заняться добычей полезных ископаемых на луне Роанды.

— Вы и вправду решили, что нам следует заняться добычей полезных ископаемых на луне?

— Не так-то просто изменить политический курс в масштабах империи. Полагаю, ты не станешь спорить, если мы скажем, что твои новые, гм… выкладки… не всегда учитывают жизненные реалии Сирианской империи? Важно подобрать формулировки, которые позволят нам сохранить лицо.

Я засмеялась, по-прежнему чувствуя облегчение. Но все мы оставались на своих местах и продолжали всматриваться в лица друг друга.

— Почему ты не можешь рассказать нам все,

Амбиен? — поинтересовалась Стаграк со сдержанным упреком в голосе. — Ты же видишь, что с нами творится.

С болью я проговорила:

— Как я могу это сделать? Неужели ты не понимаешь? У меня ушло на это так много времени… Я потратила столько сил, чтобы преодолеть себя… Все, чему я научилась, приходило ко мне медленно и постепенно. Пока я не встретилась с вами, я даже не знала, что изменилась так сильно! — И неожиданно для себя я заплакала. Как же давно мне не приходилось плакать!. Однако мои старые товарищи тоже подозрительно зашмыгали носами.

Ситуация была столь необычной, что эти эмоции почти не вызвали у нас смущения, вероятного в других обстоятельствах.

Так прошло это совещание, которое позднее было признано переломным моментом в судьбе Сириуса. Разумеется, в то время никто не знал, насколько серьезными окажутся эти изменения. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, значение этого совещания до сих пор не оценено в полной мере.

Теперь я скажу две вещи, не вдаваясь в подробности.

Во-первых, я больше никогда не виделась с Клорати.

Во-вторых, изменение политики потребовало огромных усилий. Когда значительная часть этой работы была проделана, в Сирианской империи меня стали называть «Амбиен Роандианской». Амбиен Первый незаметно помогал мне в проведении этой кампании.

Между тем, оставаясь наедине с собой, я часто думала о том, чего же хотел от нас Канопус на самом деле. Этими мыслями я не могла поделиться ни с кем, даже с Амбиеном Первым.

Повторяю, мне не хочется перегружать это повествование подробностями. Я уверена, что внимательный читатель понимает, что побудило меня принять то или иное решение.

Я не собиралась отправлять на Южные Континенты Роанды слишком много специалистов, поскольку это было бы равноценно вооруженному захвату этих территорий. На оба континента уже вторглись белые агрессоры с северо-запада: предсказания Клорати сбывались. Захватчики были беспощадны к местному населению, которое истреблялось или порабощалось. Сила повсеместно брала верх над законом. Дух Шаммат царил повсюду. Имелось и другое соображение:

чтобы снарядить войска, которые могли бы взять эти континенты под контроль, потребовалось бы куда больше усилий, чем Канопус прилагал на северных землях. И пришлось бы обучать наших специалистов методам ведения войны, которые мы уже начали — а точнее, *учились* — забывать, ибо твердо решили не возвращаться к ним. Теперь наши вооруженные силы представляли собой небольшие подразделения, которые использовались для выполнения особых задач.

Мне предстояло обучить небольшую группу тщательно отобранного персонала. Это были выходцы с Планеты 11 — сложением и ростом они напоминали порабощенные народы на Южных Континентах. Сходство с представителями покоренной нации означало, что власти и полиция будут уделять им самое пристальное внимание, но даже в этом случае они будут менее заметны, чем люди с белой кожей. Их учили вести наблюдение и правильно оценивать ситуацию. И хотя выходцы с Планеты 11 были немногочисленны, они успешно отслеживали то, что происходило на Южных Континентах. Надо сказать, что у нас никогда не было таких умелых и хитроумных разведчиков.

При этом все они отличались самоотвержен-

ностью. Работа на Роанде давалась им очень нелегко, и поэтому период их службы на этой планете был ограничен десятью Р-годами.

Опыт, который эти люди приобретали на Роанде, оставлял в их душе неизгладимый след и оказался чрезвычайно важен для Сирианской империи в целом. На Роанде они видели глубокие страдания, крайнюю жестокость, распад социальных связей. Так или иначе сведения об этом доходили до нашего населения. В результате споры о том, как может и как должна вести себя Сирианская империя, вышли на новый уровень. Последствия того, что мы пошли навстречу Канопусу, сказываются до сих пор. Нельзя не подчеркнуть этот факт, поскольку мы периодически забываем, что заставило нас критически переоценить свое прошлое. Именно с тех пор мы проявляем неявный, но непреходящий интерес ко всему, что делает Канопус, к его методам, его роли. Да-да, именно это слово не сходит теперь с уст нашей молодежи.

Пытаться объявить новый образ мышления «изменой» или моральной неустойчивостью, с моей точки зрения, может лишь тот, кто плохо понимает *глубинные* социальные процессы в нашей империи, которые — я не сомневаюсь в

этом — обретут должную мощь в перспективе. Я говорю это, обращаясь в первую очередь к представителям старшего поколения, которые еще не успели высказать свое мнение.

Я побывала на Южных Континентах, чтобы оценить ситуацию, когда основная часть нашего персонала уже работала на местах. Я продолжала искать Клорати, веря, что отношения, которые сложились у нас на луне, получат продолжение. Не то чтобы мне хотелось чего-то определенного, но мои чувства искали пищи. Однако вскоре я поняла, что это было ребячеством. Я искала также и Назара. Впрочем, я догадывалась, что они, скорей всего, работают на севере, — ведь за южные территории теперь отвечал Сириус. На самом деле я понимала, что шансов встретиться с обоими у меня немного, — в свое время Клорати рассказывал мне, какую напряженную жизнь они ведут.

Меня ждала совсем другая встреча — с Тафтой.

Тафта

На протяжении довольно долгого — по роандианским меркам — промежутка времени на западном побережье Второго Южного Континента существовало достаточно передовое государство. По галактической шкале оно относилось к четвертому уровню. Белые племена с северо-запада обманом победили это государство и уничтожили его ради золота, которым была полна его казна. Теперь от этой страны остались лишь горы трупов да пепелища на месте городов.

Вызвав космолет на песчаное побережье, я ждала, когда он совершит посадку. С холма я увидела, что внизу показалась вереница людей с мулами и лошадьми, груженными золотом. Чего здесь только не было — слитки, мешки с золотым песком, украшения, обломки декора официальных и культовых сооружений. Казалось, что эти люди пьяны: все приметы утоленной алчности были налицо. Постепенно из-за дюн вышли они все — там было около трехсот человек. Они окружили своего предводителя и опустили ношу на землю. Сверху мне было видно, что происходит

в центре круга. Там находился Тафта. Именно он возглавлял эту шайку грабителей. Он был одет так же, как и все остальные, — в цветную рубаху и штаны, подпоясанные ремнем — и при этом вооружен до зубов. Посмеиваясь, он прохаживался взад-вперед с важным, самодовольным видом. Я сравнила это животное с теми, что наведывались к нам во времена ломби. И с Тафтой, который уничтожил былой Леланос. Он стал более утонченным внешне, его звериное начало проглядывало не столь явно, но в нем произошли и очевидные изменения к худшему, которым было трудно дать определение. Тафта всегда был наглецом, мошенником и вором, но теперь его былая звериная жестокость сменилась бессердечием, которое сделалось нравственной нормой его существования. В этом авантюристе не осталось и следа того дикарского обаяния, с помощью которого ему когда-то удалось покорить меня.

Трех человек грубо втолкнули в центр круга. Одновременно в круг вышли еще трое, вооруженные тяжелыми палками, к каждой из которых был прикреплен пучок тонких, жестких веревок. Несчастных, которым предстояла экзекуция, привязали к столбам. Тафта прохаживался вокруг, положив руки на бедра, и ухмылялся.

Он взмахнул рукой, и кнуты, со свистом рассекая воздух, опустились на обнаженную плоть. Раздались крики и стоны.

Тафта вновь сделал знак рукой, и кнуты опять опустились на обнаженные спины. Я думала, что наказание ограничится двумя-тремя ударами. Я никогда не видела такой холодной, расчетливой жестокости. Воздух дрожал от криков. Запах крови смешивался с запахом соленой морской воды. Приближался вечер, и солнце клонилось к закату. Свет заходящего солнца позолотил облака на небе и гребни волн и отбрасывал янтарный отблеск на пески и на лица людей. Разбойники в страхе наблюдали за происходящим. По их лицам было видно, что они, как и я, считают каждый удар, точно ощущая его собственным телом. Но кнуты продолжали со свистом опускаться на истерзанные спины, и те, кого били, корчились, точно трава в языках пламени.

Затем стоны смолкли, но кнуты продолжали свое дело. Тела несчастных превратились в бесформенные груды истерзанных кровавых лохмотьев.

Тафта что-то громко крикнул, разбойники взвалили на плечи тюки с золотом и зашагали к лодкам, которые были привязаны к скалам. В

море их ожидало парусное судно. Животные, которые помогали злодеям тащить поклажу, были брошены на произвол судьбы. Я дала космолету знак подождать, спустилась с холма и догнала разбойников. Увидев меня, они застыли, приоткрыв рты. Тишина заставила Тафту обернуться, и пока он не понял, почему разбойники смолкли, на его губах играла все та же злая усмешка.

Увидев меня, он на миг застыл в нерешительности, а потом, самодовольно оскалив зубы, двинулся навстречу. Он низко поклонился, приподнял широкополую шляпу, украшенную драгоценными камнями, и хотел поцеловать мне руку. Хотя мое появление явно испугало его, он не утратил непринужденности.

Мы смотрели друг на друга. Нас разделяла узкая полоска песка.

— Тафта, — сказала я, — ты наказал этих людей за то, что им не понравилась твоя жестокость по отношению к Индийскому царству? Я права?

Спутники Тафты, стоявшие вокруг, замычали в знак согласия, но Тафта бросил в их сторону уничтожающий взгляд, и они немедленно смолкли. Впрочем, мгновение спустя на их лица вернулось тупое и самодовольное выражение.

— Однажды, Тафта, — продолжала я, — тебе

придется расплатиться за все. Грядет время, когда ты будешь страдать так же, как сам заставлял страдать других.

И вновь на его лице промелькнула растерянность, которая быстро сменилась прежней заносчивой ухмылкой. Он горделиво повел плечами. А я смотрела на этого человека, вспоминая, каким он был раньше, и мысленно взывала к Канопусу: «Почему, ну почему вы допускаете это?»

— Должно быть, ты очень давно не была на Роанде, — заметил он. — Теперь она моя. Моя от края и до края.

— Нет, Тафта. Это не так. И скоро ты это поймешь.

Он весело расхохотался. Вообще Тафта держался со мной снисходительно, словно разговаривал со слабоумной. Его самого и его спутников буквально распирало от самодовольства, которое пьянило и отупляло злодеев.

Я повернулась и зашагала к холму. Сверху мне было хорошо видно, как разбойники погрузили награбленное добро в лодки и заработали веслами, направляясь к ожидавшему их судну. Это был галеон изумительной красоты — раньше мне не приходилось видеть парусные суда той эпохи. Зрелище было завораживающим — дневной свет

угас, поверхность океана почернела, и теперь темная, тяжелая вода поблескивала, отражая свет тонкого ломтика луны. Луны Роанды, на которую мне предстояло отправиться.

Первым делом я убедилась, что бедняги, привязанные к столбам, мертвы, потом подозвала мулов и лошадей, которые успели разбрестись по песчаному берегу, и отвела их в лес, где они могли найти пищу и воду. Сделав это, я села в космолет и полетела на луну.

Со времени моего последнего визита на луне произошли значительные перемены. Территории Шаммат, и без того обширные, продолжали быстро расти. Шамматяне в основном занимались добычей полезных ископаемых. В кратерах с грохотом и скрежетом работали машины. Появилось много новых кратеров. Промышленные предприятия находились под землей.

Станции Сириуса размещались на окраинах территорий Шаммат, образуя дугу, а с другой стороны точно такой же дугой располагались наблюдательные пункты Канопуса. На луне работало много гусеничных машин Сириуса. Это были мощные, огромные агрегаты. Мы тоже занимались разработкой месторождений. Впрочем, по большей части мы лишь создавали видимость

деятельности. Канопус возвел на луне огромные купола, населил пространство под ними людьми и вооружил их. Таким образом, мы взяли шаммат-ян в кольцо, и они понимали это.

На некотором отдалении виднелись наблюдательные вышки еще трех планет, а также маяки для космических кораблей одной из них. На луне кипела жизнь, хотя обитатели Роанды только-только начали создавать приборы, которые позволяли видеть ее поверхность.

Чтобы наладить дружеские отношения с представителями трех соседствующих с Роандой планет, я лично нанесла непродолжительный визит на каждую станцию.

Посовещавшись с Канопусом, я приказала устроить на луне показательные военные учения. Для меня это был довольно интересный опыт, поскольку Сирианской империи давно не приходилось демонстрировать свою силу и нашей Планете-Матери было непросто изыскать достаточно воздушных судов и персонала для такого мероприятия. Однако в конце концов тридцать семь батальонов наших самых устрашающих кораблей, созданных специально для этой цели, одновременно появились из космоса, покружились над поверхностью луны, затем

облетели ее по орбите, немного повисели в небе и скрылись в светящейся туманности, которую соорудили как раз для этого мероприятия. И все же, вспоминая Тафту, его невероятную самоуверенность, я чувствовала растерянность. Я не знала и как лучше вести себя по возвращении домой. А вернуться туда мне пришлось вскоре после того, как луну покинули особые батальоны.

Большая Четверка вызвала меня на совещание.

В это время с Южных Континентов Роанды прибыла очередная группа наших разведчиков, которые отслужили свой срок, и их рассказы в очередной раз стали сенсацией, хотя и не удивили тех, кто побывал там раньше. На нашем родном Сириусе, на Планете-Матери, не могли и вообразить себе той бессмысленной дикой жестокости, которую агрессоры с северо-запада проявляли по отношению к населению Южных Континентов. Было трудно поверить, что люди способны на такие зверства…

Здесь я позволю себе сделать небольшое замечание. На Роанде наблюдалась определенная закономерность, которая встречалась нам и в других местах. Разные страны и народы критиковали друг друга за ошибки, которые совершали

они сами. Такая тенденция на Роанде стала столь явной, что эта планета постоянно приводилась в литературе как пример соответствующей модели поведения. Что касается меня, я неизменно приходила в изумление, наблюдая всемирные конференции на Роанде, где участники спорили до хрипоты, обвиняя друг друга в том, чем грешили сами.

Я и мои коллеги столкнулись с острейшим кризисом — он стал очевидным не сразу, но был чреват брожением в обществе, а это могло иметь глобальные последствия.

И моя просьба выделить тридцать семь батальонов, равно как и последовавшая реорганизация, а также необходимость ускоренной переподготовки людей, не ускользнули от внимания населения Сирианской империи.

Что представляла собой Роанда? Почему она была так важна для нас? Что заставляло нас идти ради нее на все эти хлопоты?

Члены Большой Пятерки — впрочем, теперь это была уже скорее Большая Четверка и я — снова собрались вместе. Мои коллеги хотели знать, встречалась ли я с Клорати. Я сказала, что больше не видела его и что это не имеет значения. Но я уже не надеялась на их понимание.

Коллеги ждали моих объяснений, не сводя с меня глаз, и в этом ожидании был явный оттенок беспокойства. Они чувствовали — хотя и не говорили об этом вслух, — что больше не распоряжаются судьбой Сириуса. Они не подозревали, что так было всегда. Мне самой даже теперь тоже нелегко было смириться с этой мыслью.

Члены Большой Четверки ждали, что я скажу что-нибудь простое и понятное вроде: «Я верю, что связь с Канопусом принесет нам пользу и, поддерживая ее, мы получим следующие преимущества...»

Зная об изменении ситуации на луне Роанды, коллеги поинтересовались, не предлагали ли мне написать отчет для Клорати. Они надеялись, что, прочитав его, поймут, какие отношения нас связывают. Я ответила, что, на мой взгляд, время писать отчеты еще не настало.

На этом заседание закончилось. Я до сих пор вижу их сердитые, недоумевающие лица. Я не виню их и не винила никогда! Оказавшись на их месте, я бы вела себя точно так же.

Шаммат

Меня снова вызвали на луну Роанды. На шамматянских территориях шли бои — продолжение гражданской войны на самой Шаммат. Боевые действия велись только на земле. Повсюду гремели взрывы, и на месте подземных поселений и заводов появлялись новые кратеры, а на заброшенных карьерах валялись гусеничные машины, изувеченные взрывами. Воюющие группировки до сих пор не осмелились атаковать друг друга с воздуха, и это, по нашему мнению, было признаком того, что пока они помнили свое место. Мы воспользовались случаем и еще раз продемонстрировали нашу силу над зоной боевых действий, чтобы шамматяне не забывали о присутствии Сириуса и Канопуса. Подробности этой войны не относятся к теме данного повествования.

На самой Роанде дела обстояли примерно так же. Здесь наступил Век Разрушения, начало которого ознаменовала Первая мировая война. Главные боевые действия велись на северо-западе Основного Материка, где народы истребляли друг друга в борьбе за власть на Первом Южном

Континенте. Воюющие стороны не стеснялись самых низких методов и при этом не прекращали упражняться в красноречии. Это была отвратительная война. Передо мной то и дело мелькал Тафта. Еще более надменный и самодовольный, чем прежде, теперь он трудился не покладая рук, разжигая межнациональную рознь. Он называл себя «человеком Божьим» — так ныне именовали служителей религиозных культов. Выступая то на одной стороне, то на другой, он заверял всех и каждого, что Бог поддерживает любой курс на массовое уничтожение. Думаю, я не скоро забуду ханжество Тафты, его вдохновенное лицо, когда он увещевал бедняг, которым предстояло погибнуть или стать калеками в этой кровавой бойне.

Большая Четверка вновь вызвала меня на Сириус. Мои коллеги хотели знать, «что думает Канопус», который допустил это побоище на Роанде. Они были убеждены, что я встречалась с Клорати, но скрываю это, поскольку связана с Канопусом узами особого рода. Я могла лишь повторить, что ни разу не виделась с Клорати и не получала от него никаких «инструкций», но склонна верить, что Канопус преследует определенные долгосрочные цели. Атмосферу на собрании было трудно назвать приподнятой,

и я почувствовала облегчение, когда получила срочное донесение с Роанды. Война шамматян на луне закончилась. Группировка, которая одержала верх на Шаммат, взяла под свой контроль и луну. Нас мало волновал исход этой войны — обе воюющие стороны отличались низостью и непорядочностью. Гражданская война подорвала репутацию Тафты, представителя Шаммат на Роанде, и его позиции ослабли. Мы знали, что по возвращении домой этого авантюриста арестуют или убьют, хотя сам он, возможно, и не подозревал об этом.

Деструктивные процессы на Роанде ускорились. Дело шло к развязке. Разразилась Вторая мировая война. Начавшись на северо-западе Основного Материка, она охватила всю планету. Именно эта война в конечном счете ослабила позиции белых рас — прежде они господствовали на Роанде и, не задумываясь, разрушали местные культуры и цивилизации, если того требовали их технические нужды.

Изменения в расстановке сил после Второй мировой войны подробно отражены в исторических документах, но детали этих локальных битв — а по большому счету они были именно таковыми — волнуют меня куда меньше, чем уроки,

которые они преподнесли и которые имеют непосредственное отношение к нашим проблемам.

Я наблюдала, как меняется менталитет граждан необъятной Сирианской империи: обитателей Планеты-Матери и колоний. На каждой планете бытовали собственные воззрения и идеи, которые отстаивались с пеной у рта, часто весьма агрессивно. Каждая из них воспринимала новые факты и идеи в разном темпе. Я не сразу поняла, что именно стало делом всей моей жизни, — долгосрочная цель Канопуса состояла в том, чтобы добиться изменений в Сирианской империи, а я была орудием в его руках. Я сделала все возможное, чтобы подробно описать медленное, трудное осознание происходящего, — ведь чтобы увидеть результаты, важно глубоко и всесторонне осмыслить процесс. И это относится даже к таким умелым и опытным администраторам, как члены Большой Пятерки.

В те дни я по большей части сидела дома и размышляла. Я давно не проводила время подобным образом, ибо привыкла все время спешить, кочуя с одной планеты на другую. Но необычным было не только то, что я сижу дома. Не помню, пребывала ли я когда-нибудь в подобном настроении.

Члены Большой Пятерки то и дело заходили

навестить меня. Они являлись по одному, чуть ли не украдкой, и извиняющееся выражение их лиц говорило о том, что коллегам непонятны мотивы моих действий. Надо сказать, что мне часто приходилось видеть, как подобное чувство вины оборачивалось раздражением, а то и кое-чем похуже…

Мы редко наносили друг другу визиты такого рода. Наши официальные заседания были формальностью, призванной успокоить общественность. Людям было необходимо видеть, как мы работаем, собираясь в зале заседаний. Каждый из нас знал, о чем думают другие и о чем они могут подумать… Вместе мы были чем-то вроде коллективного разума… Отчасти неловкость моих гостей объяснялась тем, что цели их появления были туманны… Они словно приходили выведывать какие-то тайны, но не знали, какие именно.

Все они держались вызывающе и в то же время смущенно и с порога принимались сочувственно расспрашивать о моем здоровье. Я заверяла их, что оно в полном порядке. Это повторялось снова и снова. Мы говорили о том, что Сириус охвачен волнениями и что на смену убеждениям, которых мы придерживались тысячи лет, приходят но-

вые. Было трудно предсказать, чем станет наша империя, когда этот переворот завершится, — а как всегда в периоды волнений и беспорядков, казалось невозможно поверить, что эта бурная эпоха когда-нибудь закончится.

Затем разговор переключался на Роанду.

— В период преобразований на планете парадоксы, конфликты, аномалии становятся особенно заметными. Как ты считаешь, Амбиен, что здесь самое главное? Самое важное в схеме социальных преобразований?

— У меня нет надлежащей подготовки, чтобы обсуждать такие радикальные перемены. — Я сознавала, что эти слова будут восприняты как вызов, и все же произносила их, глядя на собеседника в упор, и тому оставалось лишь смириться с этим.

— Что же касается парадоксов, — продолжала я, — надо сказать, что Роанда разработала весьма совершенные технологии коммуникации, которые позволяют людям в самых глухих уголках быть в курсе происходящего на планете. В этой индустрии заняты миллионы. Днем и ночью на каждого обитателя Роанды обрушивается мощный поток информации — она преобразуется в зрительные и звуковые образы и воздействует на

него иными путями, о которых он и не подозревает. Так называемый «поток новостей». И все же нигде и никогда не существовало такой пропасти между тем, что становится известным, и тем, что происходит на самом деле.

— Но, Амбиен, разве подобное в той или иной мере не происходит повсюду?

— Согласна. Если сказать сирианину, что государственная власть в империи — это диктатура Большой Пятерки, он рассмеется или посчитает тебя сумасшедшим.

— Я не об этом, Амбиен. И мне не нравится то, что ты говоришь. Если мы — диктаторы, скажи, где и когда существовали правители, которые так же болели душой за свой народ, относились к нему с таким же состраданием, так же пеклись о всеобщем благе… Ты жаждешь перемен, и я кажусь тебе смешным и нелепым — все мы понимаем, что единомыслие членов Большой Пятерки осталось в прошлом. Теперь ты держишься особняком… Но я говорю не о конкретной проблеме. Я говорю о том, что представления простого человека *всегда* отстают от фактов.

— На это можно смотреть по-разному. Не думаю, что здесь уместны обобщения. Это слишком тонкий вопрос. Попробую сформулировать свою

мысль иначе. Если представления людей неизменно отстают от реальных событий, это опасно для власти. Ведь сознание, индивидуальное или коллективное, можно рассматривать как машину. Машину, в которую поступает информация. Если она поступает слишком быстро, это вызывает заторы и помехи в ее работе, что порождает вспышки гнева — бунты, мятежи, акты гражданского неповиновения.

— Которые мы наблюдаем сейчас по всей империи. Так прокладывают себе путь новые идеи.

— Но многие из этих идей пока неизвестны никому. Впрочем, ты не желаешь обсуждать частности. И все же я считаю, что мы — *ты* — совершаешь ошибку. Наш долг — обсудить то, что происходит в Сирианской империи. И то, что происходит с *нами.* Мы должны решить, как сказать нашему народу: Сирианской империей, всеми вами, управляет олигархия, Большая Пятерка, хотя до сих пор вам говорили совсем другое… Но если угодно, вернемся к Роанде. Я обнаружила одну универсальную закономерность. В любой ситуации есть важнейший фактор, который очень часто остается незамеченным. Мы всегда склонны притягивать объяснение за уши, предпочитая сложное простому, даже если причина

находится у нас под носом. Понаблюдав за мыслительными процессами на Роанде, я пришла к выводу, что ее обитатели не понимают очевидный факт. Каждый человек считает себя яркой индивидуальностью, уникумом, даже не подозревая, что он — всего лишь крохотная песчинка, которая может существовать лишь как часть единого целого.

— И эта мысль кажется тебе новой, Амбиен? Тебе, члену Большой Пятерки?

Проигнорировав это замечание, я продолжала:

— Да, единого целого. Индивид не может мыслить независимо от общности, к которой он принадлежит… Погоди. Возьмем еще один пример из жизни Роанды. Представь себе огромное океанское судно, построенное по последнему слову техники. Оно сталкивается с глыбой льда и тонет, хотя его создатели твердили, что оно непотопляемо. Для расследования создают экспертную комиссию, в ее состав входят опытные специалисты, честные и неподкупные люди, которые пользуются всеобщим уважением. И эта комиссия публикует отчет, который оправдывает всех причастных к делу. Но несколько лет спустя тот же самый отчет поражает представителей нового поколения изобилием нелепостей

и неувязок…

— И тебя занимают подобные пустяки?

— Мне кажется, что из этого незначительного эпизода можно извлечь важный урок, который имеет непосредственное отношение к теме нашего разговора. С момента составления отчета до его переоценки прошло совсем немного времени. Что же произошло за эти несколько лет?

— Изменилась точка зрения.

— Именно. Люди, которые прошли одинаковую подготовку и принадлежали к одному и тому же классу, собрались вместе, чтобы решить проблему. Все они были носителями группового сознания, и их отчет не мог быть иным, потому что все они рассуждали одинаково. Они не могли мыслить по-разному. Вот почему одно поколение уверяет, что видит белое, а следующее утверждает, что это белое на самом деле черное.

— Но ты, Амбиен, ты сама являешь собой безусловное подтверждение тому, что групповое сознание едва ли можно считать незыблемым!

— Да, но здесь вступает в действие другой механизм… То, что мы видим, это всего лишь механизмы, схемы, не более того… Что есть групповое сознание? Комплекс идей, составляющих единое целое, весьма обширен, ведь зачастую

речь идет о целых народах. За мнение, которое спустя какой-нибудь десяток лет изменится на противоположное, воюют и погибают миллионы. При этом каждый отдельный человек остается частицей коллективного разума, и *если он отважится* мыслить иначе, то прослывет безумцем, окажется в изгнании или…

Озарение принесло с собой мучительную неловкость, но я прогнала это чувство, продолжая свою мысль:

— Все вы твердите, что наши давние разногласия доказывают, что я неправа. Но как формируется группа, целое, и как появляется тот, кто мыслит иначе, чем другие?

— Возможно, кто-то подкупил этого человека или убедил его пойти на преступление? Какая-то чужеродная и враждебная сила?

— Если мы будем рассуждать таким образом, тогда…

— Тогда *что,* Амбиен? Скажи мне. Скажи *нам.* Поверь, мы готовы понять тебя…

— Таков механизм социальных изменений. Спустя какое-то время — иногда очень небольшое, как на Роанде, где события разворачиваются все стремительнее и представления, которые казались незыблемыми, исчезают внезапно и

молниеносно, — в течение которого групповое сознание руководствовалось соображениями, казавшимися ему единственно правильными, последние начинают вызывать сомнение. Зачастую речь идет о еле заметном изменении угла зрения. Но даже если мнение индивида очень незначительно отличается от точки зрения большинства, групповому сознанию свойственно преувеличивать масштабы и опасность этих отклонений. Хотя очень скоро такие разногласия могут показаться ничтожными…

— Всем нам хочется надеяться на это, Амбиен.

— И все же мне не дает покоя один вопрос, на который я не нахожу ответа. До сих пор индивид, который расходится во мнениях с большинством, был частью группы и благополучно подчинялся ее правилам. И вдруг, откуда ни возьмись, у него появляются новые идеи. *Откуда они берутся?*

— Надо думать, их источник — изменения в обществе.

— Спасибо! Большое спасибо! Это проясняет многое! Позволь мне продолжить… Когда групповое сознание больше не в силах выносить нашего инакомыслящего героя, события могут развиваться по-разному. Как правило, он становится изгоем. На него навешивают ярлык бунтаря,

безумца, упорствующего в своих заблуждениях… Общество отторгает его… Понятное дело, в нашем случае это будет весьма прискорбным фактом. В принципе, наш изгой может создать собственную оппозиционную группировку и привлечь на свою сторону людей с похожими взглядами — нет-нет, не стоит воспринимать мои слова как угрозу. Разве мы не можем обсуждать эту тему, не переходя на личности? Да, наша давняя близость для меня не пустой звук, да, я беспокоюсь о своей личной безопасности, но неужели ты не веришь, что, задавая себе эти вопросы, я остаюсь прежней Амбиен Второй, которая так долго управляла огромной империей вместе с вами? Более того, наш отщепенец может повлиять на остальных членов группы, и тогда она расколется на два лагеря — впрочем, едва ли это произойдет в нашем случае. То, что заставило меня рассуждать иначе, чем вы, повлияло, как мне кажется, только на меня… Разве нет? Ладно, посмотрим! Нет, я не угрожаю! Какие могут быть угрозы? *Мы не властны над этими процессами.* Нам хочется думать, что мы управляем ими, но на самом деле это они управляют нами. Тебе неприятно это слушать? Нам, членам Большой Пятерки, обидно чувствовать себя соломинками,

которые плывут по течению… Но вернемся к нашему инакомыслящему герою. Раньше он был частью группового сознания и рассуждал так же, как и его окружение. Но сейчас у него появились другие идеи. *К какой общности он принадлежит теперь?* К какому незримому единству? Можем ли мы допустить, несмотря на ощущение одиночества и полной изоляции, существование других крохотных частичек, которые вместе со мной составляют новое целое… Как тебе нравится подобная мысль? Мне кажется, она не оставила тебя равнодушной — об этом говорит и тот факт, что ты явился ко мне, как и все остальные… Ты не знал, что здесь побывали и другие? Как странно! Как мало мы знаем о том, что делают и думают другие. Что ждет нас дальше? Мы этого не знаем! Вот что главное! Уподобимся ли мы жителям Роанды, не готовым изучать механизмы, которые управляют ими? Станем ли врагами? Следует ли видеть в наших разногласиях потенциальную угрозу?

— Мы не враги тебе, Амбиен. Не нужно считать нас врагами. Здесь нет ничего личного.

— Но разве мы когда-то рассматривали наши отношения как личные? Впрочем, разумеется, мне приятно твое доброе отношение.

— Мне пора идти. Тебе что-нибудь нужно? Что тебе прислать?

— Я не больна и ни в чем не нуждаюсь! Насколько я понимаю, я под арестом? Мне есть чем заняться и есть о чем подумать. Целыми днями я размышляю о групповом сознании. Понятно ли тебе, что если тот, кто рассуждает иначе, чем большинство, поставит группу перед неопровержимым, очевидным фактом, то скорей всего его товарищи попросту не увидят того, что ясно как день. В буквальном смысле. Потому что *они не в состоянии принять данный факт.* Знаешь ли ты, к каким последствиям это может привести? Ладно, спасибо, что зашел. Я тебе очень признательна.

В этот период я не получала вестей от Клорати и не знала ничего об официальных контактах Канопуса и Сириуса. Когда визиты членов Большой Пятерки завершились, я получила сообщение, адресованное мне лично: «Не будет ли у тебя возможности прилететь на Северный Изолированный Континент?»

Ознакомившись с этим посланием, Большая Четверка передала его мне — как правило, письма, адресованные одному из членов Большой Пятерки, не перехватывались.

Я проинформировала Большую Четверку, что намерена снова отправиться на Роанду, но ответа не последовало. Не зная, чем мне предстоит заниматься, я приказала космолету сделать несколько кругов над Северным Изолированным Континентом на высоте, которая позволяла наблюдать за тем, что происходит внизу. Я была не одна. В небесах было полно не только воздушных судов Роанды, но и наблюдательных кораблей Канопуса, Шаммат и трех планет, расположенных по соседству. Здесь были «Кристалл» Канопуса, «Осы» Шаммат и «Стрелы» трех планет, которые часто осуществляли совместные разработки.

Я разглядывала Северный Изолированный Континент, вспоминая, каким видела его раньше, когда прямо передо мной снизился и завис канопианский «Кристалл» обычной конической формы. Он висел среди освещенных солнцем облаков под синим бездонным небом, и я невольно залюбовалась этой картиной. Корабль медленно тронулся с места, и я последовала за ним. Я не сомневалась, что в его действиях есть какая-то подоплека, и, рассеянно обдумывая их скрытый смысл, продолжала наслаждаться красотой Роанды. Тем временем «Кристалл» превратился в тетраэдр — три его грани, обращенные ко мне,

отражали синее небо и белые облака, — а затем в шар. Сияющий шар вращался и танцевал в облаках. Завороженная этим чудесным зрелищем, я засмеялась и захлопала в ладоши… Потом шар вытянулся и стал похож на каплю, однако она не была вытянута сверху вниз, а лежала горизонтально, так, что ее тонкий конец находился прямо передо мной. Затем, под давлением воздушных потоков, капля изменила свою форму и превратилась в длинную прозрачную полосу. Казалось, что мой корабль вот-вот прикоснется к ней, нежной и невесомой, и в этот момент внизу показались реки, горы и пустыни Основного Материка, залитые солнцем, и моя душа запела от счастья. Мой провожатый снова изменил свою форму, подчиняясь движениям атмосферы, — текучий, как вода, он то превращался в шар, то вытягивался лентой, то пушился по краям бахромой, то и дело принимая новое обличье. Он сиял и переливался, он распускался как цветок — и вдруг потускнел и превратился в бесформенный, невыразительный ком, унылый и бесцветный… Но мгновение спустя серый цвет вновь сменился сиянием, и в воздухе опять заискрился светящийся шар, который сначала играл и резвился, а потом снова стал серьезным и мрачным, почти

суровым. На некоторое время я отвлеклась от «Кристалла», теперь просто повторявшего движение воздушных потоков, а потом увидела, что он повис в воздухе, вновь приняв форму капли, острый конец которой был обращен вниз. Он явно указывал мне на что-то находящееся внизу. Что я должна была увидеть?

Я подлетела поближе и вновь посмотрела вниз. Подо мной были горные хребты, окаймлявшие континент, пустыни, которые расширялись, и леса, которые отступали перед пустынями. Но потом я увидела нечто необычное. Весь континент был расчерчен на правильные прямоугольники, словно на его поверхность нанесли сетку. Передо мной была карта, чертеж, зримое воплощение неведомой мне ментальности. Так распорядились континентом агрессоры с северо-запада. Они чувствовали себя хозяевами этой земли и поставили на нее свое клеймо, обозначая границы владений. До сих пор я не видела ничего подобного, хотя, когда я была здесь в последний раз, завоеватели еще не успели подчинить себе все вокруг. Раньше я наблюдала, как развивается континент, как меняются очертания водоемов и суши, как эволюционирует его растительность. Но теперь захватчики поставили на живой, из-

менчивой земле свое клеймо, расчертив ее на квадраты.

Я поняла, что именно это хотел показать мне Канопус. Я взглянула на «Кристалл», ожидая распоряжений. Мне хотелось улететь, забыть об этой страшной карте — воплощении духа Шаммат. Какое-то время «Кристалл» оставался рядом со мной, продолжая беззвучно менять форму. Затем, превратившись в огромную прозрачную каплю, он поднялся вверх и немного повисел в вышине, бесконечно изменчивый и текучий, причудливое порождение канопианского разума… Он говорил со мной, он пел мне, он утешал меня, рассказывая о вечном обновлении всего сущего, а потом опять вытянулся, потускнел и полетел назад, на свою станцию, превратившись в пылинку в столбе солнечного света, воспоминание о самом себе.

Я снова осталась одна и призадумалась. Увидела ли я все, что должна была увидеть, и не пора ли мне возвращаться домой? Я представляла, как расскажу об увиденном Большой Четверке и как отреагируют на этот рассказ мои коллеги… Но перед возвращением мне захотелось еще раз взглянуть на западное побережье континента, где я не была очень давно.

Я посадила свой космолет на вершине высо-

кого здания в большом городе. С одной стороны отсюда были видны пустыня и горы, с другой — океан. Сам город внизу был еле различим из-за густых, едких испарений, и здания возвышались над серой пеленой словно острова над водой.

Я не стала задерживаться на крыше, опасаясь, что меня охватят чувства, которых я не испытывала с тех пор, как покинула Леланос. Контраст между техническими достижениями обитателей планеты и тем, что они творили, удручал меня до глубины души. К сожалению, подобные истории нередки в наших летописях, и в данном случае мне просто не хотелось, чтобы мысли об этом вывели меня из душевного равновесия. Я покинула крышу и спустилась в здание. Немного побродив по коридорам, я оказалась в просторном холле. Я сразу почувствовала, что пропорции здания оказывают крайне неблагоприятное воздействие на мыслительные процессы. На стене я увидела устройство для трансляции «новостей». Информация передавалась с помощью визуализации образов, и перед моими глазами потянулась нескончаемая череда сцен жестокости и насилия.

О подлинном положении дел на планете не было сказано ни слова, все сообщения были

отрывочными и невразумительными и скорее представляли собой полуправду, поскольку никоим образом не отражали полную картину.

Затем на экране появился Тафта. Он стоял на возвышении в зале, битком набитом людьми. Внешне он изменился — «человек Божий» в черном одеянии исчез без следа. И все же это был прежний Тафта, мускулистый, плотный, пышущий здоровьем. Он светился знакомым спокойным самодовольством. На нем были очень узкие синие брюки из плотной материи, которые подчеркивали его сексуальность, и облегающая трикотажная рубашка. Теперь такую одежду носили все вокруг, точно она была пошита по заказу диктатора. Впрочем, обитатели Роанды всегда любили униформу.

Тафта примостился одной ягодицей на краю стола и, покачивая ногой, лучезарно улыбался своей аудитории.

Теперь он стал фигурой мирового масштаба, апологетом современной технологии. В данный момент Тафта отвечал на вопросы обеспокоенной и явно испуганной аудитории. Несколько лет назад он смело критиковал политику правительства в отношении передовых технологий и даже написал несколько литературных произве-

дений, где в популярной форме рассказывалось о возможностях современного общества. Такие книги позволяли простому народу оценить потенциал технологических новшеств и в то же время успокаивали людей, которым казалось, что, если страшные последствия некоторых открытий отражены в литературе, человечеству хватит здравого смысла не воплощать их в жизнь. Тафта иллюстрировал известную социальную закономерность, которая вызывала у меня глубочайшую тревогу, поскольку имела ко мне самое непосредственное отношение. Суть ее в том, что, когда индивид, который в свое время противостоял групповой идеологии или устоявшемуся мнению, больше не считается опасным и добивается всеобщего признания, а его мнение вытесняет прежние стандарты, он превращается в представителя новой ортодоксии, которая начинает отвергать и высмеивать новое поколение чудаков и нонконформистов.

Я не буду подробно излагать взгляды, которые Тафта отстаивал. Скажу лишь, что все, к чему он стремился, вело к разрушению планеты, бурному развитию технологии в ущерб природе, опустошению и смерти. Оратор старался успокоить своих слушателей, и его приветливая, непри-

нужденная, демократичная манера держаться производила на большинство присутствующих должное впечатление.

Тафта сидел в непринужденной позе на краю стола, покачивая ногой. Его энергия, бьющая через край, и неукротимая жажда жизни были, вне всякого сомнения, заразительны. Честные голубые глаза сияли, ухоженная бородка лоснилась, и мне подумалось, что с тех пор, как я познакомилась с этим обаятельным разбойником и вором на юге континента, он почти не изменился. А еще Тафта улыбался. Ах, как он улыбался! Улыбка всегда была его самым мощным оружием…

Когда Тафте задали вопрос из зала, на его лице еле заметно промелькнули презрение и насмешка, которые, с одной стороны, являлись проявлением минутной неосторожности, а с другой — были призваны показать всем, как глуп и непроницателен тот, кто задал этот вопрос.

Время от времени Тафта позволял себе мягко съязвить. Когда кто-нибудь из присутствующих просил рассеять свои сомнения в отношении того или иного вопроса, Тафта устраивал настоящее представление. Я невольно восхищалась им. Этот человек умело использовал слабое место обитателей Роанды — больше всего на свете они

боялись превратиться в объект насмешек, идти «не в ногу» с остальными. Роль изгоя была для них невыносимой, и вернуть их в лоно коллективного сознания было чрезвычайно просто.

Десятью годами раньше задавались иные вопросы, и многие возможности, которые в свое время отвергались Тафтой или ему подобными ораторами как абсурдные, теперь стали явью. Через десять лет на вопросы, которые он так тонко высмеивает сегодня, даст ответ сама жизнь…

К концу этой «конференции» и последовавших за ней «дебатов» вкрадчивое, благовоспитанное презрение Тафты к своим слушателям заставило последних окончательно пасть духом. Теперь они ощущали себя неразумными и жалкими людишками.

Я вышла из холла и спустилась на улицу. Мне было тяжело находиться в этом здании и противно видеть Тафту.

На улице я не бросалась в глаза, поскольку была одета как все — в брюки из плотной ткани и облегающую трикотажную рубашку, — а мое лицо было покрыто густым слоем грима.

Вскоре я увидела Тафту, который, улыбаясь, шел мне навстречу.

— Ты видела? — спросил он и захохотал. Мне

мигом вспомнились песчаный берег и трое несчастных, которых до смерти забили кнутами.

— Да.

— Что скажешь, сирианка? — Я никогда не видела такой торжествующей усмешки. Ничто в этом заносчивом выскочке не напоминало лощеного и утонченного господина, за которым я только что наблюдала.

— На этой планете хозяйничает не Сириус, — спокойно заявила я.

Хотя Тафта и смотрел на меня, его интересовала лишь собственная персона. Он буквально лоснился от самодовольства, ощущая себя невероятно умным и талантливым. Но хотя этот чванливый тип развязно посмеивался, я знала: то, что я видела, было поражением.

— Тафта, — сказала я, — ты слишком самоуверен.

— Мы только что получили распоряжения из дома, — ответил он. — С Шаммат. Из Путтиоры… — И он засмеялся. Он радовался потому, что теперь империей Путтиора правила Шаммат, и он чувствовал свою причастность к этой власти. — Нам приказали проверить, способны ли жители Роанды здраво оценивать ситуацию, сложившуюся на планете. Я устроил им экзамен.

И поверь мне, сирианка, они абсолютно не понимают, что здесь происходит.

— Ошибаешься, — возразила я. — Тебе это только кажется.

— Знаешь ли ты, что будет, если лидер хоть одного государства Роанды встанет и скажет им правду, голую правду о том, что с ними творится? Эти люди просто-напросто не поверят ему. Они убьют его. Они объявят его сумасшедшим и посадят под замок.

— Так тебе кажется сейчас.

Опьяненный властью, Тафта посмотрел на меня со снисходительной улыбкой. И, как случалось уже не раз, его большие волосатые руки потянулись к серьгам в моих ушах. Его пальцы поглаживали мои серьги, а глаза жадно блестели. Но он забыл, для чего предназначены мои серьги… И поскольку я знала, что Тафта бесконечно далек от понимания происходящего, силы вернулись ко мне, и, почувствовав это, он опустил руки.

— Какие милые сережки, — пробормотал Тафта изменившимся тоном, и в его глазах промелькнула тревога.

— Да, шамматянин, именно так.

Теперь мы стояли на некотором отдалении друг

от друга. Казалось, что под моим взглядом он съежился и даже стал меньше ростом. Теперь Тафта был всего лишь мелким негодяем с Шаммат, он был обречен, и мне стало жаль его.

— Тафта, — сказала я, — было глупо с твоей стороны выполнять приказ, который поступил с Шаммат. Очень глупо.

— Почему? Что ты понимаешь…

Я зашагала прочь и услышала, что Тафта идет за мной. Затылком я ощущала его горячее дыхание. Не оборачиваясь, я произнесла:

— Прощай, Тафта.

Стоя на тротуаре, он в бессильной злобе осыпал меня проклятьями, а потом закашлялся, задыхаясь от ядовитых выбросов машин.

Я купила себе маску, которую эти несчастные надевали на улице, чтобы не отравиться газами — из-за ядовитых веществ жители Роанды слепли, заболевали и даже теряли разум, — и пошла бродить по городу. Я не могла заставить себя вызвать космолет, потому что думала про Клорати, про Канопус. Я хотела, хотя и боялась признаться в этом, чтобы меня ободрили и утешили: пусть с Тафтой я держалась уверенно и твердо, но при мысли о том, сколько сил было потрачено напрасно, меня охватила знакомая печаль. Я вспомнила

Назара, который научился сдерживать свою боль ради этого ужасного места, и подумала о том, как много он дал мне. Мне очень хотелось увидеть его еще раз, просто повидаться и перекинуться парой слов. О чем думает сейчас мой старый друг Назар, мой старый друг-канопианец?

Канопус

Я оказалась на окраине города. Один из домов привлек мое внимание. Он был довольно простым: обыкновенный, ничем не примечательный жилой дом, построенный из местной породы камня. И все же этот дом притягивал меня.

Стоящий на небольшом холме, он возвышался над ядовитыми испарениями, в которых утопал город. Я увидела, что на ступенях стоит юноша, одетый в уже знакомые мне узкие брюки и трикотажную рубашку, но не могла разглядеть его лица, потому что, хотя оно было обращено ко мне, его скрывала маска. «Назар, Назар», — застучало у меня в висках, и я крикнула:

— Назар, я знаю, что это ты!

Мы сняли маски и поднялись на вершину холма, чтобы не дышать ядовитым туманом, и наши глаза покраснели и увлажнились.

— Как дела, сирианка?

— Ты сам построил этот дом? Ты архитектор?

— Да, кроме всего прочего, я еще и архитектор.

Мы стояли рядом и смотрели на дом. Это было очень приятно. Казалось, что город исчез и остался лишь один этот дом.

— Смогут ли те, кто живет здесь, не потерять рассудок?

— Здесь живу я. И мне кажется, я тут один из самых здравомыслящих, — сказал Назар хорошо знакомым мне тоном, и я засмеялась.

— Ах, канопианец, но почему, почему, *почему?*

— Ты все еще продолжаешь задавать этот вопрос, Амбиен?

— А ты нет?

Назар помедлил с ответом. О, как это было знакомо — он не мог откровенно поделиться своими мыслями со мной, сирианкой. Я не годилась для этого! Наконец он сказал:

— Амбиен, тебе не приходило в голову, что есть вопросы, которые имеют смысл, а есть и другие, задавать которые бесполезно? Абсолютно бесполезно!

— Мне трудно примириться с этим.

— Хотя тебе говорит об этом сам Назар, крупнейший специалист по бессмысленным бунтам? — Он опять засмеялся, и мне вспомнилось время, проведенное в Коши.

— Может быть, я недостаточно сильна, чтобы принять правду.

— Тем хуже для тебя. Ни у кого из нас нет выбора… Или ты хочешь остаться среди тех, кто

прячется за выдуманное решение или ответ лишь потому, что он слишком слаб и ему недостает терпения?

Я улыбнулась при мысли о том, как долго ему пришлось терпеть.

Но, улыбнувшись, я закашлялась, а следом за мной начал кашлять и канопианец.

Назар надел маску, и я последовала его примеру. Теперь мы снова походили на носатых чудовищ.

— Послушай меня, Амбиен.

— Я вся внимание.

— Вот и прекрасно. Неужели, после того как ты долгие годы наблюдала за нашей работой, а потом стала участвовать в ней сама, ты по-прежнему думаешь, что мы стали бы заниматься тем, что заведомо обречено на провал?

— Нет.

— Так помни об этом. Не забывай это никогда.

Назар помахал мне на прощанье и стал подниматься по ступеням к себе домой.

Я улетела с Роанды, так и не вернувшись на ее луну.

Дома меня поджидала Большая Четверка.

Отделаться от нее на этот раз было не так-то просто. Моим коллегам требовалась информа-

ция.

Взвесив все за и против, я написала письмо Клорати. (Общаясь с Канопусом, мы всегда называли Роанду Шикастой.)

Частное письмо, отправленное с дипломатической почтой

Отправитель: АМБИЕН ВТОРАЯ, СИРИУС
Адресат: КЛОРАТИ, КАНОПУС

Пишу наспех. Я только что просматривала наши отчеты с Шикасты. На всякий случай сообщаю, что Шаммат созвала всех своих агентов на этой планете на совещание, хотя скорей всего ты уже в курсе. Это совещание подтверждает наши подозрения. Условия на Шикасте влияют на шамматян сильнее и быстрее, чем на обитателей самой Шикасты. Их умственные способности стремительно слабеют. Они страдают лихорадкой, учащенным сердцебиением и аритмией. Шамматяне все еще способны адекватно оценивать конкретные ситуации, однако выводы, которые они делают, становятся все более нелепыми и дикими. То, что

Шаммат созвала это собрание, подвергая своих агентов огромной опасности, равно как и то, что им пришлось подчиниться этому опрометчивому приказу, показывает, что неблагоприятному воздействию подверглась Планета-Мать.

Мы полагаем, что состояние Шаммат и ее агентов по всей вероятности ускорит стихийное самоуничтожение Шикасты.

Разумеется, такие новости не радуют…

По данным нашей разведки, вы переносите кризис на Шикасте очень неплохо — впрочем, мы и не ожидали от вас ничего другого. Можем ли мы рассчитывать на ваш визит, если все будет идти нормально? Как всегда, с нетерпением ждем встречи.

Вскоре после этого меня вызвала Большая Четверка, которая, без сомнения, прочла и обсудила это письмо.

— Амбиен, почему ты не хочешь рассказать, что происходит между тобой и Клорати?

— Между Сириусом и Канопусом.

Эти слова вызвали у них раздражение и тре-

вогу.

Сознание Большой Пятерки виделось мне гроздью из пяти крохотных шариков, живых клеток, которые прильнули друг к другу, став единым целым. Но одна из них вибрировала в собственном темпе. Четыре маленьких пузырька все теснее прижимаются друг к другу, а вокруг пятого образуется свободное пространство, и его биение делается все более бурным.

— Ты не рассказываешь нам ничего. *Ничего.*

— Я рассказываю все, что могу.

— Амбиен, тебе придется рассказать нам все. Если мы — Большая Пятерка — не найдем убедительных аргументов для обоснования нашей деятельности на Роанде, ситуация станет критической для всех нас.

— Исправить ее в ваших силах.

— Нам не хочется прибегать к подобным мерам.

— Неужели вы действительно думаете, что мне нужно лишь найти формулу, подобрать слова, нанизать несколько фраз одна на другую? И тогда вы, одобрительно кивая, скажете: ну разумеется, вот оно! А потом повторите мои слова для всей империи, и все будут счастливы…

Я вынуждена подчеркнуть, что это заседание

проходило в самый разгар дебатов, которые продолжаются до сих пор и подрывают фундаментальные принципы, на которых зиждется империя.

Какие принципы?

Какие традиции? Какие цели?

Какая служба? Какая роль?

Я пыталась втолковать Большой Четверке, что им придется слушать мои объяснения год напролет, поскольку их хватит на целую книгу.

— Так почему бы тебе не написать ее, Амбиен?

Я понимала, что это поможет решить множество задач.

— Бюрократу со стажем будет нелегко написать ее, ведь прежде всего это история моего сердца, а не хроника событий.

Эта шутка произвела тягостное впечатление на моих соратников.

Меня отправили в продолжительный отпуск. Иными словами, я оказалась в ссылке на Планете 13.

На их месте я поступила бы точно так же. Я считаю институт Большой Пятерки — или (надеюсь, временно) Большой Четверки — чрезвычайно эффективным механизмом управления империей. Его не следует разрушать. И мне хочется

верить, что мой обширный опыт еще принесет пользу Сириусу.

Жизнь в заточении дается мне нелегко — я привыкла свободно перемещаться по всей Галактике, — но я не жалуюсь. Ведь мне позволили написать отчет и поделиться своим уникальным опытом.

Мысли о Роанде причиняют мне боль, но я стараюсь утешиться тем, что сказал мне на прощанье Назар.

Поскольку мне открылось много такого, что я и не надеялась понять, полагаю, что, если проявлю терпение и воздержусь от бессмысленных вопросов, я буду вознаграждена новыми открытиями.

Амбиен Вторая Роандианская,
член Большой Пятерки
Планета 13, Сирианская империя

Директива Большой Четверки Распространить на Сириусе и во всех колониях Сирианской империи

Внимание! В последнее время получил широкое распространение некий документ — официальный отчет, якобы составленный Амбиен Второй, бывшим членом Большой Пятерки. Эти так называемые «воспоминания», которые никогда не издавались официально, а следовательно, не были утверждены и одобрены, достаточно показательны для всех, кто не утратил способности здраво судить о происходящем. Эта грубая подделка — дело рук тех, кто стремится свергнуть законное правительство Сирианской империи. Амбиен Вторая долгие годы верно служила империи, однако продолжительное пребывание в неблагоприятных условиях на планете Роанда сказалось на ее здоровье и стало причиной умственного расстройства. В настоящее время она проходит курс лечения. Мы, ее коллеги, верим, что со временем она сможет вернуться к исполнению своих обязанностей, и сделаем все, чтобы впредь они стали менее обременительными, чем

прежние.

ПИСЬМО, АДРЕСОВАННОЕ СТАГРАК

Настоящим уведомляю, что я ознакомилась с вашей директивой. Разумеется, в сложившейся ситуации, когда в Сирианской империи в любой момент может вспыхнуть революция, Большая Четверка вынуждена идти на подобные меры. Я получаю ваши письма, в которых вы любезно справляетесь о состоянии моего здоровья, и признательна всем за внимание и заботу. Я чувствую себя неплохо и ни в чем не нуждаюсь. Разумеется, я очень тоскую по работе. Как говорится, привычка — вторая натура. Отчасти утешением для меня служит то, что все вы продолжаете навещать меня. Эти встречи доставляют мне огромную радость. Мне приятно думать, что благодаря нашему общению мой обширный опыт продолжает приносить пользу. Любопытно, что каждый из вас заверяет меня, что понимает и всей душой поддерживает шаги, которые я предприняла, чтобы ознакомить со своей рукописью

широкие массы, и нимало не осуждает меня за то, что я сделала это по старинке. Как и вы, я полагаю, что горькую правду следует преподносить простому народу постепенно. Впрочем, разве не я первая заговорила об этом? Я убеждена, что такое взаимопонимание еще сослужит нам добрую службу, когда — что представляется мне все более вероятным — все мы встретимся в исправительной колонии на довольно приятной, хотя и немного скучноватой Планете 13.

Амбиен Вторая